

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

19 2024
ЧАСТЬ VIII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 19 (518) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Салман Амин Хан (1976), американский преподаватель и предприниматель. Является основателем Академии Хана — некоммерческой организации и бесплатной образовательной онлайн-платформы. Внук пакистанского политика Абдул Вахаб Хана.

Сал Хан родился и вырос в Новом Орлеане (Луизиана, США). Будучи еще школьником, он как-то наблюдал за своим дядей, решавшим математические задачи. «Что такое математический анализ?» — спросил Салман. Дядя ответил, что математический анализ нужен для того, чтобы стать инженером, и сказал Салу, что тот тоже должен стать инженером и поступить в Массачусетский технологический институт.

Но в детстве Сал больше интересовался искусством, чем математикой, и хотел стать карикатуристом или архитектором. В средней школе Грейс Кинг в Метэри, штат Луизиана, он играл на гитаре и пел — или, как он это описывал, «рычал» — в хэви-металлической группе.

Постепенно Сал увлекся теоретической физикой. Поэтому он упорно занимался математикой и естественными науками и все-таки был принят в Массачусетский технологический институт, который окончил по ускоренной программе в 1998 году сразу с несколькими степенями: бакалавр по математике, бакалавр по электротехнике и компьютерным наукам и магистерская степень по компьютерным наукам.

Проработав два года в Калифорнии в «Оракл», Хан вернулся в Кембридж и Гарвардскую школу бизнеса, где получил еще степень магистра делового администрирования.

После Гарварда Салман Хан стал аналитиком в хедж-фонде в Бостоне, но никогда не оставлял своего увлечения преподаванием и всегда интересовался тем, как люди получают фундаментальные знания.

В 2004 году в качестве побочного проекта Сал начал обучать свою младшую двоюродную сестру Надию по телефону математике с помощью интерактивного блокнота (в дальнейшем Надия поступила в Колледж Сары Лоуренс). В течение двух лет Хан добавил к своим онлайн-занятиям более дюжины родственников и друзей семьи. К тому времени он писал учебные приложения для своих учеников и создавал для них уроки на YouTube.

К 2009 году Салма оставил свою основную работу, чтобы полностью посвятить себя новой некоммерческой Академии Хана при финансовой поддержке «Джион Вентур Силикон Валлей» из Сан-Хосе, Фонда Билла и Мелинды Гейтс и других участников.

В 2014 году Хан уже управлял компанией более чем с 50 сотрудниками.

Появление ChatGPT и активное распространение технологий на основе искусственного интеллекта стало началом своеобразной революции в сфере образования. Учителя, преподаватели вузов, методисты, специалисты по корпоративному обучению обсуждают, как быть: запрещать такие технологии, менять подходы к преподаванию и оценке знаний студентов или вообще пока не волноваться?

«Работа с ИИ будет одной из самых трендовых в будущем», — считает Салман Хан.

Благодаря новой технологии работа сильно изменится. «Люди не должны от этого прятаться. Они должны играть с этим, приветствовать это и увидеть, как можно изменить будущее», — резюмировал Хан.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

- Sablin D. A.**
Motivation of young people in choosing a profession 469
- Штукова Е. А., Секачева С. А.**
Отношение современной молодёжи к здоровому образу жизни 471

ПСИХОЛОГИЯ

- Адучиева В. Д.**
Личностные особенности старших подростков, вовлеченных в кей-поп-культуру..... 473
- Винниченко В. К.**
Самоотношение женщин среднего возраста — участниц групповых танцевальных занятий по авторской методике 477
- Денисенко И. В.**
Профессиональное самоопределение старшеклассников с учетом разной организации образовательного процесса 480
- Ляхова А. В.**
Связь уровня любовной зависимости и нарциссизма личности 483
- Михайлова М. В.**
Связь субъективного благополучия подростков и типа семейного воспитания 485
- Сергейчук Э. А.**
Исследование личностной беспомощности подростков с высоким и низким уровнем привязанности к референтным лицам из числа друзей 493
- Сорокина А. И.**
Особенности стратегий поведения в конфликте у курсантов с разным уровнем враждебности..... 495

- Тугаринов А. С.**
Специфика самооценки подростков, занимающихся смешанными единоборствами 498
- Чадова Е. Ю.**
Связь академической мотивации и личностных характеристик студентов неязыковых вузов при изучении ими иностранного языка 499
- Чепуштанова Н. А.**
Готовность выпускников учреждений для детей-сирот к самостоятельной жизни 501

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

- Аймухамбетова К. Н.**
Лингвокультурные особенности аудиовизуального перевода с китайского на русский язык на примере фильма «Самый длинный день в Чанъане» 507
- Бирюков М. В.**
Семантическое поле «тревога — страх» во фразеологии английского языка 510
- Вилявина Ю. И.**
Особенности перевода топонимов Астраханского края с русского языка на китайский 513
- Dochshanova A. K., Assanova G. S.**
Lingua-cognitive peculiarities of sports terminology under translation aspects..... 515
- Мухаметова С. И.**
Трудности перевода западной поэзии на китайский язык..... 518
- Раздобреева К. Г.**
Литературное наследие звенков Китая: роль писателя Ужээрту в сохранении и развитии культуры..... 520
- Семерунья Е. А.**
Особенности освещения русской культуры в СМИ Болгарии в 1920–2020 гг. 522

Сивакова О. Б. Способы перевода концептуальных метафор в эпоху цифровизации (на примере произведения «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда) 526	Чжоу Юйчжэнь Фонологическое сравнение между кантонскими диалектами и путунхуа ... 534
Туманова А. Д., Кошелева Д. Ю., Гафарова С. Д., Зорькина В. О. Идиомы о погоде в современном английском и русском языках. Применение обучающимся идиом о погоде на уроках английского языка 532	Шао Ицюн, Старыгина Г. М. Функционирование ономастических единиц в языке русских и китайских СМИ: сопоставительный аспект 535
	Шпилова В. В. Коммуникативная роль комплимента как речевого акта на примере китайской драмы 你微笑时很美 («Влюбиться в твою улыбку») 537

СОЦИОЛОГИЯ

Motivation of young people in choosing a profession

Sablin Dmitry Alekseevich, student

Scientific advisor: Zimovets Natalia Viktorovna, candidate of philological sciences, associate professor
Belgorod State National Research University

This article presents the results of a sociological study conducted in the city of Belgorod. The study aimed to identify the key factors that influence young people's career choices.

The study involved a sample of 250 individuals between the ages of 17 and 27. The findings revealed that while many respondents prioritize financial security when making career decisions, a significant number also consider factors such as leadership opportunities and the alignment of their chosen field with their future professional activities.

Interestingly, despite the emphasis on salary motivation, a notable proportion of respondents do not intend to pursue careers in their chosen specialties. This could be due to changing economic conditions and emerging professional trends.

The analysis also highlighted that wage considerations often outweigh other factors such as team dynamics, work schedules, and career advancement prospects. These findings emphasize the complexity of career motivations among young people and the need to understand the interplay between individual aspirations, economic factors, and societal dynamics in shaping career trajectories.

Overall, the study highlights the importance of exploring and addressing the factors that influence career choices among young individuals. By doing so, we can better understand and support the career development of young people, contributing to the creation of a sustainable society. motivation in choosing a profession.

Keywords: profession, motivation, factors, career, professional self-determination.

In a rapidly developing world, career choice plays a key role in determining the career path of young people, as it affects the future aspects of their professional life over the long years of their lives. This choice determines the opportunities for the development of professional skills and success in the chosen field of activity. The motivation of young people in choosing a profession is not formed by itself, it is influenced by many factors, including personal interests, abilities, socio-cultural context, economic conditions and the influence of others.

Young people can choose a profession that suits their hobbies and interests. They are looking for a job that matches their values and allows them to have a positive impact on the world. Work aimed at specific goals gives young professionals the opportunity to deal with issues that they consider important, whether it is environmental protection, ensuring social justice or the development of society. Building a career according to their hobbies brings them satisfaction, as they know that their work contributes to something more than just their personal well-being.

For many young people, it is important to choose a profession that will provide them financially. This may be due to the prospect of a high salary, the possibility of career growth, or the stability of the labor market in the chosen field. According to the researchers

I. V. Kazarinov and N. E. Romanov, when choosing a job, young people prefer high salaries, work-life balance, good labor conditions and career possibilities.

Young people have high hopes not only for high salaries, promotions and vacations. But their biggest expectation in the workplace is flexibility and freedom. Some young people may be looking for jobs that provide flexible working hours or the opportunity to work remotely. This may be important for those who value work-life balance or want to be able to travel. Due to such forms of work as remote positions or project-based contracts, young people can make a good career, not limited to traditional office structures. Thanks to this flexibility, the younger generation has more autonomy, and they can integrate meaningful work into various aspects of their lives.

Further, many young people prefer to start their own business. This allows them the freedom to build a career that meets their personal goals and makes a positive contribution to society.

Another factor in choosing a profession is the desire to help others. Many young people choose professions through which they can help others or make a positive contribution to society. This can be a motivation for choosing professions in medicine, education or social work.

For example, many young professionals are attracted to organizations that actively support corporate social responsibility (CSR) initiatives or implement sustainable practices. These companies provide an environment where employees can contribute to creating a better future while developing their skills and experience.

A conscious choice of a profession with high social significance helps to increase the motivation of young professionals. The belief that your work improves society or the environment strengthens dedication and enthusiasm. For instance, a specialist in the field of sustainable energy may feel motivated by his contribution to the fight against climate change.

Nowadays, many young people are motivated to choose professions related to technology and innovation. This may be due to an interest in software development, research in artificial intelligence, or the creation of new technologies.

In addition, job search activities allow young people to gain valuable information about various fields of activity. They will learn about the skills and qualifications required for specific positions. Young people gain a lot of knowledge through internship programs and career guidance events. According to E. V. Yarina, internships are especially valuable, as they provide practical experience that cannot be obtained only through education, and mentoring allows you to shape the ambitions of young people. Mentors provide advice and support on the path to a successful career, as well as demonstrate how leadership and service opportunities can lead to fulfilling roles that contribute to creating positive change in society.

Therefore, young people who are interning at a technology company can discover their potential in programming and software development by taking part in real projects. This approach to the study of motivation in choosing a profession can be considered innovative, since thanks to it is possible to observe the manifestation of motivation in real time through participation in real projects. For example, according to S. N. Chistyakova, by integrating real-world experience and internships into education, it is possible to help young people understand the practical application of a purposeful career.

In addition, young people pay attention to the image of the employer, his reputation and attractiveness in the process of finding and choosing a job. This is due to the fact that young people are trying to

find not just a job, but a place where they can feel inspired and involved. The reputation and image of an employer can reflect values, culture and development opportunities, which are key factors for young people seeking to meet not only material needs, but also emotional and professional aspects of life.

Thus, the influence of factors determining the choice of profession can vary significantly depending on the economic structure of society, the characteristics of the social system, the national mentality of young people, cultural nuances, customs and traditions.

In order to identify the significance of the factors, we conducted a sociological study. The sample included young people aged 17–27 years. The study involved 250 people from the city of Belgorod. Answering the question «What is the most important thing for you in choosing a profession?», most young people indicated «living a secure life» as the most important factor. At the same time, 8.2% of young people believe that «the opportunity to lead other people» plays an equally important role. It is also important to note that salary motivation has an advantage in choosing a profession among respondents, which may indicate that the decision to choose a career is often made based on the salary level. But, 44% of respondents associate their chosen specialty with their future professional activity. However, half of the respondents do not plan to look for a job in their specialty. It may well be that their education does not currently determine their life path. That is, the opportunity to work not in a specialty that is considered by young people is associated not so much with mistakes in choosing a profession, but with rapidly changing economic conditions, changes in the labor market and the emergence of new professional directions.

The priority in choosing a profession among young people turned out to be wages — 61.8%, the team and management are priorities for only 7.4% of respondents; the work schedule is important for 24.5% of respondents; the possibility of career growth — 6.3%.

Based on the findings obtained, the following conclusions can be drawn: motivation in choosing a profession among young people is an important aspect of research in the context of building a sustainable society. The study and development of mechanisms influencing the career choice of young people is becoming a significant indicator of the effectiveness of society as a whole.

References:

1. Andrienko, O. A. Features of professional self-determination of students of senior classes of secondary schools / O. A. Andrienko. — Text: direct // PNiO. — 2018. — № 2 (32). — Pp. 125–129.
2. Bogomolova, O. Y. The problem of motivational readiness to choose a profession among university students / O. Y. Bogomolova. — Text: direct // ANI: pedagogy and psychology. — 2019. — № 2 (27). — Pp. 302–306.
3. Buravtsova, N. V. Motivation of educational and cognitive activity of first-year students / N. V. Buravtsova, V. I. Kovalenko. — Text: direct // MNKO. — 2014. — № 4 (47). — Pp. 18–24.
4. Gorina, E. E. Features of choosing a future profession: the results of a trend study / E. E. Gorina, E. A. Shikina. — Text: direct // Society: sociology, psychology, pedagogy. — 2013. — No. 3. — pp. 81–89.
5. Grigoriev, G. I. Analysis of the main motives for choosing a future profession by students of the medical institute / G. I. Grigoriev, R. E. Efremov, L. A. Aprosimo. — Text: direct // Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov. Series: Medical Sciences. — 2017. — № 2 (7). — Pp. 5–13.
6. Lavrikova, V. N. Professional orientation of youth as a factor of successful employment / In, N. Lavrikova. — Text: direct // Humanities, socio-economic and social sciences, 2017. — No. 3. — pp. 11–15.
7. Umaev, A. U. Management of professional choice and professional self-determination of students / A. U. Umaev, A. P. Salakhbekov, T. S. Rakhmetov. — Text: direct // MNKO. — 2017. — № 3 (64). — Pp. 154–157.

8. Tsygankova, I. V. Factors of motivation of youth in choosing a profession / I. V. Tsygankova, V. F. Potudanskaya, Ya. Tzwei. — Text: direct // Labor economics. — 2019. — No. 4. — pp. 1545–1554.
9. Chistyakova, S. N. The effectiveness of professional orientation of students is the most important component of the system of state personnel policy / S. N. Chistyakova. — Text: direct // Professional education in Russia and abroad. — 2017. — № 1 (25). — Pp. 24–30.
10. Yarina, E. V. Dynamics of value orientations of professional self-determination of student youth (sociological aspect) / E. V. Yarina. — Text: independent // Russian Journal of Education and Psychology. — 2014. — № 5 (37). — Pp. 18–29.

Отношение современной молодёжи к здоровому образу жизни

Штукова Екатерина Алексеевна, студент;

Секачева София Алексеевна, студент

Научный руководитель: Соколова Марина Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент
Смоленский государственный медицинский университет

В статье авторы исследуют отношение современной молодёжи к здоровому образу жизни.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, молодёжь, отношение.

Здоровый образ жизни — это настоящий тренд современного общества. Он появился благодаря росту понимания важности заботы об общем физическом и психическом здоровье, а также в связи с осознанием обществом факта, что именно здоровый образ жизни может стать ключом к всеобщему долголетию и благополучию.

Особую актуальность приобретает вопрос, связанный с отношением молодёжи к ЗОЖ. Подростки — это будущее современного мира, они должны быть здоровыми, активными и способными прожить полноценную жизнь.

Цель данной статьи — проведение анализа отношения современной молодёжи к здоровому образу жизни, выявление основных проблем.

Уже в Ветхом Завете выражена идея, которую можно назвать ключевым принципом здорового образа жизни. Здоровье в нём рассматривается как неотъемлемая характеристика Творения, как врожденное качество Вселенной: Мир создан благополучным, «здоровым», каждая его часть изначально «здорова». Эта характеристика применима как к человечеству в целом, так и к каждому человеку, сообществу, явлению, процессу в частности. Это означает, что ведение здорового образа жизни естественно, это нормальное состояние человека, помогающее ему найти путь к совершенствованию и совершенствованию мира в целом. [1]

Здоровье и здоровый образ жизни в своих исследованиях упоминали еще мыслители Древней Греции и Древнего Рима, в последствии о нём высказывались многие другие философы. Так, согласно учениям Демокрита, каждый человек может достичь счастья, если будет жить в соответствии со своей сущностью, разумно соблюдая баланс, умея определять чувство меры, стремясь к справедливости и осознавая ответственность за свои действия.

В своих работах здоровье и здоровый образ жизни упоминал и Иммануил Кант — всемирно известный немецкий философ. Он полагал, что поддержать здоровье могут следующие правила:

- небольшое количество сна;
- подвижный образ жизни;
- максимальный отказ от напитков и жидкой пищи;
- сохранение головы, ног и груди в прохладе;
- дыхание исключительно носом. [6]

Эмиль Дюркгейм в своих исследованиях уделял внимание социальному благополучию как основе здорового образа жизни. Он полагал, что социальное благополучие определяется нормальным развитием жизненных сил индивида, группы или общества, их способностью адаптироваться к окружающим условиям и использовать их в своих интересах. По его мнению, социальное благополучие обеспечивает им «шансы на долгую жизнь». [5]

Здоровый образ жизни — это концепция, характеризующая жизнедеятельность человека, направленную на улучшение и сохранение здоровья при помощи различных факторов: соответствующего питания, физической подготовки, сохранения социального благополучия и морального настроения, отказа от вредных привычек. Именно здоровый образ жизни помогает человеку улучшить качество и продолжительность его жизни. Этому могут способствовать регулярная физическая активность, отказ от вредных привычек, умение управлять стрессом, полноценный сон и отдых, а также регулярные медицинские обследования.

Главная цель взрослого поколения — привить своим потомкам понимание важности здорового образа жизни. Основную роль в распространении информации о здоровом образе жизни и в формировании серьезного к нему отношения может сыграть массовая пропаганда. Этот термин охватывает широкий спектр мероприятий:

- устные: беседы, лекции, дискуссии и конференции;
- печатные материалы: статьи, брошюры, листовки и стенные газеты;
- визуальные: макеты, модели, скульптуры, плакаты, рисунки и фотографии.

Существует также комбинированный подход, одновременно воздействующий на зрительное и слуховое восприятие

подростков. К нему можно отнести телевизионные программы, театральные постановки и просветительские фильмы и видеоролики. [4]

В рамках исследования с целью выявления отношения современной молодёжи к здоровому образу жизни нами был проведен социологический опрос. Среди респондентов было 50% женщин и 50% мужчин, 75% из них относятся к возрастной категории 19–20 лет, 14,3% — 17–18, 10,7% — 21–22 года.

В результате опроса 3,6% опрошенных полагают, что здоровый образ жизни — это активная жизненная позиция, ещё 3,6%, что это двигательная активность, а 92,8% считают, что ЗОЖ — здоровое питание, двигательная активность, отсутствие вредных привычек и активная жизненная позиция вместе взятые. Также в ходе проведения опроса было обнаружено, что 40,7% из них занимаются физкультурой, 11,1% — профессиональным спортом, у 29,6% с активностью связана их ежедневная деятельность, 33,3% занимаются в тренажёрном зале, ещё 11,1% не считают спорт чем-то необходимым и не занимаются им в повседневной жизни. 75% полагает, что здоровый образ жизни способствует успеху в других сферах человеческой деятельности, 14,3% с этим не согласны, а 10,7% затрудняются дать ответ на этот вопрос.

Выяснилось, что 42,9% опрошенных употребляют здоровую пищу каждый день, 46,4% — несколько раз в неделю, 10,7% — редко. 57,1% респондентов часто задумывается о правильности своего образа жизни, 35,7% делает это редко, а 7,1% этот вопрос в целом не интересуется.

Оказалось, что 21,4% опрошенных курит, 64,3% — не имеют этой вредной привычки, а 14,3% — делают это лишь иногда. На вопрос об алкоголе 64,3% отметили, что употребляют его редко, 14,3% делают это раз в неделю, ещё 14,3% — раз в месяц, а 7,1%

— никогда не употребляли алкоголь. Выяснилось, что 21,4% хоть раз в жизни, но предлагали попробовать наркотик, 78,6% таких предложений ни разу не слышали; 7,1% пробовали различные вещества, 92,9% их не пробовали.

57,1% опрошенных считают, что ЗОЖ — это залог долголетия и сохранения молодости, для 25% это не так, а 17,9% дать ответ на этот вопрос затрудняются. 10,7% считают себя абсолютно здоровыми, 64,3% — скорее здоровыми, 3,6% — скорее не здоровыми, 21,4% говорят о наличии хронических заболеваний.

Согласно полученным данным, 64,3% опрошенных спят 6–7 часов в сутки, 14,3% — 8–10 часов, 17,9% — 4–5 часов, а 3,6% — 6 часов.

По итогам проведённого исследования можно констатировать, что для того, чтобы достичь здорового образа жизни, 29,6% считают, что им нужно бросить курить, 33,3% говорят о том, что хотят похудеть, 74,1% считают нужным изменить своё питание, 51,9% полагают, что им необходимо следовать режиму дня, 37% хотели бы чаще бывать на природе, а 37% — начать ходить в спортзал. И только 3,7% полагают, что уже ведут здоровый образ жизни.

Проанализировав полученные в ходе проведения опроса данные, можно прийти к заключению, что современная молодёжь в целом демонстрирует позитивное отношение к здоровому образу жизни и выражает готовность внести коррективы в свои повседневные привычки для его поддержания. Тем не менее, некоторым представителям этого поколения всё ещё требуется больше и активнее доносить информацию о вреде курения, употребления наркотических веществ, а также помощь в осознании важности полноценного сна и соблюдения режима дня.

Литература:

1. Бриленок Наиля Булатовна. Здоровый образ жизни: социально-философский анализ: диссертация... кандидата Философских наук: 09.00.11 / Бриленок Наиля Булатовна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»], 2018. — 145 с.
2. Лунина И. И. Здоровый образ жизни: философское измерение. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, выпуск 1. С. 20–24.
3. Михайленко Т. А. Лайфхаки о здоровом теле и позитивном мышлении: как познать ЗОЖ, быть здоровым и не сойти с ума! Домашняя медицина. — М.: Феникс, 2020. — 233 с.
4. Чурай В. С. Отношение молодёжи к проблеме здорового образа жизни / Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023.
5. Шклярчук В. Я. Историко-философские представления о здоровье и продолжительности жизни человека / Философия и общество. Выпуск № 4(48). 2007.
6. Бернацкий А. С. Экстравагантные знаменитости / Книга «Неизвестная жизнь учёных», глава 6. ООО «Издательство «Вече» 2021. — 412 с.

ПСИХОЛОГИЯ

Личностные особенности старших подростков, вовлеченных в кей-поп-культуру

Адучиева Валерия Дорджиевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Павлова Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент
Московский государственный психолого-педагогический университет

В настоящее время субкультура является одним из наиболее сильных инструментов для социализации подростков и молодежи. Субкультуры развивались долгое время, претерпевали изменения, носили как положительный, так и отрицательный характер, и до сих пор не имеется однозначного мнения, являются ли субкультуры полезным течением социализации общества, или все же вовлечение приносит больше вреда, чем пользы. В данном случае южнокорейские субкультуры не стали исключением этих споров [1,2,3].

Южнокорейские субкультуры зародились еще в 90-х годах, когда южнокорейская медиа культура получила развитие не только внутри страны, но и начала выходить на внешний рынок, преимущественно азиатский (Япония, Китай). Однако, ввиду узкой специфики направления и отсутствия возможности обширного воздействия на социум, не являлась глобальной субкультурой, нося более локальный характер. Но, с развитием интернета и социальных сетей, а также после нескольких музыкальных и художественных прорывов в развлекательной индустрии Кореи, южнокорейские субкультуры получили больше признательности среди публики и с каждым годом их популярность и распространение лишь увеличивались, захватывая все большую территорию влияния. В настоящее время среди южнокорейских субкультур большее распространение получили такие субкультуры, как кей-поп и каверденс, являясь на данный момент наиболее известными и популярными среди подростков и молодежи [4,5].

Подростки в подростковый период подвержены сильным изменениям, начиная от физиологических, заканчивая социальными. Это сказывается на их эмоциональном фоне и личностных особенностях. В этот период они остро ощущают каждую эмоцию и переживание и стремятся к самовыражению и познанию самого себя. Желание проявить свое собственное «Я» порождает их узнать что-то новое и изучать окружающий мир. Находясь в поисках того, чего им не достает в повседневной жизни, они доходят до различных доступных им субкультур, и южнокорейские субкультуры также не стали исключением. Наоборот, простота вступления в данные субкультуры, отсутствие каких-либо «особенных» требований и поддержка участниками друг друга только еще больше расширило влияние

южнокорейских субкультур на подростков. Не стоит игнорировать и тот факт, что своими действиями субкультура создает все условия для саморазвития: изучение языка, пение песен и повторение танцев исполнителей, вместе с этим и постоянные коммуникации с другими участниками субкультуры — всё это покрывает обширные области развития подростков [6,7,8].

Нельзя отрицать, что благодаря каким-либо личностным особенностям, их и привлекают те или иные субкультуры. Однако вовлечение в южнокорейские субкультуры откладывает отпечаток на эмоционально-личностных особенностях подростков. Это и определило актуальность данного исследования.

Цель данного исследования изучить эмоционально-личностные особенности подростков, вовлеченных в южнокорейские молодежные субкультуры.

В основу исследования легла такая методика, как 16-факторный опросник Кеттелла, основанный на теории личности Кеттелла, согласно которой люди имеют отличия между собой, основанные на различном наборе и степени выраженности у оных отдельных независимых черт.

В исследовании участвовали 90 человек — старшие российские подростки, 13–17 лет, поделенные на три группы (кей-поп — 30 чел., каверденс — 30 чел., невовлеченные в южнокорейские субкультуры — 30 чел.)

Для обработки и представления результата был использован математико-статистический метод анализа данных U-критерий Манна — Уитни (для сравнительного анализа).

Сначала рассмотрим результаты, полученные в исследуемых группах по 16-факторному личностному опроснику Кеттелла (Таблица 1).

Вначале рассматривались наиболее высокие и низкие «пики» (значения) индивидуально-психологических факторов в группе подростков, вовлеченных в субкультуру кей-поп. К высоким относятся тревожность (8,27), тревога (8,15); к низким — эмоциональная устойчивость (2,33), экстраверсия (2,48), общительность (3,23), смелость (3,43).

Это дает нам понять, что группа подростки группы кей-поп характеризуются высоким уровнем тревожности, беспокойства и озабоченности в различных ситуациях, они также могут демонстрировать эмоциональную нестабильность, перепады на-

Таблица 1. Личностные особенности подростков с различной вовлечённостью в южнокорейские субкультуры (опросник Кеттелла)

Показатели	Кей-поп (n=30)		Каверденс (n=30)		КГ (n=30)	
	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.	Среднее	Станд. откл.
Общительность	3,23	2,329	4,30	2,246	3,03	2,512
Интеллект	6,23	2,046	6,27	2,504	5,87	1,995
Эмоц. устойчивость	2,33	1,936	3,83	2,052	3,37	1,752
Доминантность	3,57	1,654	5,80	2,172	4,53	1,978
Экспрессивность	3,80	2,618	4,07	2,690	3,53	2,543
Нормативность поведения	4,73	2,753	4,40	2,313	4,30	2,037
Смелость	3,43	1,755	4,63	2,266	3,67	2,040
Чувствительность	5,67	1,988	6,13	1,943	5,07	1,780
Подозрительность	7,23	2,388	7,53	1,961	7,60	2,749
Мечтательность	6,27	1,964	4,93	1,780	6,13	2,330
Дипломатичность	5,87	2,501	5,37	2,456	5,43	2,648
Тревожность	8,27	1,780	7,60	2,955	7,00	2,349
Радикализм	5,20	2,709	5,50	2,064	5,30	2,855
Нонконформизм	7,23	1,716	5,40	2,943	7,17	2,321
Самоконтроль	4,87	2,488	5,20	2,858	5,00	2,729
Напряженность	6,37	1,771	5,83	2,506	5,23	1,977
Тревога	8,15	1,556	7,19	2,348	7,11	1,934
Экстраверсия	2,48	2,147	4,36	2,511	2,82	2,038
Жесткость	4,87	1,623	5,13	1,625	5,41	2,034
Нонконформизм	6,36	1,343	5,99	2,168	6,87	2,032
Шкала лжи	4,83	2,052	5,00	1,912	5,27	1,964

строения, быть замкнутыми и робкими в установлении социальных контактов.

Далее рассмотрели значения факторов в группе подростков, вовлеченных в субкультуру каверденс. Наиболее низкие показатели в данной группе — эмоциональная устойчивость (3,83), экспрессивность (4,07), экстраверсия (4,36), нормативность поведения (4,4). Наиболее высокие — тревога (7,19), подозрительность (7,53), тревожность (7,60).

В группе респондентов, увлекающихся каверденс, подростки — серьезно настроенные личности, имеют трезвое мышление, осторожны в принятии решений, в умеренной степени склонны быть добросовестными и ответственными. В то же время, они могут быть подозрительными, демонстрировать некоторую замкнутость, тревожность, обеспокоенность и раздражительность, эмоциональную нестабильность.

В завершении рассматривалась выраженность индивидуально-психологических факторов в группе подростков, не вовлеченных в южнокорейские субкультуры. К наиболее низким значениям относятся экстраверсия (2,82), общительность (3,03), эмоциональная устойчивость (3,37), экспрессивность (3,53); наиболее высоко выражены тревожность (7,00), тревога (7,11), нонконформизм (7,17), подозрительность (7,60).

Таким образом, в контрольной группе подростки склонны к некоторой замкнутости, сдержанности и осмотрительности, подозрительности и недоверчивости, могут тревожиться и раздражаться из-за тех или иных событий или людей, быть им-

пульсивными и неуравновешенными. В то же время, они стремятся к свободомыслию и независимости от мнения группы.

Далее проводился попарный сравнительный анализ групп с использованием критерия Манна-Уитни.

Рассмотрим результаты сравнительного анализа личностных особенностей подростков с различной вовлечённостью в южнокорейские субкультуры по опроснику Кеттелла (Таблица 2, Рисунок 1).

Вначале рассмотрим различия, выявленные между группой подростков, вовлеченных в кей-поп, и контрольной группой.

Статистически значимые различия были обнаружены по шкалам эмоциональная устойчивость ($p \leq 0,01$), доминантность ($p \leq 0,05$), тревожность ($p \leq 0,05$), напряженность ($p \leq 0,05$), тревога ($p \leq 0,05$). Было установлено, что тревожность, суммарный показатель тревоги и напряженность выше в группе подростков, увлекающихся кей-поп, тогда как эмоциональная устойчивость и доминантность преобладают в контрольной группе.

Таким образом, подростки, увлекающиеся субкультурой кей-поп, в сравнении с подростками, не вовлеченными в южнокорейские субкультуры, характеризуются более высокой тревожностью и напряженностью, склонностью к беспокойству, ранимости и излишним переживаниям, низкой эмоциональной устойчивостью, склонностью к перепадам настроения и импульсивности, а также склонностью зависеть от других, излишне подчиняться им.

Таблица 2. Сравнительный анализ личностных особенностей подростков с различной вовлечённостью в южнокорейские субкультуры (тест Кеттелла)

Показатели	Средние значения			p-уровень значимости		
	Кей-поп (n=30)	Каверденс (n=30)	КГ (n=30)	КГ-КП	КГ-КД	КД-КП
Общительность	3,23	4,30	3,03	0,491	0,016	0,049
Интеллект	6,23	6,27	5,87	0,386	0,270	0,706
Эмоц. устойчивость	2,33	3,83	3,37	0,007	0,365	0,003
Доминантность	3,57	5,80	4,53	0,052	0,028	0,000
Экспрессивность	3,80	4,07	3,53	0,675	0,472	0,638
Нормативность поведения	4,73	4,40	4,30	0,607	0,899	0,817
Смелость	3,43	4,63	3,67	0,714	0,110	0,039
Чувствительность	5,67	6,13	5,07	0,211	0,029	0,311
Подозрительность	7,23	7,53	7,60	0,269	0,421	0,822
Мечтательность	6,27	4,93	6,13	0,881	0,028	0,008
Дипломатичность	5,87	5,37	5,43	0,470	0,923	0,454
Тревожность	8,27	7,60	7,00	0,031	0,133	0,835
Радикализм	5,20	5,50	5,30	0,875	0,720	0,601
Нонконформизм	7,23	5,40	7,17	0,940	0,022	0,019
Самоконтроль	4,87	5,20	5,00	0,847	0,818	0,687
Напряженность	6,37	5,83	5,23	0,036	0,353	0,377
Тревога	8,15	7,19	7,11	0,013	0,807	0,128
Экстраверсия	2,48	4,36	2,82	0,366	0,016	0,002
Жесткость	4,87	5,13	5,41	0,273	0,559	0,651
Нонконформизм	6,36	5,99	6,87	0,203	0,088	0,363
Шкала лжи	4,83	5,00	5,27	0,419	0,626	0,714

Примечание: КД — каверденс; КП — кей-поп.

Далее рассмотрим различия, выявленные между группой подростков, вовлеченных в субкультуру каверденс, и контрольной группой.

Статистически значимые различия были обнаружены по шкалам общительность ($p \leq 0,05$), экстраверсия ($p \leq 0,05$), неконформизм ($p \leq 0,05$), доминантность ($p \leq 0,05$) и мечтательность ($p \leq 0,05$). Показатели факторов общительности, доминантности и экстраверсии выше в группе подростков, увлекающихся каверденсом, чем в контрольной группе, в то время как мечтательность и неконформизм выше в группе подростков, не вовлеченных в кей-поп субкультуры.

Таким образом, подростки, занимающиеся южнокорейскими танцевальными практиками (каверденс), в сравнении с подростками контрольной группы, более общительны в малых группах и способны эффективнее устанавливать межличностные контакты, более самостоятельны, настойчивы и напористы, практичны, имеют более высокую социальную контактность, при этом менее независимы и в большей степени подчиняются мнению группы.

Затем рассматривались различия, выявленные между группами подростков, вовлеченных в кей-поп и каверденс.

Статически значимые различия были обнаружены по шкалам доминантность ($p \leq 0,01$), экстраверсия ($p \leq 0,01$), эмоциональная устойчивость ($p \leq 0,01$), мечтательность ($p \leq 0,01$), неконформизм ($p \leq 0,05$), смелость ($p \leq 0,05$) и общительность ($p \leq 0,05$). Было установлено, что подростки, вовлеченные в субкультуру каверденс, имеют более высокие показатели доминантности, экстраверсии, эмоциональной устойчивости, смелости и общительности, при этом мечтательность и неконформизм преобладают в группе кей-поп.

Таким образом, подростки, относящиеся к субкультуре каверденс, в сравнении с подростками из кей-поп, более доминанты, легче способны принимать самостоятельные решения, эмоционально зрелы и легче идут на контакт, в то время как подростки в кей-поп имеют более развитое воображение, они погружены в свои внутренние потребности, более предприимчивы и менее зависимы от мнения значимой для них группы. Подростки, вовлеченные в южнокорейские субкультуры, характеризуются более высокой чувствительностью, восприимчивостью, а также тревожностью и озабоченностью, по сравнению с подростками, не имеющих таких увлечений.

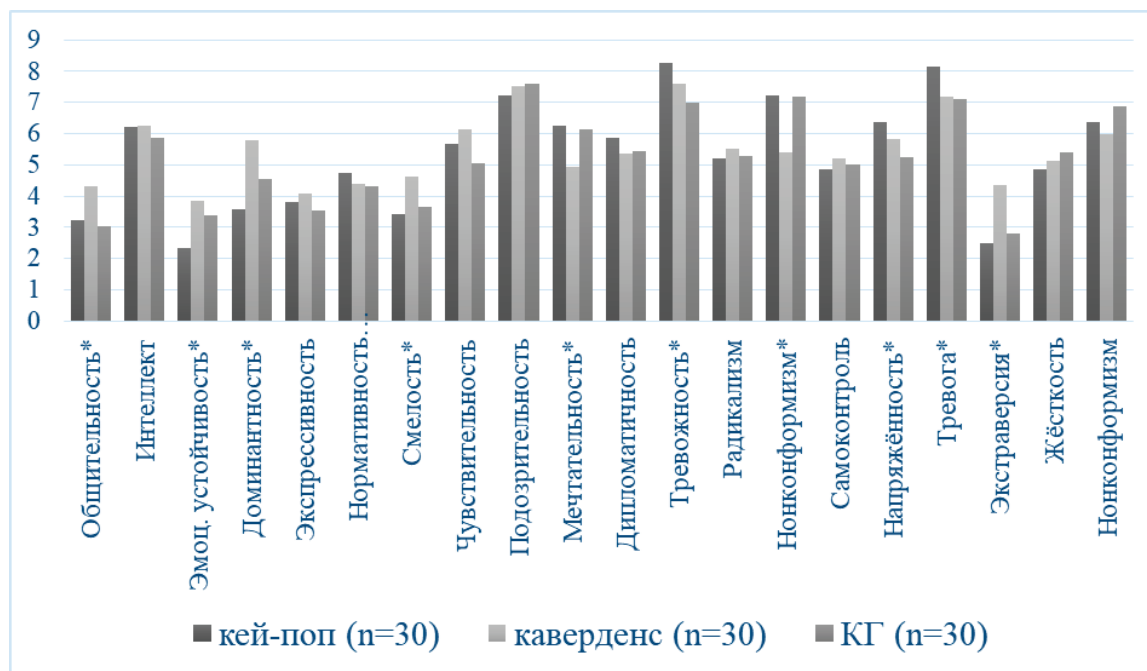

Рис. 1. Личностные особенности подростков с различной вовлечённостью в южнокорейские субкультуры (опросник Кеттелла), стены

Подведем итог данного исследования. Парный сравнительный анализ групп с различной вовлечённостью в южнокорейские субкультуры позволил установить следующее:

В группе подростков, увлекающихся субкультурой кей-поп, в сравнении с подростками, не вовлечёнными в южнокорейские субкультуры, выше тревожность и напряжённость, тогда как эмоциональная устойчивость и доминантность преобладают в контрольной группе.

В группе подростков, вовлечённых в субкультуру каверденс, в сравнении с подростками, не вовлечёнными в южнокорейские субкультуры, выше общительность, экстраверсия и доминантность, тогда как мечтательность и неконформизм выше в группе не вовлечённых подростков. В группе каверденс также выше экстраверсия и социальная желательность.

В группе подростков, вовлечённых в субкультуру кей-поп, в сравнении с подростками из кей-поп, выше показатели доминантности, экстраверсии, эмоциональной устойчивости, сме-

лости и общительности. При этом мечтательность и неконформизм преобладают в группе кей-поп.

Вовлечённые подростки характеризуются более высокой чувствительностью, восприимчивостью, общительностью и открытостью новому опыту, но при этом более высокой тревожностью и озабоченностью, по сравнению с подростками, не вовлечёнными в субкультуры.

Подводя итог, можно сказать о том, что проведенное исследование позволило более подробно изучить эмоционально-личностные особенности подростков, вовлечённых в южнокорейские молодежные субкультуры и подчеркнуть важность данного исследования в психологическом сообществе для дальнейших исследований. Однако, проведенных тестов все равно мало, чтобы полноценно определить личностные особенности подростков, вовлечённых в южнокорейскую субкультуру. Поэтому, чтобы проверить все имеющиеся и образующиеся теории, необходимо проводить дальнейшие исследования.

Литература:

1. Савина Н. Ю. Влияние K-POP на российскую молодежь и подростков // Петрозаводск: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, 2022. — С. 170–174.
2. Жданова Л. Г., Шрейбер О. Д. Эмоциональные особенности молодежи, увлекающейся корейской волной // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. — 2014. — № 43. — С. 94–100.
3. Миляева К. О., Сорокина Р. Н. Влияние музыкального течения K-pop на развитие личности современной молодежи // Молодежь XXI века: шаг в будущее. Материалы XXIII региональной научно-практической конференции, 2022. — С. 327–328.
4. Лиджиева А. М. «Are you Koreans?» — «No, we are Kalmyks!»: развитие танцев «K-pop cover dance» среди молодежи Калмыкии // Вестник КИГИ РАН. 2021. № 2. С. 337–346.
5. Жданова Л. Г. Эмоциональные особенности молодежи, увлекающейся корейской волной. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-osobennosti-molodezhi-uvlekayuscheysya-koreyskoy-volnoy> (дата обращения 31.03.2024)
6. Титкова Н. Е. K-pop как феномен современной массовой культуры // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. — 2020. — № 5. — С. 56–61.

- Петрова Ю. А., Филина А. А. Прогрессивная субкультура К-поп и ее влияние на молодежь всего мира. // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. — Стерлитамак, 2019. — С. 58–61.
- Зефирова А. М., Зефирова С. М., Ильина О. В. Южнокорейская культура в жизни российской молодежи // Молодежь и кооперация: Тезисы докладов XLVII Межрегиональной студенческой научной конференции. — Чебоксары, 2023. — С. 131–132.

Самоотношение женщин среднего возраста — участниц групповых танцевальных занятий по авторской методике

Винниченко Валерия Константиновна, студент
Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье автор исследует взаимосвязь между танцевально-двигательной активностью и самоотношением женщин среднего возраста.

Ключевые слова: самоотношение, танцевально-двигательная терапия, телесное Я, психокоррекция, самооценка, самовыражение, психоэмоциональное состояние.

Самооценка оказывает важное влияние на самочувствие человека, его самоотношение и самоопределение себя в обществе. До сих пор остаются незакрытыми вопросы по инструментам, средствам и условиям, которые могут способствовать урегулированию негативной тенденции самоотношения личности.

Самоотношение — это взгляд человека на себя, его оценка своих качеств, способностей и достоинств. Для женщин среднего возраста, которые посещают занятия в танцевальной студии, самоотношение может играть важную роль в их жизни. Этот период жизни часто сопровождается изменениями внешности, физического состояния и социального статуса, что может повлиять на самооценку и уверенность в себе.

Исходя из анализа исследований и научной литературы, мы выделяем следующие критерии, на основании которых строится самооценка у женщин, а впоследствии и их самоотношение:

- внешность (стройность — полнота, чистота кожи, качество волос, наличие и отсутствие морщин и другие);
- возраст (насколько женщина молода или стара);
- внимание со стороны мужчин к своей персоне (наличие или отсутствие);
- социальное положение (социальный статус).

В большинстве исследований внешность, а именно тело рассматривается как проявление физического аспекта личности. Такие исследователи, как Р. Бернс, Е. Т. Соколова, В. С. Мухина, И. И. Чеснокова, И. С. Кон, А. Ш. Тхостов, А. А. Налчаджян, А. Г. Черкашина, У. Джеймс, Н. Рамси, В. В. Столин, Д. Харкорт, В. И. Черкашин и другие, подчеркивают важность образа «Я», что представления о собственном теле, его размерах, форме и привлекательности играют важную роль в формировании самооценки, и выделяют его физическую, психологическую и социальную составляющие. В исследовании делаем упор именно на восприятии женщинами образа своего «физического Я».

В нашей работе мы сделали упор на исследование влияния танцевально-двигательной активности на самоотношение

женщин среднего возраста, опираясь на мнение, что безопасные условия, групповая поддержка, выстраивание грамотного контакта с телом и его активация, способствуют улучшению самоотношения. Мы считаем, что с помощью танцевально-двигательной активности, человек может реализовать и выразить себя, прожить подавленные эмоции и переживания, через активацию тела. Это в свою очередь способствует улучшению его психоэмоционального состояния.

Эмпирическое исследование самоотношения женщин среднего возраста, посещающих занятия танцевальной студии, было проведено на базе учениц танцевальной студии «Dada-dance» города Москвы. В исследовании приняли участие 70 женщин в возрасте от 35 до 40 лет, которые обратились в разное время за помощью с запросом улучшения контакта с телом, научиться уверенно и пластично танцевать и разделили их на две группы: контрольную и экспериментальную по 35 человек в каждой.

Новизна исследования заключается в том, что в нашей работе мы целенаправленно исследуем влияние танцевально-двигательной терапии на самоотношение женщин среднего возраста, чего не встречалось ранее в отечественных трудах коллег. Для коррекции самоотношения у женщины через изменение самовосприятия тела, мы выбрали в качестве направления танцевально-двигательную терапию. Танцевальная терапия — это форма психотерапии, которая использует движение для развития различных аспектов жизни человека, включая социальные, когнитивные, эмоциональные и физические. Основная цель танцевальной терапии — помочь людям развить навыки общения, положительное представление о себе и эмоциональную стабильность.

Танцевально-двигательная терапия основывается на признании взаимосвязи между телом и психикой, при которой изменения в одной области могут вызывать изменения в других. Тело и сознание учеными рассматриваются как равноправные факторы в общем функционировании. Терапевт по танцеваль-

но-двигательной терапии Бергер выделяет четыре категории психосоматических отношений: мышечное напряжение и расслабление, кинестетика, образ тела и выразительное движение. Осознание чувств и соответствующее эмоциональное выражение включает работу с мышечным тонусом человека. Люди часто не осознают свои чувства, если у них высокий уровень напряжения в теле. В попытке справиться со стрессом, люди могут подавлять свои чувства и оттеснять их из своего сознания. Сохраняя напряжение в теле, они таким образом защищают себя от прямого переживания и конфронтации с собственными конфликтами.

Танцевальная студия создает безопасное пространство, где женщины могут освободиться от стереотипов и ожиданий общества, искренне выражая себя через движение. Занятия танцами способствуют физическому развитию и укреплению тела. Женщины могут почувствовать себя более сильными, грациозными и привлекательными. Через движение тела можно выразить свои эмоции, чувства и индивидуальность. Они могут открыть новые аспекты своей личности и обрести уверенность в своей способности быть творческими и выразительными. Взаимодействие с другими участниками стимулирует развитие коммуникативных навыков, умение слушать и быть слышанными. Это помогает женщинам построить позитивные отношения с другими людьми и укрепить свою самооценку. Для достижения положительных изменений в самоотношении женщин среднего возраста на занятиях танцевальной студии необходимо учитывать некоторые аспекты. Важно создать поддерживающую и доверительную атмосферу, где каждая участница будет чувствовать себя комфортно и принято. Также необходимо учитывать индивидуальные потребности и возможности каждой женщины, чтобы она могла развиваться и достигать своих целей.

Гипотеза исследования общая: существуют различия в самопринятии своего телесного «Я» у женщин среднего возраста, посещающих и не посещающих танцевальную студию.

Частные:

1. Самоуважение женщин среднего возраста связано с танцевально-двигательной активностью.
2. Независимость женщин среднего возраста от мнения окружающих о своем физическом «Я» и их положительное отношение к своему физическому «Я» связано с танцевально-двигательной активностью.
3. Среди женщин среднего возраста, которые занимаются танцевально-двигательной активностью, чаще встречается сангвинистический характер личности.
4. Эмоциональное состояние женщин среднего возраста связано с танцевально-двигательной активностью.

Для проверки гипотез нами было проведено исследование, состоящее из трех этапов: разделение выборки на контрольную и экспериментальную группы, проведение вводного тестирования, составление и проведение авторского социально-психологического тренинга, проведение итогового тестирования.

Для проведения эмпирического исследования мы применили методики диагностики:

1. Методика для исследования самоотношения личности Р.С. Пантилеева.

2. Методика «опросник самоуважения М. Р. Розенберга».
3. «Краткий характерологический опросник» М. Е. Бурно.
4. «Характеристики эмоциональности» Е. П. Ильин.
5. «Диагностика телесного Я» И. В. Лыбко.

Для реализации основной цели работы, а именно изучить взаимосвязь между танцевально-двигательной активностью и самоотношением личности, был разработан и апробирован социально-психологический тренинг с применением техник танцевально-двигательной терапии.

Цель тренинга: сформировать необходимые навыки у женщин среднего возраста для улучшения уровня самоотношения.

Задачи тренинга:

- повышение информированности у участниц тренинга о физическом «Я» и самоотношения;
- формирование навыков для урегулирования уровня самоотношения;
- развитие положительного отношения к своему телу;
- формирование навыков самостоятельной работы с телесных зажимами, через танцевально-двигательную активность;
- формирование уверенности в себе и навыков проявления.

Этапы реализации:

1. разогревающий этап — направлен на формирование благоприятного климата в коллективе и доверительного отношения всех участников друг к другу;
2. основной этап — направлен на формирование навыков для улучшения самоотношения;
3. завершающий этап — направлен на закрепление полученных навыков и результатов, и обмена опытом между участников друг с другом.

С помощью авторского социально-психологического тренинга на базе танцевально-двигательной терапии мы нацелены улучшить показатели участниц по восприятию своего «физического Я», и в последствии повысить уровень самоотношения.

Исходя из полученных данных количественного и математика-статистического анализа полученных данных, мы приходим к выводу, что у женщин среднего возраста, посещающих занятия танцевальной студии, существует специфика самоотношения, проявляющаяся в высоком уровне самоуверенности, отсутствии напряженности внутреннего характера, в высоком уровне рефлексии и критичности, способности быть открытым миру и другим не взирая на наличие неприятной информации. Также способны сохранять работоспособность, уверенность и ориентированы на успешность реализации, в своих силах в привычных ситуациях, избирательны в восприятии отношения к себе от других людей и положительно относятся к себе и к своей деятельности, заинтересованы в собственном «Я», ценят свою личность и интересы, безоговорочно принимают себя. Также обладают высоким уровнем рефлексии, осознанием собственных трудностей и адекватностью самовосприятия, не склонны к самообвинению, избирательно относятся к самим себе. Уровень самопринятия у женщин среднего возраста, посещающих занятия танцевальной студии, в большинстве находится на высоком уровне.

Таблица 1. Данные экспериментальной группы «до» и «после» проведения социально-психологического тренинга

Методики		Первичное тестирование	Итоговое тестирование	U — критерий Манна — Уитни	p
Методика для исследования самооотношения личности Р. С. Пантелеева.	Открытость	2,1714	1,6857	353,500	0,000
	Самоуверенность	2,0000	2,6571	256,000	0,000
	Самоценность	2,2000	2,6286	405,000	0,006
	Самопривязанность	1,6857	1,9143	472,500	0,018
	Самообвинение	1,7714	1,3429	396,000	0,004
Методика «опросник самоуважения М. Р. Розенберга».	Самоуважение	3,0000	3,2000	490,000	0,006
«Диагностика телесного Я» И. В. Лыбко.	Самопринятие своего физического я	1,9429	2,5714	307,500	0,000
	Влияние другого	2,0000	2,2857	457,500	0,017
«Краткий характерологический опросник» М. Е. Бурно.	Сангвинический	2,8286	3,2857	451,500	0,045
«Характеристики эмоциональности» Е. П. Ильин.	Эмоциональная возбудимость	2,2000	1,8000	406,000	0,003
	Эмоциональная интенсивность	2,6286	1,8000	196,500	0,000
	Отрицательное влияние эмоций	2,0000	1,4000	297,500	0,000

Условные обозначения: P — статистическая значимость.

Опираясь на полученные данные, можно сделать вывод о том, что наши общая и частные гипотезы подтверждены: существуют различия в самопринятии своего телесного «Я» у женщин среднего возраста, посещающих и не посещающих танцевальную студию; улучшение эмоционального состояния женщин среднего возраста связано с танцевально-двигательная активностью; существует связь между танцевально-двигательной активностью и урегулированием выраженности эмоций, а также снижением негативного влияния эмоций

на эффективность деятельности женщин среднего возраста; у женщин среднего возраста изменение самоуважения в лучшую сторону связано с танцевально-двигательной активностью.

Танцевально-двигательная терапия и занятия в танцевальной студии имеют положительное влияние на самооотношение женщин. Она помогает развить положительное отношение к себе, осознать и выразить свои эмоции, развить индивидуальность и улучшить физическое самочувствие.

Литература:

1. Бернс Р. Что такое Я-концепция // Психология самосознания: Хрест. / Ред. Д. Я. Райгородский. — М.: Владос, 2010. — 393 с.
2. Бурно. М. Е. О характерах людей. М.: Академический Проект, 2020
3. Дробышевская Н. Ю. Понятие самооотношения в современной психологии // Исследования молодых ученых: материалы XXV Междунар. науч. конф. (ноябрь 2021 г.). Казань, 2021. С. 12
4. Козлов, В. В. Интегративная танцевально-двигательная терапия / В. В. Козлов, А. Е. Гиршон, Н. И. Веремеенко. — 3-е изд. — Санкт-Петербург: Речь, 2010. — 284 с.
5. Кольшко А. М. Психология самооотношения — Гродно: ГрГУ, 2014. — 102 с.

Профессиональное самоопределение старшеклассников с учетом разной организации образовательного процесса

Денисенко Инна Валентиновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Егоренко Татьяна Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент
Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье автор исследует профессиональное самоопределение старшеклассников с учетом разной организации образовательного процесса. **Ключевые слова:** образовательный процесс, старший школьный возраст, профессиональное самоопределение старшеклассников.

Процесс профессиональной самореализации характеризуется не только процессом выбора профессии, но и развитием личности в разных профессиональных, социальных и культурных условиях жизни, являясь динамичным и важным процессом, оказывающим влияние на разных этапах жизни человека.

Наиболее значимый в процессе самоопределения является возрастной период 15–17 лет, старший школьный возраст. В данный период перед юношами и девушками возникают проблемы самостоятельного независимого существования, для чего важно обладать социальными компетенциями и необходимыми знаниями, умениями и навыками социальной жизни. В старшем школьном возрасте процессы профессионального и личностного самоопределения сильно взаимосвязаны.

Профессиональное самоопределение является одним из центральных новообразований юности (старшего школьного возраста) и начинается с создания профессиональной направленности, которая основывается не только на положительном отношении к трудовой деятельности, но и на желании выполнять деятельность в рамках данной профессии, личностная ориентация, на свои потребности и желания. Основной упор в образовательной деятельности делается на индивидуализацию процесса обучения. Способы реализации данного подхода будут различаться в соответствии с направлением и спецификой образовательной организации.

Нами были проведены исследования профессионального самоопределения старшеклассников с учетом разной организации образовательного процесса в 2х школах: с традиционной классно-урочной системой и с системой страт. В исследовании приняли участие 96 обучающихся 10-х классов (57 юношей и 39 девушек). Уровень сформированности профессионального самоопределения старшеклассников с учетом разной организации образовательного процесса выявлялся с помощью методик: «Дифференциально-диагностический опросник» (Е. А. Климов; модификация А. А. Азбель); «Мотивы выбора профессии» (Р. В. Овчарова); «Готовность к выбору профессии» А. П. Чернявская.

1. По результатам эмпирического исследования были изучены мотивы профессионального выбора старшеклассников с учетом разной организации образовательного процесса.

Преобладающее большинство старшеклассников в процессе профессионального выбора ориентируются на внутренние индивидуально-значимые мотивы. Таким образом, для старшеклассников значимыми мотивами являются те, что связаны с личными

интересами, страстями и способностями, удовлетворение, которое приносит работа благодаря ее творческому характеру.

2. Были выявлены предпочитаемые сферы профессиональной деятельности. Так в совокупной выборке заметно преобладание в направлении создания художественных образов (64,5% старшеклассников).

Девушки обеих школ в процессе профессионального выбора ориентированы на направление «Художественный образ».

Такие результаты относятся скорее к традиционным: так ряд исследователей отмечают, что юноши больше направлены на такие сферы деятельности как «Техника» и «Знаковая система», а девушки на «Человек» и «Художественный образ».

3. Определена структура готовности к профессиональному самоопределению. Высокие значения получены по шкале «Автономность», они говорят о представлении старшеклассников воспринимать выбор профессии как свой собственный, что, в свою очередь, по мнению Егоровой Т. А. может быть связано и с условиями образовательной среды: «...в школьной среде поддержка автономии может быть получена, если педагоги будут принимать точку зрения своих учеников и учитывать их потребности, интересы и предпочтения» [1].

Достаточно высокие показатели видимы и по шкале, связанной с планированием — выводы на основе последних данных некоторых исследователей совпадают с этими данными: современные 15–16-летние юноши и девушки не выглядят романтиками и мечтателями, стремление прославиться, преобразовать мир и принести ощутимую пользу человечеству не входят в их перспективные планы. В своих желаниях они предстают как сосредоточенные на собственных интересах реалисты и прагматики [2].

Низкий уровень показан по шкале «Информированность», что характеризует актуальность недостаточных знаний о мире современных профессий. Только 26% старшеклассников обладают информацией о будущей профессиональной сфере деятельности и соотносят ее со своими особенностями. При сравнении школ выявлен более высокий уровень «Информированности» у юношей, обучающихся по классно-урочной системе, у девушек различий нет.

4. По результатам эмпирического исследования выявлены следующие особенности профессионального самоопределения при сравнении двух школ:

– старшеклассники, обучающиеся в школе с классно-урочной системой, имеют значимо более высокие показатели по шкале «Информированность», чем обучающиеся в частной

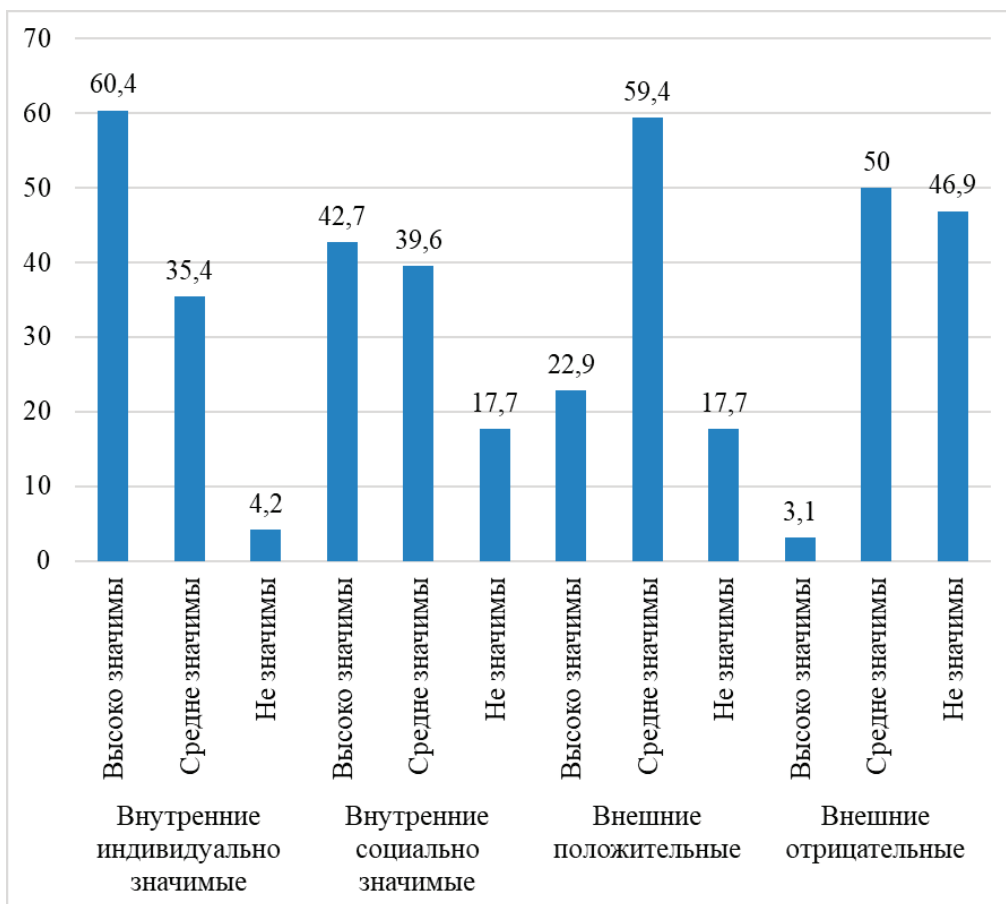

Рис. 1. Результаты по методике «Мотивы выбора профессии» Р. В. Овчаровой в совокупной выборке старшеклассников

Рис. 2. Результаты по методике «Дифференциально-диагностический опросник» Е. А. Климов (модификация А. А. Азбель) в совокупной выборке старшеклассников

школе с системой страт. Юноши, обучающиеся в школе с классно-урочной системой, имеют также имеют значимо более высокий уровень выраженности этого показателя. Подобный результат может быть получен ввиду того, что Лицей с классно-урочной системой сотрудничает со многими вузами, факультетами и организациями. В школе с системой страт не построено

взаимодействие с вузами, хотя проводятся внеурочные встречи с людьми разных профессий.

– юноши, обучающиеся в школе с системой страт, показали более высокий уровень внешних положительных мотивов. Результаты для юношей совпадают с выводами, сделанными в работах Андреевой А. Д. [3]: «...Для юношей наиболее зна-

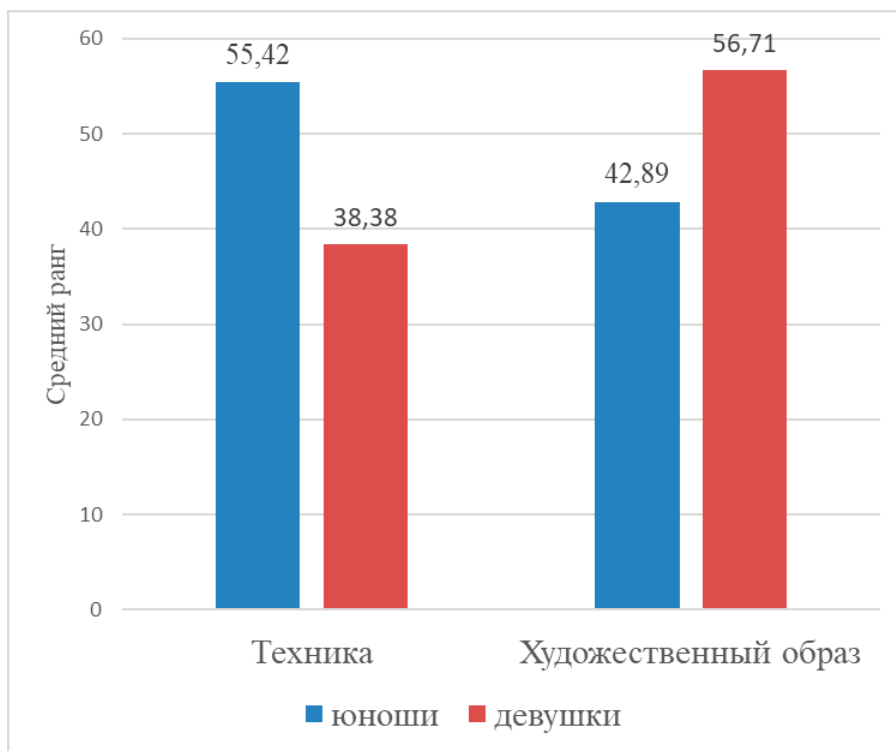

Рис. 3. Различия показателей по шкалам «Техника» и «Художественный образ» у совокупной выборки юношей и девушек по методике «Дифференциально-диагностический опросник» Е. А. Климова (модификация А. А. Азбель)

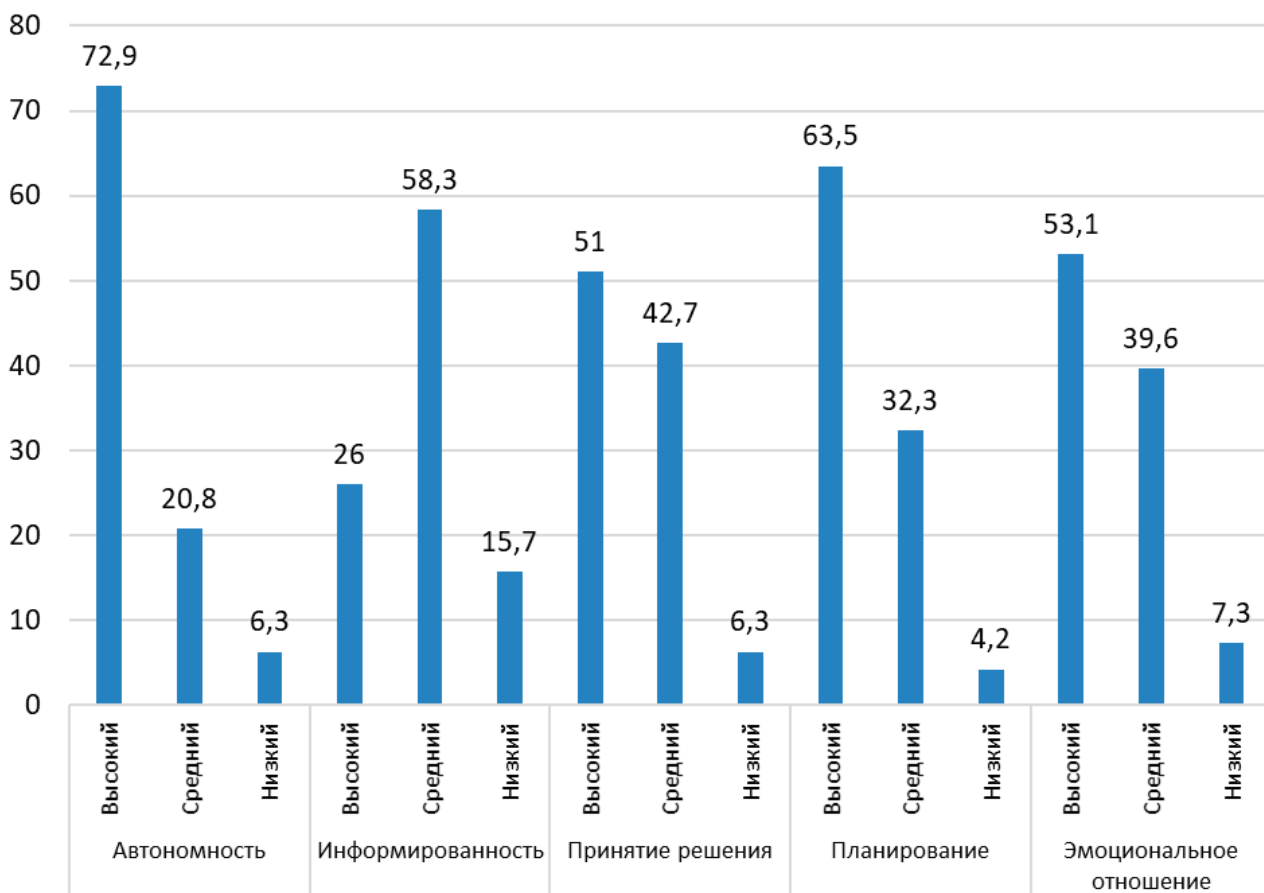

Рис. 4. Результаты по методике «Готовность к выбору профессии» А. П. Чернявской в совокупной выборке старшеклассников

чимым компонентом образа будущего является престижная, прибыльная и ответственная работа как основное условие жизненного благополучия. Для девушек большую ценность представляет семья, в то время как желаемая работа видится престижной, комфортной и легкой».

Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что существуют особенности профессионального самоопреде-

ления старшеклассников с учетом разной организации образовательного процесса.

Полученные результаты могут быть использованы при профориентационной работе со старшеклассниками, в разработке учебных курсов по профориентации, социально-психологическому сопровождению профессионального самоопределения старшеклассников.

Литература:

1. Егоренко Т. А. Мотивация обучения как аспект самоопределения личности на этапе ее допрофессионального развития [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 2. С. 49–55.
2. Данилова Е. Е. Особенности мотивационной сферы современных российских школьников: содержание, возрастная динамика, роль образовательной среды // Вестник Мининского университета. — 2022. — Т. 10, № 1. — С. 6.
3. Андреева А. Д. Образ собственного будущего у старшеклассников и студентов колледжа // Психолого-педагогические исследования 2022. Том 14. № 2. С. 3–18.

Связь уровня любовной зависимости и нарциссизма личности

Ляхова Ангелина Владимировна, студент

Научный руководитель: Панченков Евгений Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент
Воронежский государственный университет

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена возможностью изучить и научиться распознавать нарциссические черты для коррекционной работы.

Ключевые слова: нарциссизм, любовная зависимость, аддикция, зависимость, самооценка.

The connection of the level of love addiction and narcissism personality

Lyakhova Angelina Vladimirovna, student

Scientific advisor: Panchenkov Yevgeny Yuryevich, candidate of psychological sciences, associate professor
Voronezh State University

The relevance of the chosen research topic is due to the opportunity to study and learn to recognize narcissistic traits for correctional work.

Keywords: narcissism, love addiction, addiction, self-esteem.

В настоящее время все больше людей сталкиваются с проблемами любовной зависимости и нарциссизма.

Любовь и близкие отношения — это важная часть нашей жизни, они могут приносить нам радость, удовлетворение и поддержку. Однако, когда любовь превращается в зависимость, она может стать опасной для нашего психического и физического здоровья. В этой работе я исследую связь уровня любовной зависимости и нарциссизма, чтобы понять, как оба этих аспекта формируются и влияют на качество отношений.

Отношения пары, в которой присутствует любовная зависимость, складываются деструктивным образом и негативно влияют на личность обоих партнеров. Данный вид отношений имеет свои признаки. В зависимых отношениях на первый план выходит интенсивность эмоций и их экстремальность, как в положительном, так и в отрицательном отношении.

Здесь любовь — это всегда удовлетворение неизбежного желания самоутвердиться. То есть любовь, главным образом, посвящена самому любящему, а не предмету любви. Таким образом, изучив зависимые отношения, мы сможем лучше понять причины их формирования. Явление любовной зависимости отрицательно в долгосрочной перспективе, однако, оно дает самые яркие и сильные переживания, как положительные, так и отрицательные.

Важно отметить то, что само по себе явление зависимости или аддикций стало крайне распространенным в наше время. Появляются новые виды нехимических зависимостей, в том числе и любовная зависимость, открытая в 1980-е гг.

Также крайне распространенным феноменом в настоящее время является нарциссизм. Рост любовной зависимости связывают с ростом социальной дистанции между людьми, возникновением новых стрессогенных факторов, проблем с эко-

логией, и т.д. Рост же нарциссизма связывают с особенностями воспитания, новыми идеалами общества, культивирующими индивидуализм, успех, лидерство и т.д. Мы считаем, что данные явления следует изучать в совокупности, это поможет нам выяснить, что способствует росту распространенности любовной зависимости и нарциссизма в обществе. Возможно, росту данных явлений способствуют одни и те же факторы.

Нарциссизм — это черта характера, заключающаяся в самолюбленности, возведении самого себя или части своей личности в культ, сравнении себя с другими людьми и пути к успеху с мотивом всеобщего признания.

Мы предполагаем связь уровня любовной зависимости и нарциссизма личности, так как эти явления обладают схожими чертами. Так, исследования любовной зависимости и исследования нарциссизма указывают на то, что в основе данных явлений лежат проблемы с самооценкой (неадекватность самооценки). В случае любовной зависимости мы имеем дело с заниженной самооценкой [6], а в случае нарциссизма — завышенной [7]. Так же в основе обоих названных явлений лежит бессознательный страх близости и интимности. Любовно зависимый человек сознательно боится быть покинутым, а бессознательно боится близости и открытости [5]. Нарциссическая личность, в свою очередь, так же боится близости и изобретает обстоятельства, отдаляющие ее от других людей [12]. У нарциссических личностей в некоторых случаях присутствует пристрастие к соблазнению и обольщению (амурный нарцисс), что является атрибутикой любовной зависимости [2].

В своём исследовании мы изучили, является ли любовная зависимость спецификой любовных отношений нарциссической личности.

Базой эмпирического исследования выступил Воронежский государственный университет. Факультет: философии и психологии.

Объектом эмпирического исследования явились представители молодой возрастной группы, возраста от 18 до 25 лет. Общий объем выборки — 200 человек.

В качестве метода сбора эмпирической информации применялся метод стандартизированного самоотчета, реализованный в следующих методиках: короткий опросник Тёмной триады (The Short Dark Triad, SD3) Делрой Полхус, Кевин Уильямс (Delroy L. Paulhus, Kevin M. Williams, 2013) [17]. Адаптация: М.С. Егорова, М.А. Ситникова, О.В. Паршикова (2015) [7]; опросник О.А. Шамшикова, Н.М. Клепи-

кова (2010) [18], опросник на выявление любовной аддикции (по А.Ю. Егорову) [8]. В качестве методов обработки данных выступили качественный и количественный, в том числе статистический анализ. Качественный анализ эмпирических данных заключался в дифференциации испытуемых по уровням развития любовной зависимости. Количественный анализ эмпирических данных осуществлялся с помощью непараметричного критерия Пирсона.

Результаты показали, что уровень нарциссизма положительно коррелирует с уровнем любовной зависимости ($r = 0,35$, $p < 0,001$), что указывает на наличие связи между этими двумя переменными. Дополнительный анализ показал, что нарциссизм является значимым предиктором уровня любовной зависимости ($\beta = 0,27$, $p < 0,001$)

Результаты нашего исследования показали, что любовная зависимость — это явление основанное на стремлении получить удовлетворение от взаимодействия с партнером и удовлетворение, связанное с его поиском и взаимодействием с ним. Как и любой вид зависимости, любовная зависимость строится на выполнении какого-либо действия, несущего человеку покой и удовлетворение. Человек с любовной зависимостью уделяет много времени и внимания партнеру, пренебрегает своими потребностями и другими сферами жизни, но при этом качественные отношения не являются его целью, он не чуток к своему партнеру и не прислушивается к его желаниям. Человек с любовной аддикцией не чувствует границ своего партнера и не принимает его свободу и право на личное пространство.

Изучив понятие нарциссизма личности, мы отделили его от родственных понятий, выделили свойства и особенности нарциссизма личности. В рамках нашего исследования мы рассматриваем нарциссизм как черту характера, развитию которой способствуют определенные условия развития в раннем детском возрасте. Мы разделяем нормальный нарциссизм от патологического в зависимости от того, как прошел процесс социализации человека в детстве. Нарциссизм личности — это черта характера, заключающаяся в убежденности в собственной уникальности, особом положении, превосходстве над остальными людьми.

Итак, при изучении любовной зависимости и нарциссизма в целом, мы можем сказать, что любовная зависимость является внутрилличностным образованием, затрагивающим все сферы личности человека, и, так же как и нарциссизм личности, являющийся чертой характера.

Литература:

1. Батори Г. А. Нарциссизм: патология характера или двигатель экономики // Горизонты образования. 2008. Т. 5. №2. С. 8–12.
2. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий, их статистика, динамика, систематика / П. Б. Ганнушкин. — Москва: Медицинская книга, 2007. — с. 72–79.
3. Голдман Е. Любовная аддикция / Е. Голдман. — Москва: Ман, Иванов и Фербер, 2017. — с. 90–107.
4. Голдман Е. Нехимическая зависимость: аддикции отношений / Е. Голдман. — Москва: Альпина Бизнес Букс, 2005. — с. 115–128.
5. Деревянко С. П. Роль любовной зависимости в субъективной удовлетворенности от межличностных отношений / С. П. Деревянко // Инновационные образовательные технологии. — Минск, 2007. — №1. — С. 92–95.
6. Егоров А. Ю. Любовные аддикции А. Ю. Егоров // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11, №2. С. 64–75.
7. Егорова, М. С., Ситникова, М. А., Паршикова, О. В. // Адаптация короткого опросника Тёмной триады (SD3) Делрой Полхус, Кевин Уильямс.

8. Егоров А. Ю. Опросник для выявления любовной аддикции // Журнал психологии и педагогики, — 2008, № 2, С. 45–58.
9. Заика Е. В. Психологическая характеристика нарциссичной личности подростка / Е. В. Заика // Вопр. психологии. — 1990. — №4. — С. 83–90.
10. Захаров Д. А. Психотерапия нехимических зависимостей / Д. А. Захаров. — Москва: Медицина, 1982. — с. 98–119
11. Зейгарник Б. В. Психология личности / Б. В. Зейгарник. — Москва: Институт практической психологии, 2005.
12. Кербиков О. В. Клиническая динамика психопатий и неврозов / О. В. Кербиков. — Москва: Актовая речь, 1998. — с. 89–105.
13. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. — Санкт-Петербург: Питер, 2009. — С. 93–107.
14. Кашина О. П. Проблема перфекционизма и нарциссизма в современном обществе // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия социальные науки 2010. Т. 4. №2. С. 41–46.
15. Клепикова Н. М. Шамшикова О. А. Динамика оптимального нарциссизма и нарциссических состояний личности // Сибирский педагогический журнал. 2013. Т. 8. №2. С. 195–200.
16. Князев, А. С. Изучение любовной зависимости в период ранней взрослости // Юбилейная международная научно-практич. конф., посвященная 200-летию Д. П. Ознобишина. — Самара, 2004. — с. 93–98
17. Кондрашихина О. А. Моисеева В. В. Предикторы любовных аддикций у женщин: возрастной аспект // Горизонты образования. 2014. Т. 42. №2. С. 46–53.
18. Люсина М. В. Методологические проблемы изучения нехимических аддикций / М. В. Люсина // Психологическая диагностика, — 2006. — № 6. — С. 3–22.
19. Полхус, Д. Л., Уильямс, К. М. Короткий опросник Тёмной триады (The Short Dark Triad, SD3).
20. Шамшиков О. А., Клепиков Н. М. Опросник для измерения темной триады личности // Журнал психологии и педагогики, — 2010, № 3, С. 56–67.

Связь субъективного благополучия подростков и типа семейного воспитания

Михайлова Мария Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Авдеева Наталия Николаевна, кандидат психологических наук, профессор

Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье приводятся данные исследования, направленного на проверку гипотезы о связи субъективного благополучия подростков и типа семейного воспитания, в котором приняли участие 101 человек, из них 55 подростков в возрасте 12–17 лет, обучающихся в школах Москвы, Санкт-Петербурга и Твери и их матери и отцы (46 человек). Для исследования субъективного благополучия подростков применена шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург (WEMWBS) в адаптации С. К. Нартовой-Бочавер [7;9]. Для исследования особенностей воспитания подростков использованы опросники «Взаимодействие родитель — ребенок» (варианты для подростков и родителей подростков) И. М. Марковской и методика «Родителей оценивают дети» (РОД), созданная И. А. Фурмановым и А. А. Аладьиным [6]. В результате исследования обнаружена связь субъективного благополучия и типа воспитания подростков, при этом факторный анализ субъективного благополучия позволил выделить существенные факторы: эмоциональная близость в детско-родительских отношениях и требовательность родителей в детско-родительских отношениях. Кроме этого, подтверждена гипотеза о том, что представления детей и их матерей о стиле воспитания расходятся, при этом взгляды детей на стили воспитания своих матерей и отцов практически сходятся.

Ключевые слова: подростки, матери, субъективное благополучие, психологическое благополучие, семейное воспитание, отклонения семейного воспитания.

Проблема субъективного благополучия актуальна в современном мире и в российском обществе. Субъективное благополучие выступает одним из наиболее важных интегративных психических образований, определяющих различные аспекты отношения человека с миром и успешность его взаимодействия с предметным и социальным окружением (Ю. Б. Григорьева, Л. В. Куликов, R. Buchanan, G. Bowen и др.) [3;4;5]. Особенно проблема субъективного благополучия актуальна для подросткового возраста, так как в данный период дети особенно ранимы и уязвимы. Именно подростковый период является периодом выстраивания новых отношений с окружающим миром и самим собой, и, одновременно уязвимым периодом

для воздействия негативных факторов, влияющих на формирование взаимоотношения с действительностью.

Подростковый возраст можно во многих отношениях назвать узловым, так как в этот период происходят чрезвычайно существенные психологические изменения и возникают новые особенности, которые в своем дальнейшем развитии при определенных условиях жизни, деятельности и воспитания ребенка становятся устойчивыми чертами его личности. Вопросы семейного воспитания все больше привлекают к себе внимание ученых и практиков нашей страны и рассматриваются педагогами, социологами, психологами, психотерапевтами (А. Я. Варга, Т. В. Архиреева, Н. Н. Авдеева, А. И. Захаров,

Т.П. Гаврилова, А.И. Спиваковская, А.Е. Личко, Э.Г. Эйдмиллер и др.) [1;2;3;8]. При этом затрагиваются различные сферы детско-родительских отношений: особенности воспитания ребенка и отношения к нему родителей, характерные особенности личности ребенка как результат семейных воздействий, особенности личности родителей, характер супружеских взаимоотношений и т.д.

Одной из наиболее часто встречающихся проблем, с которыми сталкиваются психологи в семейной консультации, является проблема нарушения внутрисемейных взаимоотношений — неблагоприятный тип воспитания и обращения с ребенком, что имеет серьезные, порой даже драматические, последствия для психического развития ребенка, формирования его характера и личности. Нарушение внутрисемейных отношений может быть обусловлено недостаточным уровнем образованности родителей в части особенностей психологического развития детей и влиянии на это семьи. Влияние родителей на развитие ребенка очень велико. Дети, растущие в атмосфере любви и понимания, имеют меньше проблем, связанных со здоровьем, трудностей с обучением, общением со сверстниками, и наоборот, нарушение детско-родительских отношений может привести к формированию различных психологических проблем и комплексов

Таким образом семейная ситуация может обуславливать широкий спектр нарушений психического развития детей.

Отсюда изучение связи субъективного благополучия подростков с типом семейного воспитания представляется важной и актуальной проблемой.

Программа исследования

Эмпирическое исследование состояло из двух частей:

- 1) исследование субъективного благополучия подростков и восприятия ими отношений с родителями,
 - 2) исследование восприятия матерями отношений с детьми.
- В исследовании приняли участие 101 человек, из них 55 подростков в возрасте 12–17 лет, обучающихся в школах Москвы, Санкт-Петербурга и Твери и их матери и отцы (46 человек).

При организации исследования мы столкнулись с определенными трудностями: практически все отцы и часть матерей отказались от участия в работе, сославшись на занятость и отсутствие свободного времени. В связи с этим в анализе результатов исследования мы не учитывали взгляд отцов (в количестве 4 человек) на особенности воспитания своих детей, а учитывали только взгляд со стороны матерей. Кроме этого, при обработке опросников Марковской дети, чьи матери не участвовали в опросе так же исключались. Практически все подростки описали свой взгляд на их воспитания как материнского, так и отцовского.

Для исследования субъективного благополучия подростков применена шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург (WEMWBS) в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер (далее ШПБ). С учетом того, что в нашей работе психологическое благополучие трактуется как часть субъективного и является главным его индикатором мы считаем возможным применить для оценки субъективного благополучия подростков

нашей выборки Шкалу психического благополучия Warwick-Edinburgh.

Для исследования особенностей воспитания подростков использованы опросники «Взаимодействие родитель — ребенок» (варианты для подростков и родителей подростков) И.М. Марковской (далее ВРР) и методика «Родителей оценивают дети» (РОД), созданная И.А. Фурмановым и А.А. Аладыным (далее РОД).

Для статистической обработки полученных результатов использовался пакет программ IBM SPSS Statistics 21. Были применены следующие методы математической статистики — описательные статистики, Критерий Т-Вилкоксона, критерий Краскела-Уоллиса, факторный анализ методом главных компонент с использованием варимакс-вращения.

Результаты исследования

Данные исследования субъективного благополучия показывают в целом благоприятную картину благополучия. Большая часть нашей выборки (55%) имеет высокий уровень психологического благополучия (выше среднего значения по нашей выборке), и 45% — низкий уровень благополучия (ниже среднего значения по нашей выборке). Среднее значение показателя психологического благополучия подростков нашей выборки составило 50.

Анализ данных опроса подростков по методике «Родителей оценивают дети» (РОД) показал, что у родителей нашей выборки выявлены следующие типы отклонения в воспитании детей по мнению подростков: недостаточность требований-запретов к ребенку (3- 53%), что соответствует анализу данных опросника РОД по средним значениям (рис. 2); потворствование (У+ 22%); минимальность санкций (С- 16%) (рис. 1).

Далее нами была изучена связь субъективного благополучия подростков и наличия/отсутствия отклонений в воспитании подростков. Данные подростков были сгруппированы в соответствии наличием/отсутствием факторов отклонения в воспитании и проведена оценка значимости различий оценок между этими группами по непараметрическому критерию Краскела-Уоллиса.

По данным методики «Родителей оценивают дети» (РОД) среди подростков выделено 2 группы (подростки с наличием отклонения в воспитании и подростки с отсутствием отклонений в воспитании). Данные статистического анализа позволяют сделать вывод об отсутствии связи между уровнем психологического благополучия и наличием/отсутствием отклонений в воспитании. Значимых различий между группами подростков с наличием отклонений в воспитании и подростков с отсутствием отклонений в воспитании не выявлено ($\alpha=0,098$).

При проведении методики Марковской И.М. «Взаимодействие родителя и ребенка» (ВРР, версии для подростка и родителей подростка), были получены результаты, по которым можно судить об особенностях взаимоотношений матери и подростка, отца и подростка в восприятии подростка и об особенностях взаимоотношений матери и подростка в восприятии матери. Данные представлены в таблице 1, на рис. 3 и рис. 4

Рис. 1. Степень выраженности родительских тенденций с точки зрения подростков по диагностическим значениям шкал

Рис. 2. Степень выраженности родительских тенденций с точки зрения подростков по средним значениям шкал

Усредненные показатели по шкалам опросника BVP, полученные при опросе 55 подростков нашей выборки в отношении своих матерей, позволили сделать выводы о том, что показатель требовательности родителя равен 13, что при переводе в проценти составляет — 50. Мы можем говорить о том, что данной группе матерей характерна такая черта, как умеренная требовательность к своим детям. Они не ожидают высокого уровня ответственности от ребенка.

Показатель строгости родителя 13,5, что при переводе в проценти составляет 55, говорит о том, что матери

в меньшей мере относятся к своему ребенку со строгостью, устанавливают правила и жесткость во взаимоотношениях, умеренная степень принуждения детей к чему-либо.

В отношениях с детьми матерями выборки присущ контроль за ребенком (показатель равен 14–42). Данная шкала характеризуется средним показателем. Матерям данной выборки присущ средний контроль к своим детям. Подобный контроль может проявляться в умеренной опеке, умеренной ограниченности. Автономность матери в отношении с ребенком проявляется в данном случае в авторитарном отношении к воспи-

Таблица 1. Результаты опросов подростков и матерей по шкалам методики ВРР

		Среднее значение процентиля по ВРР		
		подросток о матери	мать о подростке	подросток об отце
1	нетребовательность-требовательность	50	35	50
2	мягкость-строгость	55	64	60
3	автономность-контроль	42	40	42
4	эмоциональная дистанция-близость	67	53	65
5	отвержение-принятие	72	87	72
6	отсутствие сотрудничества-сотрудничество	70	58	66
7	несогласие-согласие	65	56	65
8	непоследовательность-последовательность	76	67	77
9	авторитетность родителя	62	47	61
10	удовлетворённость отношения с ребенком (родителем)	66	52	61

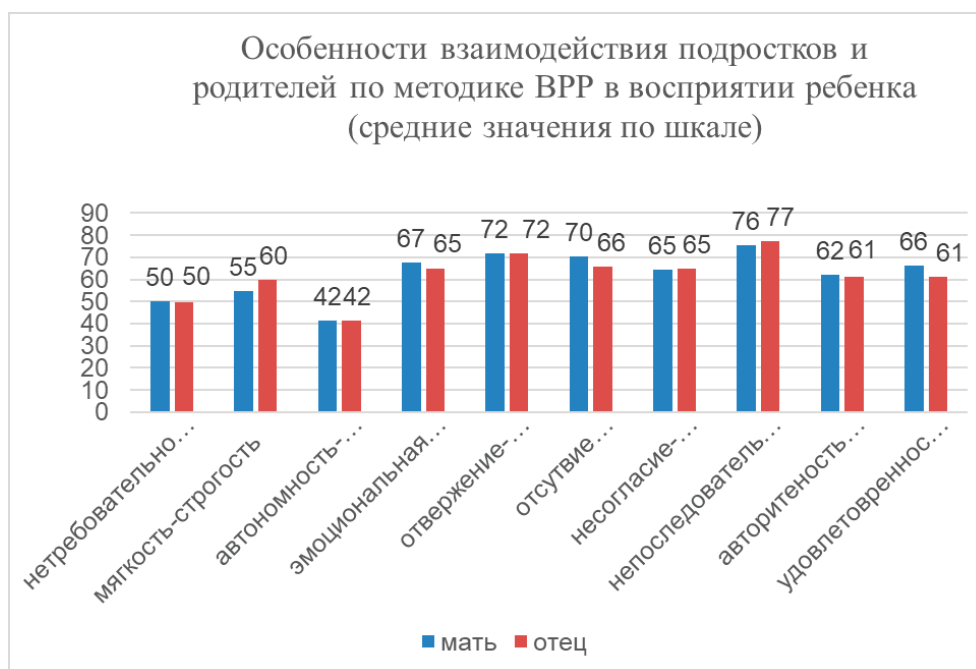

Рис. 3. Особенности взаимодействия подростков и родителей по методике ВРР в восприятии ребенка

танию. Взаимодействие основывается на позициях умеренного внимания. Мать вникает в жизнь и проблемы ребенка: ее интересуют увлечения ребенка, круг его знакомств.

Эмоциональная близость ребенка к родителю 16,5–67. По данным этой шкалы мы можем судить о представлении близости родителя к ребенку, о принятии родительской роли, стремлении к контакту с ребенком, предпочтении детских качеств в ребенке.

Принятие ребенка родителем 19–72. Показатель этой шкалы высокий, что говорит о том, что матери принимают личностные качества ребенка, его поведенческие проявления. Отражает интегральное эмоциональное отношение к ребенку. Содержание шкалы говорит о том, что родителю нравится ребенок таким, каков он есть. Мать уважает индивидуальность ребенка, симпатизирует ему. Стремится проводить больше времени с ребенком, одобряет его интересы и планы. Принятие ребенка как личности является важным условием благоприятного развития ребёнка, его самооценки.

Показатель шкалы «**сотрудничество с ребенком**» отражает включенность ребенка во взаимодействие с матерью, она признает его права и достоинства (16–70). В нашем случае мы можем говорить о том, что в отношениях матери и ребенка присутствует равенство и партнерство. Мать заинтересована в делах и планах ребенка, старается помочь ему, высоко оценивает интеллектуальные и творческие способности ребенка, испытывает чувство гордости за него. Мать поощряет инициативу и самостоятельность ребёнка, старается быть с ним на равных.

Показатель **согласия** с ребенком равен 14,5, что составляет 65. Эта шкала описывает характер взаимодействия между родителем и ребенком и отражает частоту и степень согласия между ними в различных жизненных ситуациях. Показатель нашей выборки приближается к высокому значению, что говорит о стремлении родителей к согласию с ребенком.

По показателю **последовательности** во взаимоотношениях с ребенком 15,7–76, можно судить о последовательности матери

в своих требованиях и отношениях, в применении наказаний и поощрений. Их непоследовательность может проявляться лишь в случаях эмоциональной неуравновешенности (причины, не связанные с взаимоотношениями с ребенком).

Авторитетность родителя в семье 16–62. Усредненные результаты по этой шкале показывают, матери нашей выборки максимально стремятся быть авторитетными для своих детей. Дети дали среднюю оценку этого показателя своим матерям, что в целом говорит о положительном отношении к матерям в целом.

Удовлетворенность отношениями матери с ребенком 17,5–66. Средняя степень удовлетворенности отношениями с родителями говорит о положительной сложившейся семейной ситуации, в структуре детско-материнских отношений нет существенных нарушений.

В результате обобщения данных, было получено четыре наиболее значимых показателя: последовательность матери в своих требованиях к ребенку (76), принятие ребенка матерью (72), сотрудничество с ребенком (70), самое низкое значение имеет показатель автономность ребенка (42).

Исходя из полученных результатов, можно делать вывод о том, что матери, принимавшие участие в нашем исследовании, наряду с повышенной последовательностью в своих воспитательных действиях и высокой степенью принятия своего ребенка проявляют сотрудничество и кооперацию в отношениях со своими детьми. Они поощряют инициативу и самостоятельность ребенка, стараются встать на его точку зрения в спорных вопросах. При этом наблюдается менее выраженное контролирующее поведение, которое граничит с вседозволенностью, обусловленной проявлением доверия к ребенку или стремлением матери привить ему самостоятельность.

Усредненные показатели по шкалам опросника ВРР, полученные при опросе 55 подростков нашей выборки в **отно-**

шении своих отцов показали схожие с матерями результаты, что может свидетельствовать об одинаковых стратегиях воспитания обоих родителей в семьях подростков нашей выборки, что подтверждается статистическим анализом. С помощью критерия Т-Вилкоксона были установлены отсутствие статистически значимых различий оценок детско-родительских отношений в отношении матерей и отцов по шкалам методики «Взаимодействие родитель — ребенок» ($\alpha=0,461>0,05$).

Матери оценивают свой стиль взаимодействия с подростками как принимающий (87) и последовательный (67). Матери считают, что они понимают и принимают своих детей; что они последовательны и постоянны в своих требованиях, в своем отношении к ребенку, в применении наказаний и поощрений. По мнению матерей они достаточно строги к своим детям, но не чрезмерно (64). Матери включают их в обсуждение семейных дел (58), учитывают их мнения, желания, интересы (56). По оценке матерей, подростки в их лице видят старших друзей, помощников и защитников (47). Свои взаимоотношения с подростками матери оценивают как позитивные, основанные на взаимной приязни и доверии (52). Самые низкие показатели имеют шкалы автономность-контроль (40) и нетребовательность-требовательность (35). Показатель эмоциональная близость имеет умеренное значение (53). Данный стиль взаимодействия матерей можно охарактеризовать как авторитетный стиль воспитания.

Следующим шагом анализа стал ответ на вопрос о сходстве и различии представлений подростков и их матерей о взаимодействии между ними. С помощью критерия Т-Вилкоксона были установлены статистически значимые различия (на уровне значимости 0,05) оценок детско-родительских отношений между подростками и матерями по шкалам методики «Взаимодействие родитель — ребенок»: «мягкость — строгость» ($\alpha=0,047$),

Рис. 4. Особенности взаимодействия подростков и матерей по методике ВРР в восприятии матери

«эмоциональная дистанция — близость» ($\alpha=0,005$), «отвержение — принятие» ($\alpha=0,004$), «отсутствие сотрудничества — сотрудничество» ($\alpha=0,021$), «непоследовательность — последовательность» ($\alpha=0,013$), «удовлетворенность отношениями родителей с ребенком» ($\alpha=0,008$), «нетребовательность — требовательность» ($\alpha=0,008$), «отвержение — принятие» ($\alpha=0,004$), «авторитетность родителя» ($\alpha=0,122$). Не выявлено статистически значимых различий по шкале «автономность-контроль» ($\alpha=0,555$). Данные таблицы 1 и статистического анализа указывают на то, что подростки и их матери расходятся в восприятии родительского отношения: подростки считают матерей менее строгими, но более эмоционально близкими, более последовательными, способными к сотрудничеству и более удовлетворенными взаимными отношениями, чем их матери. При этом, с точки зрения подростков, их матери выступают гораздо более отвергающими, чем кажется самим матерям. Подростки оценивают своих матерей как более требовательных, авторитетных. Степень контроля за детьми по оценкам подростков и их матерей находится на одном уровне.

В таблице 2 представлено распределение шкал опросника ВРР по уровням процентильной оценки (низкий, средний, высокий).

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что у подростков преобладают высокие оценки по шкалам «эмоциональная дистанция-близость», «отвержение-принятие ребенка родителем», «отсутствие сотрудничества-сотрудничество», «несогласие-согласие между ребенком и родителем», «непоследовательность-последовательность действий», «удовлетворенность отношений с родителем»; средние оценки по шкалам «нетребовательность-требовательность родителя», «мягкость-строгость родителя», «автономность-контроль по отношению к ребенку». Так же можем отметить, что 33% опрошенных подростков считают низким уровень контроля со стороны родителей.

Результаты по опроснику ШПБ, в сравнении с результатами оценки уровня психологического благополучия подростков представлены в Таблице 3. Анализ данных показывает, что уровень субъективной оценки психологического благополучия тем

выше, чем выше удовлетворенность подростков по ряду критериев оценки отношений с родителями.

Далее мы провели анализ факторной структуры субъективного благополучия подростков и восприятия ими детско-родительских отношений. Была проведена факторизация данных опросников ШПБ и ВРР. Результаты факторного анализа методом главных компонент с использованием варимакс-вращения позволили выделить три фактора:

- 1) эмоциональная близость в детско-родительских отношениях;
- 2) требовательность родителей в детско-родительских отношениях;
- 3) психологическое благополучие (см. Таблицу 4).

Структура первого фактора (эмоциональная близость в детско-родительских отношениях) отражает связь представлений подростков о эмоциональной близости с родителями с ощущением принятия их со стороны родителей, высокой степени сотрудничества между родителями и детьми, согласием, последовательностью родительских действий в воспитательном процессе, высокой оценки подростками авторитетности родителя, а также удовлетворенности отношениями с родителями.

Анализ структуры второго фактора (требовательность родителей в детско-родительских отношениях) показывает, что высокая требовательность со стороны родителей коррелирует с умеренной мягкостью родителей и достаточной строгостью.

Структура третьего фактора (психологическое благополучие) отражает связь психологического благополучия подростков с достаточным уровнем автономности ребенка.

Была изучена связь уровней субъективного благополучия подростков и выделенных факторов психологического благополучия подростков и восприятия ими детско-родительских отношений. Данные подростков были сгруппированы в соответствии уровнями субъективного благополучия и проведена оценка значимости различий оценок между этими группами по непараметрическому критерию Краскела-Уоллиса.

По данным «Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург (WEMWBS) среди подростков выделено 2 группы (подростки с высоким и низким уровнем психологи-

Таблица 2. Распределение оценок подростков по опроснику «Взаимодействие родитель — ребенок» (вариант для подростков) И. М. Марковской

Шкалы опросника	Уровень процентильной оценки (указана доля испытуемых)		
	Низкая (<30)	Средняя (от 30 до 70)	Высокая (>70)
нетребовательность-требовательность	20%	55%	25%
мягкость-строгость	13%	58%	29%
автономность-контроль	33%	55%	13%
эмоциональная дистанция-близость	13%	33%	55%
отвержение-принятие	11%	29%	60%
отсутствие сотрудничества-сотрудничество	13%	20%	67%
несогласие-согласие	7%	29%	64%
непоследовательность-последовательность	5%	20%	75%
авторитетность родителя	16%	42%	42%
удовлетворенность отношения с ребенком (родителем)	15%	22%	64%

Таблица 3. Распределение оценок подростков по Шкале психологического благополучия Варвик-Эдинбург (WEMWBS)

Уровни удовлетворенности по шкалам опросника ВРР		Средний бал по опроснику ШПБ
<i>нетребовательность-требовательность</i>	Низкий	51
	Средний	49
	Высокий	52
<i>мягкость-строгость</i>	Низкий	53
	Средний	50
	Высокий	49
<i>автономность-контроль</i>	Низкий	51
	Средний	51
	Высокий	45
<i>эмоциональная дистанция-близость</i>	Низкий	48
	Средний	50
	Высокий	51
<i>отвержение-принятие</i>	Низкий	48
	Средний	50
	Высокий	51
<i>отсутствие сотрудничества-сотрудничество</i>	Низкий	47
	Средний	51
	Высокий	51
<i>несогласие-согласие</i>	Низкий	47
	Средний	50
	Высокий	51
<i>непоследовательность-последовательность</i>	Низкий	51
	Средний	49
	Высокий	51
<i>авторитетность родителя</i>	Низкий	46
	Средний	50
	Высокий	52
<i>удовлетворённость отношения с ребенком (родителем)</i>	Низкий	49
	Средний	47
	Высокий	52

Таблица 4. Факторная структура параметров субъективного благополучия и восприятия детско-родительских отношений подростками

Наименование шкалы ВРР/Шкала ШПБ	Компонента		
	1	2	3
<i>эмоциональная дистанция-близость</i>	,862		
<i>отвержение-принятие</i>	,810		
<i>авторитетность</i>	,808		
<i>отсутствие сотрудничества-сотрудничество</i>	,785		
<i>удовлетворенность отношениями</i>	,739		
<i>непоследовательность-последовательность</i>	,696		
<i>несогласие-согласие</i>	,625		
<i>нетребовательность-требовательность</i>		,853	
<i>мягкость-строгость</i>		,826	
ШПБ			,754
<i>автономность-контроль</i>			-,743

ческого благополучия). Значимость различий между выделенными группами подростков по факторам субъективного благополучия представлена в Таблице 5, куда вошли те параметры, по которым были выявлены значимые межгрупповые

различия. Данные позволяют сделать вывод о наличии связи между уровнем субъективного благополучия и сотрудничеством с ребёнком, авторитетностью родителя и удовлетворенностью отношениями с матерями в детско-родительских отно-

Таблица 5. Значимые различия оценок между группами подростков, выделенными по уровню психологического благополучия

Наименование фактора	Наименование параметров, входящих в фактор	Уровень значимости различий
Фактор 1: эмоциональная близость в детско-родительских отношениях	Отсутствие сотрудничества-сотрудничество	0,010
	Авторитетность родителя	0,022
	Удовлетворённость отношениями с родителем	0,033

шениях. Значимых различий между группами подростков по факторам «требовательность родителей в детско-родительских отношениях» и «автономность-контроль» не выявлено. Иными словами, имеется связь между уровнем субъективного благополучия подростков и оценкой детско-родительских отношений со стороны подростков.

Основная гипотеза нашей работы о том, что существует связь между субъективным благополучием подростков и типом семейного воспитания подтвердилась.

Выводы

При обследовании субъективного благополучия подростков в целом выявлено удовлетворительные значения. Среднее значение по нашей выборке составило 50, при нормативном максимальном значении по шкале 70 и минимальном 14. При этом 55% опрошенных подростков показали результат выше среднего. Минимальный результат по выборке составил 35, максимальный 66. Полученные результаты могут говорить о том, что подростки в целом удовлетворены своей собственной жизнью, направлены на позитивную реализацию своего личностного потенциала и возможностей. При этом в нашей работе было выявлено, что чем выше у подростков уровень удовлетворённости отношениями с родителями, тем выше уровень субъективного благополучия.

При обследовании мнений подростков по вопросу их взглядов на родительское воспитание в большинстве исследуемых семей выявлен тот или иной тип отклонения в воспитании в части взаимоотношений с родителями. 40% опрошенных подростков показали отсутствие отклонений

в воспитании, при этом половое соотношение подростков в этой группе одинаковое. Наиболее часто встречающийся тип отклонения в воспитании — недостаточность требований-запретов к ребенку. Т. е. для большинства детей нашей выборки существующие запреты легко нарушаются, не имея последствий. Дети сами определяют круг друзей, время возвращения домой, вопросы по вредным привычкам. Родители не требуют отчётов перед ними за свои действия, не хотят и не могут установить какие-либо рамки в поведении детей. При этом связь между субъективным благополучием и отклонениями в воспитании в нашей работе не выявлена.

При исследовании особенностей воспитания по мнению подростков взгляды матерей и отцов на их воспитание сходятся. Стиль взаимодействия как матерей, так и отцов нашей выборки можно оценить как авторитетный стиль воспитания. При этом при исследовании мнений матерей о стиле воспитания своих детей так же выявлен авторитетный стиль воспитания. Однако, по отдельным факторам детско-родительского взаимодействия выявлены различия в восприятии детей и матерей, а именно требовательность, строгость, эмоциональная близость, принятие ребенка, сотрудничество, согласие, последовательность, авторитетность родителя, удовлетворённость отношениями.

Основная гипотеза исследования о том, что существует связь между субъективным благополучием подростков и типом семейного воспитания подтверждена. Подтверждены также две из трех частных гипотез о том, что чем выше у подростков уровень удовлетворённости отношениями с родителями, тем выше уровень субъективного благополучия; о том, что представление подростков о стиле их воспитания отличаются от представления матерей о стиле воспитания своих детей.

Литература:

1. Авдеева Н. Н., Хоффман Б. Э. Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. — 2019. — Том 8. — № 4. doi:10.17759/jmfr.2019080407 (дата обращения: 23.04.2024).
2. Варга А. Я. Типы родительского отношения. — Самара, 1997.
3. Григорова Ю. Б. Структура эмоционального благополучия // АНИ: педагогика и психология. — 2019. — № 1 (26). — с. 331–334.
4. Куликов Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. — СПб., 2004. — 254 с.
5. Куликов Л. В. Здоровье и субъективное благополучие. // Психология здоровья/ ред. Г. С. Никифоров. — СПб.: Питер, 2000.
6. Мухордова О. Е., Шрейбер Т. В. Изучение детско-родительских отношений: методические рекомендации. — Ижевск: УдГУ, 2007. — 124 с.
7. Нартова-Бочавер с. К., Подлипняк М. Б., Хохлова А. Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология. — 2013. № 3.
8. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 1999. — 656с.
9. R. Tennant et al. The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): development and UK validation. Edinburgh: NHS Health Scotland. — 2006.

Исследование личностной беспомощности подростков с высоким и низким уровнем привязанности к референтным лицам из числа друзей

Сергейчук Элеонора Алексеевна, студент магистратуры
Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье рассматривается проблема личностной беспомощности подростков с высоким и низким уровнем привязанности к референтным лицам из числа друзей. Проводится анализ параметров личностной беспомощности по группам, определяются ключевые характеристики испытуемых групп с низким и высоким уровнем привязанности к референтным лицам из числа друзей.

Ключевые слова: привязанность, подростковый возраст, референтные лица из числа друзей, личностная беспомощность.

A study of personal helplessness in adolescents with high and low level of attachment to reference persons from the number of friends

Sergeychuk Eleonora Alekseevna, student master's degree
Moscow State Psychological and Pedagogical University

The article examines the problem of personal helplessness of adolescents with high and low levels of attachment to reference persons from among their friends. An analysis of the parameters of personal helplessness by group is carried out, the key characteristics of the test groups with low and high levels of attachment to reference persons from among friends are determined.

Keywords: attachment, adolescence, reference persons from among friends, personal helplessness.

Многие специалисты в России и за рубежом занимаются исследованием зависимого поведения и факторов, которые влияют на склонность подрастающего поколения к различным привязанностям [3]. Они выделяют различные биологические, социальные, психологические и иные факторы, которые могут играть роль в данном вопросе [2]. Среди личностных особенностей обычно отмечают незрелость личности, компульсивный или обсессивный характер, низкую стрессоустойчивость, сниженную самооценку, трудности с переносимостью трудностей, скрытый комплекс неполноценности, склонность к лжи, стереотипность, тревожность, импульсивность, внушаемость, некритичность, а также различные параметры личностной беспомощности подростков [1].

Ученые исследуют феномен личностной беспомощности подростков как сложную комбинацию особых черт характера, усвоенных норм поведения, социальной дезадаптации, подчиненности и пассивности. В связи с этим мы определили актуальность выбранной темы исследования и осуществили его на базе 8–9 классов СОШ № 5 гор. Владимира. Выборку составили 60 испытуемых: 32 девочки и 28 мальчиков, возраст подростков 14–15 лет. Исследование было осуществлено по двум эквивалентным группам в сравнении.

Для исследования параметров личностной беспомощности подростков с низким и высоким уровнем привязанности к референтным лицам из числа друзей нами была применена методика В. В. Шиповской «Личностная беспомощность» [4].

На представленной диаграмме показано распределение выраженности параметров личностной беспомощности (внутренней и внешней) среди подростков с высоким ($n=30$) и низким ($n=30$) уровнем привязанности к сверстникам и друзьям других возрастов.

Рассмотрим группу показателей внутренней беспомощности подростков. Чувство беспомощности в значительно большей степени выражено в группе подростков с высоким уровнем привязанности к сверстникам (78,7 балла и 45,2 балла в среднем по группам, соответственно). По всей видимости, подростки, которые значительно более зависимы от своих сверстников или друзей других возрастов, имеют повышенное чувство беспомощности в принятии самостоятельных решений, являются ведомыми в компании и поступают как большинство. Такие подростки имеют сильные конформистские установки и очень легко поддаются управлению со стороны других людей близкого дружественного круга.

Отсутствие контроля над ситуацией достаточно высоко выражено в группе подростков с высоким уровнем привязанности к друзьям (72,6 балла), в то время как в группе с низким уровнем привязанности более сильно выражен контроль над ситуацией (50,6 балла). По всей видимости, эта шкала подтверждает наше предположение о высокой ведомости и управляемости со стороны референтных лиц в отношении подростков, которые имеют тенденцию к высокой степени зависимости и привязанности к этим лицам. Контроль над ситуацией означает самостоятельность и свободу в принятии решений, наличие собственной меры моральных норм и допусков, соответственно, низкий самоконтроль дополнительно обеспечивает формирование податливости и внушаемости у подростков с высоким уровнем привязанности.

Низкая самооценка в обеих группах испытуемых выражена выше среднего уровня (59,5–64,2 балла), скорее всего, данная тенденция в обеих группах испытуемых обусловлена общей независимой переменной в данном исследовании — это подростковый возраст, который характеризуется неустойчиво-

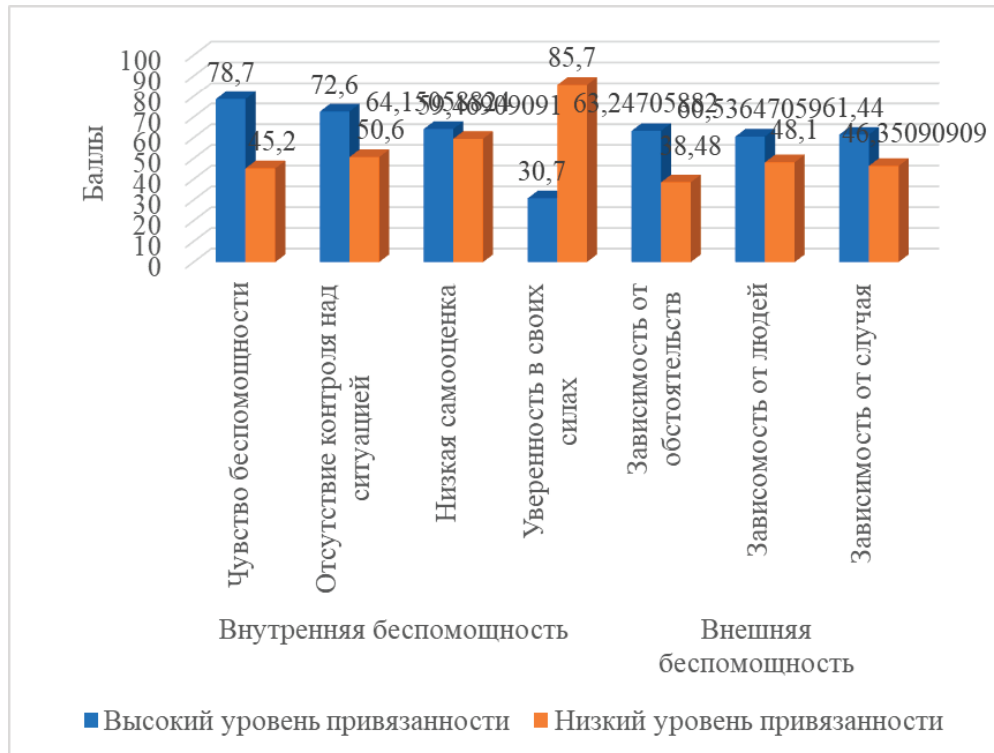

Рис. 1. Уровень личностной беспомощности школьников по методике В. В. Шиповской «Личностная беспомощность»

стью эмоциональной и мотивационной сферы, соответственно, возникают некоторые проблемы с самооценкой. Однако, мы не считаем показанные в группах значения низкой самооценки принципиально различными, впоследствии это предположение будет проверено методами математической статистики.

Уверенность в своих силах — последний исследуемый параметр внутренней беспомощности в рамках данной методики. Уверенность в своих силах в значительно большей степени показана в группе подростков с низким уровнем привязанности к референтным лицам из круга друзей (85,7 баллов). По всей видимости, в данном случае еще имеет место и так называемый «юношеский максимализм», когда подростку кажется, что ему все по силам и он явно переоценивает свои возможности. Однако в этом случае именно уверенность в своих силах позволяет подросткам быть независимыми и иметь свою позицию по многим вопросам, в том числе, морально-этического плана. Напротив, в группе испытуемых с высоким уровнем привязанности к референтным лицам из круга друзей отмечается низкая степень уверенности в своих силах (30,7 балла), что также подтверждает безвольность испытуемых, слабость в отстаивании своей точки зрения, неуверенность в своих словах и в собственной позиции, шаткость моральных принципов и границ дозволенного.

Далее рассмотрим выраженность параметров внешней беспомощности подростков с высоким и низким уровнями привязанности к референтным лицам из числа друзей. Первый параметр — это зависимость от обстоятельств. В сравнении групп можно отметить, что практически в два раза среднее значение по этой шкале превышает в группе подростков с высоким уровнем привязанности, чем в группе испытуемых с низким уровнем привязанности (63,2 балла и 38,5 балла, соответ-

ственно). Скорее всего, в сложных ситуациях подростки с высоким уровнем привязанности к референтным лицам из круга друзей ориентируются на поведение именно объектов привязанности, слушают их советы, а также могут выполнять их поручения или просьбы.

Зависимость от людей показывает похожую, но все же менее явную тенденцию в группах испытуемых — группа с высоким уровнем привязанности демонстрирует повышенное значение данного параметра (60,5 балла), группа с низким уровнем привязанности показала значительно более низкий балл (48,1 балла). Данная тенденция говорит о том, что подростки с высоким уровнем привязанности к референтным лицам из числа друзей имеют ведомый характер, отдают приоритет в принятии решений другим людям, признают выбор другого человека как свой собственный, ориентируются на чужую волю.

Аналогичная ситуация наблюдается по завершающему параметру — зависимость от случая (61,4 балла — группа с высоким уровнем привязанности, 46,4 балла — группа с низким уровнем привязанности). По всей видимости, высокий уровень привязанности подростков к референтным лицам из числа друзей определяет ситуативную изменчивость мотивов тех или иных поступков, эмоциональную лабильность и неустойчивость цели.

Таким образом, по итогам исследования личностной беспомощности подростков групп с высоким и низким уровнем привязанности к референтным лицам из числа друзей можно составить характеристики каждой группы в отдельности.

Группу подростков с высоким уровнем привязанности к референтным лицам из числа друзей характеризует высоко выраженное чувство беспомощности, отсутствие контроля над ситуацией, тенденция к снижению самооценки, крайне низкая

степень уверенности в своих силах, высокая степень зависимости, от других людей, ситуаций и обстоятельств.

Группа подростков с низким уровнем привязанности к референтным лицам из числа друзей можно охарактеризовать как имеющих свою волевую позицию в решении проблем, устойчивых к влиянию третьих лиц, контролирующих свой выбор и свои поступки, относительно независимых от людей, си-

туаций и обстоятельств. Однако в данной группе также обнаружена тенденция к снижению самооценки, что, вероятно, обусловлено спецификой подросткового возраста испытуемых.

Таким образом, нам удалось выделить различия в выраженности параметров личностной беспомощности у подростков с высоким и низким уровнем привязанности к референтным лицам из числа друзей.

Литература:

1. Доронина Н. Н., Зиборова, Е.И., Шкилев, С.В. Особенности межличностных отношений подростков с разным уровнем развития лидерских качеств // Вестник РМАТ № 1, 2019. С. 80–83
2. Курбатова Е. С., Куренков, И. А. Психологические особенности девиантного поведения подростков // Психология и педагогика служебной деятельности. — № 1, 2019. <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-deviantnogo-povedeniya-podrostkov/viewer> (Дата обращения 08.10.2023)
3. Рязанкина Е. В. Деструктивное лидерство и профилактика зависимого поведения в подростковой среде [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2010. Том 7. № 3. С. 63–72. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2010/n3/41073.shtml (дата обращения: 13.11.2023)
4. Шиповская В. В. Беспомощность как фактор формирования экстремистских установок в подростковой среде // КПЖ. 2017. № 5 (124). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bespomoschnost-kak-faktor-formirovaniya-ekstremistskih-ustanovok-v-podrostkovoy-srede> (дата обращения: 09.11.2023)

Особенности стратегий поведения в конфликте у курсантов с разным уровнем враждебности

Сорокина Алёна Игоревна, студент

Научный руководитель: Юрченко Ирина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент
Воронежский государственный университет

История изучения конфликтов и стратегий конфликтного поведения насчитывает ни один десяток лет. Конфликт — это всегда сложный и многоплановый социальный феномен, который присутствует в любой сфере жизнедеятельности общества и человека. В рядах Вооруженных Сил нередко происходят межличностные конфликты, и стратегии выхода из них индивидуальны для каждого военнослужащего. Наиболее частыми стратегиями выхода из конфликта у военнослужащих являются соперничество и приспособление. Стратегия соперничества связана с возможным проявлением манипуляции для достижения своих целей в конфликте, стратегия приспособления связана с сохранением отношений в воинском коллективе. Существенное значение на современном этапе развития социально-психологической науки и практики имеет определение тех особенностей конфликтного поведения, способов разрешения конфликта, которые свойственны личности с соответствующим уровнем враждебности.

Ключевые слова: курсанты, враждебность, агрессивность, конфликт, стратегии поведения в конфликте, конфликтность.

Важной индивидуальной характеристикой человека является враждебность, которая понимается как негативное, оппозиционное отношение к окружающему миру (в первую очередь к людям) преимущественно когнитивного характера, подразумевающее наличие негативных эмоций и поведенческих проявлений в виде агрессии, негативизма, аутизации и т.д. [4]. Враждебность зачастую определяет выбор стратегии поведения в конфликте, особенно у людей, попадающих в незнакомую среду со своими особенностями, свойствами поведения и инструментами разрешения проблем, при резких изменениях, которые зачастую ведут к фрустрации по причине того, что старые установки не подходят под новый уклад жизни, а новые еще не найдены [3].

Так происходит, например, в рамках обучения военным специальностям, где учебно-профессиональная деятельность имеет ряд особенностей, и они непосредственно оказывают влияние на личность курсанта, в результате чего увеличивается количество межличностных конфликтов в коллективе.

Уровень выраженности враждебности курсантов связан с их положением в системе межличностных отношений (статусом). В этом смысле уровень враждебности — явление динамичное [1].

Враждебность у курсантов может проявляться следующим образом:

1. Физические или вербальные нападки на других курсантов или офицеров.

2. Отказ от сотрудничества, неучастие в групповых заданиях или игнорирование инструкций.

3. Попытки сознательно нарушить выполнение обязанностей или портить общую атмосферу в группе.

4. Использование лжи, интриг или других манипулятивных техник для достижения своих целей за счёт других [2].

Враждебность может обладать различной степенью устойчивости. Чем конкретнее враждебное отношение, тем оно менее устойчиво. Напротив, генерализованная враждебность резистентна к изменениям. Она часто проявляется не только в выборе стратегий разрешения конфликтных ситуаций и в интенсивной реакции на конфликтные ситуации, а скорее в провоцировании и создании таковых. В этом процессе существенную роль играют такие характеристики, как цинизм, недоверие, подозрительность, негативизм. Люди с высоким уровнем враждебности в большей степени склонны приписывать нейтральным объектам и ситуациям негативные качества. Многие ситуации социального взаимодействия представляются им конфликтными, фактически не являясь таковыми. Они ниже оценивают вероятность благоприятных событий и выше — вероятность неблагоприятных. Все это создает для них множество дополнительных источников стресса по сравнению с невраждебными субъектами.

Конфликты являются неотъемлемой и важной частью человеческой жизни на всех уровнях взаимодействия. Они происходят постоянно и непрерывно, потому что неизбежно, что

у людей не будет разногласий по поводу целей, интересов, ценностей и/или убеждений [4].

В любом конфликте каждый участник оценивает и соотносит свои интересы и интересы соперника. На основе анализа он сознательно выбирает ту или иную стратегию поведения (соперничество, компромисс, сотрудничество, уклонение, приспособление). Та или иная стратегия поведения в конфликтных ситуациях является конкретизацией отношения личности к окружающим, выступает проявлением коммуникативных установок в широком классе социальных ситуаций.

Для выявления предпочитаемых стратегий поведения в конфликте у курсантов с разным уровнем враждебности мы провели исследование на базе военного учебного центра Воронежского государственного университета. В нем приняли участие 102 курсанта в возрасте 19–21 лет, обучающиеся 3 курса.

В качестве методов сбора эмпирических данных выступил стандартизированный самоотчет, конкретизированный следующими методиками: опросник враждебности Басса-Дарки (авторы А. Басс, А. Дарки в адаптации С. Н. Ениколопова), целью которого является выявление уровней враждебности и определение преобладания определенных типов агрессивности, методика Томаса — Килмана на выявление ведущей стратегии поведения в конфликтной ситуации (авторы К. Томас, Р. Килман в адаптации Н. В. Гришиной).

Проанализируем результаты опросника враждебности Басса-Дарки. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Процентное соотношение уровней враждебности личности

Уровень враждебности	Количество курсантов	Процентное соотношение
Низкий	16	15,69%
Средний	54	52,94%
Высокий	32	31,37%

Полученные данные позволяют заключить, что большинство курсантов (52,94%) обладают средним уровнем враждебности. Это говорит о том, что такие курсанты могут периодически испытывать негативные чувства по отношению к другим, но при этом сохранять контроль над своими эмоциями и поведением, а также могут ощущать дискомфорт или раздражение в определенных ситуациях, однако обычно умеют владеть собой и избегать конфликтов. Средний уровень враждебности в коллективе указывает на то, что межличностные отношения могут быть разнообразными и неоднозначными. Возможно, в группе иногда возникают конфликты или недовольство, но они не являются постоянными или серьезными. В таком коллективе люди могут как поддерживать друг друга и работать вместе, так и время от времени сталкиваться с разногласиями. Обычно средний уровень враждебности не оказывает значительного влияния на производительность и общее благополучие группы, но может требовать внимания и управления, чтобы избежать ухудшения отношений.

Для курсантов с высоким уровнем враждебности (31,37%) характерна склонность приписывать другим объектам и явлениям негативные качества. Они интенсивно реагируют на конфликтные ситуации, а скорее даже провоцируют и создают их.

У таких людей враждебное отношение может быть неадекватно обобщенным, вплоть до того, что человек воспринимает любые объекты или воздействия извне как негативные, неприятные, нежелательные и т.п. Высокий уровень враждебности в коллективе означает, что межличностные отношения характеризуются значительным количеством конфликтов, агрессивного поведения и недоверия между его членами. Это может проявляться в постоянных конфликтах, напряженности в общении, а также в сниженной производительности и эффективности работы группы. Высокий уровень враждебности может также свидетельствовать о недостаточной способности коллектива решать конфликты и строить здоровые отношения, что может негативно сказываться на общем успехе и благополучии группы.

Для курсантов с низким уровнем враждебности (15,69%) характерна осторожность. Они скорее будут подчиняться, чем руководить, а также вероятность вступления в конфликт минимальна. Низкий уровень враждебности в коллективе означает, что межличностные отношения характеризуются взаимопониманием, доверием и сотрудничеством между его членами. В таком коллективе люди обычно способны решать конфликты конструктивно, поддерживать друг друга и работать вместе

для достижения общих целей. Низкий уровень враждебности обычно способствует позитивной атмосфере, повышает производительность и способствует общему благополучию группы.

Результаты методики на выявление ведущей стратегии поведения в конфликтной ситуации Томаса — Килмана представлены на рисунке 1.

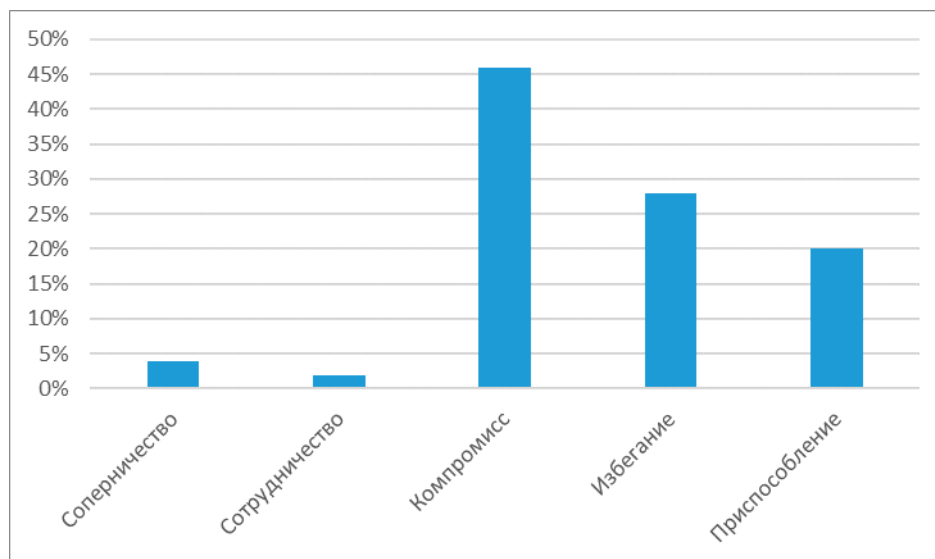

Рис. 1. Процентное соотношение стратегий поведения в конфликтной ситуации у курсантов

Данные, представленные на рисунке 1 позволяют констатировать, что наибольшее число испытуемых (46%) используют компромисс как стратегию разрешения конфликта, предпочитая действия направленные на поиски разрешения сложной ситуации, за счет взаимопонимания и уступок.

Второй распространенной стратегией выступило уклонение (28%), для которого характерно как отсутствие стремления к кооперации, так и отсутствие тенденции к достижению собственных целей.

Приспособление обнаружено у 2% испытуемых, при котором действия конфликтующих направлены на сохранение любых взаимоотношений с оппонентом, применяется тактика сглаживания в ущерб своим интересам.

Соперничество обнаружена у 4% испытуемых, которая выражается в стремлении добиться удовлетворения своих интересов в ущерб интересам другого человека.

Менее всего выражен тип поведения в конфликте — сотрудничество (2%), которое свидетельствует о том, что использование данного типа поведения возможно только при заинтересованности обеих сторон конфликта, иначе сотрудничество просто невозможно.

Обобщив результаты исследования, можно сделать вывод о том, что большинство курсантов в выборке обладают средним

уровнем враждебности. Это говорит о том, что они имеют некоторую негативную направленность в отношениях с окружающими, но эта враждебность не выражается в ярко выраженной агрессии или враждебных действиях. Также мы увидели, что для большинства курсантов характерны такие стратегии поведения в конфликте, как компромисс, избегание и приспособление. Стратегия компромисс связана с поиском взаимовыгодного решения, которое удовлетворяет интересы всех сторон, вовлеченных в конфликт. Стратегия уклонения и приспособления связана с уходом из конфликта, попыткой сохранения отношений в воинском коллективе, для таких военнослужащих также свойственно идти на уступки. Стратегия сотрудничества связана с активным участием всех сторон в поиске взаимовыгодного решения, такую стратегию поведения скорее выберут курсанты со средним уровнем враждебности. Стратегия соперничества предполагает акцент на собственных интересах и целях без учёта интересов других сторон. Участники конфликта, использующие эту стратегию, стремятся достичь своей цели независимо от желаний или потребностей других сторон.

Перспективы изучения данной темы видятся в исследовании профилактики конфликтного поведения в курсантской среде и улучшения условий взаимодействия курсантов в коллективе.

Литература:

1. Дохолян С. Б. Предупреждение агрессивного поведения военнослужащих по призыву в повседневной деятельности: дис. канд. психол. наук / С. Б. Дохолянов. — М.: 1998. — 222 с.
2. Ильин Е. П. Психология зависти, враждебности, тщеславия / Е. П. Ильин. — СПб: Питер. — 2014. — 208 с.
3. Калужный А. С. Конфликты в воинских коллективах: Учеб. пос. / А. С. Калужный. — Н. Новгород: НГТУ, 2004. — 33 с.
4. Садовская А. В. Основные направления и методы исследования враждебности // URL: <https://www.psychology.ru/lononosov/tesises/fk.htm> (дата обращения 28.04.2024)

Специфика самооценки подростков, занимающихся смешанными единоборствами

Тугаринов Александр Сергеевич, студент магистратуры
Московский государственный психолого-педагогический университет

На сегодняшний день самооценка подростков, занимающихся смешанными единоборствами, оказывает существенное воздействие на динамику мотивационных проявлений в спорте. Именно самооценка как одна из ключевых черт личности имеет определяющее значение в формировании уровня амбиций в спортивной деятельности. Однако в последнее время в психологии спорта появилась точка зрения о том, что высокий уровень самооценки спортсмена не всегда соответствует действительности. Автором рассматривается специфика самооценки подростков, занимающимися смешанными единоборствами.

Ключевые слова: самооценка, подростковый возраст, самооценка спортсмена, смешанные единоборства, спортивная психология.

The specifics of self-esteem of teenagers engaged in mixed martial arts

To date, the self-esteem of teenagers engaged in mixed martial arts has a significant impact on the dynamics of motivational manifestations in sports. It is self-esteem, as one of the key personality traits, that is crucial in shaping the level of ambition in sports activities. However, recently, the point of view has appeared in the psychology of sports that a high level of self-esteem of an athlete does not always correspond to reality. The author examines the specifics of the self-esteem of teenagers engaged in mixed martial arts.

Keywords: self-esteem, adolescence, athlete's self-esteem, mixed martial arts, sports psychology.

Спорт как форма социально обусловленной психомоторной активности способствует развитию личности через укрепление волевых, нравственных, эмоциональных и когнитивных аспектов. Ученые отмечают, что спорт играет роль моделирования жизни и помогает развивать различные качества личности, включая самооценку и мотивацию к достижению (см. работы Жилина С. В., Реан А. А. и др.).

Самооценка играет ключевую роль в регулировании активности индивида и способствует его адаптации к изменчивым условиям жизни. Исследования в психологической литературе показывают, что процессы формирования самооценки у спортсменов не сильно отличаются от других групп людей, однако спортсмены чаще имеют более высокую самооценку.

Для юных спортсменов, занимающихся спортом параллельно с учебной, спортивная деятельность становится приоритетной и оказывает значительное влияние на формирование личностных структур [2]. Так, например, для подростка, ключевым качеством является способность к самоуправлению и адаптации к спортивным вызовам. Именно самооценка, играя роль регулятора поведения и деятельности юного спортсмена, влияет на эти качества. Самооценка может быть устойчивой (постоянной в разных ситуациях) и неустойчивой.

Таким образом, формирование адекватной самооценки спортсмена-подростка зависит от его успехов в спортивной деятельности, позитивного общения с референтной группой, уровня амбиций и исполнения собственных целей, что влияет на его внутреннюю оценку и мнение окружающих.

Важно отметить, что самооценка считается адекватной для спортсмена, когда она соответствует его возможностям и достижениям в спорте. Чрезмерно завышенная или заниженная

самооценка могут препятствовать достижению значительных спортивных результатов [5]. Татьяна Бондарчук, Елена Захарова и другие авторы выделяют несколько ключевых условий для формирования адекватной самооценки у подростков, занимающихся спортом.

Согласно Т. Бондарчук, наиболее значимым условием формирования адекватной самооценки является организация увлекательной деятельности для спортсмена. Интерес и увлеченность могут стимулировать спортсмена стремиться к высоким целям и соответствовать требованиям в спорте.

Другим важным условием, которое выделяет Татьяна Бондарчук, является многогранность спортивной деятельности. Тренер имеет возможность изучить характер самооценки спортсмена в разных областях и формировать правильное представление о его умениях и поступках в спорте. Учет этих критериев помогает создать эффективные тренировочные программы [3].

Такие программы успешно реализуются в смешанных единоборствах, где ключевым является умение настраиваться на бой с конкретным противником в нужный момент. Решение этой задачи напрямую зависит от анализа показателей активности, эффективности и разнообразия соревновательной деятельности. На данный момент информации по этому вопросу недостаточно, так как смешанные единоборства являются относительно молодым видом спорта, исследования в этой области находятся в стадии развития. Манеру ведения боя в единоборствах некоторые авторы рассматривают как индивидуальный стиль деятельности спортсмена.

Смешанные единоборства, как особый вид спортивной деятельности, предлагает постоянно оценивать свои спортивные результаты. Уникальность этого вида спорта показывает рекордные и порой удивительные проявления физических возможностей человека [1]. Поддержание и достижение идеаль-

ного уровня самооценки является важным для успешного участия в соревнованиях по смешанным единоборствам. Самооценка подростка зависит от динамики и стабильности результатов в данном виде спорта, которые достигаются путем длительных и усиленных тренировок.

Как юный спортсмен оценивает самого себя, существенно влияет на его успех. Положительная самооценка помогает подростку преодолевать трудности, уверенно стремиться к своим целям и проявлять психологическую устойчивость, мотивацию и контроль над эмоциями.

С другой стороны, низкая самооценка может затруднить развитие спортсмена, вызвать неуверенность и стресс, а также отрицательно сказаться на его выступлениях. Важно обратить внимание на развитие здоровой и устойчивой самооценки, которая играет важную роль в психологической подготовке спортсмена [4].

Таким образом, можно сказать, что участие подростков в спортивных соревнованиях по смешанным единоборствам оказывает значительное воздействие на процесс формирования личности и развития самооценки.

Литература:

1. Ахмедов Р.Г. Особенности развития физических качеств подростков, занимающихся единоборствами / Ахмедов Р.Г. [Электронный ресурс] // cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-fizicheskikh-kachestv-podrostkov-zanimayuschih-sya-edinoborstvami> (дата обращения: 20.02.2024).
2. Захарова А. В. Структурно-динамическая модель самооценки / Захарова А. В. [Электронный ресурс] // psyjournals: [сайт]. — URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/bppe_2012_n4_Zakharova.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
3. Спортивная психология: учебник для вузов / В. А. Родионов [и др.]; под общей редакцией В. А. Родионова, А. В. Родионова, В. Г. Сивицкого. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 367 с. — (Высшее образование).
4. Уманская И. А. Самооценка как психологически ресурс успешной спортивной деятельности / Уманская И. А. [Электронный ресурс] // cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoootsenka-kak-psihologicheskij-resurs-uspeshnoy-sportivnoy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения: 20.02.2024).
5. Черных А. В. Самооценка как основа стабильности спортивных результатов / Черных А. В. [Электронный ресурс] // cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoootsenka-kak-osnova-stabilnosti-sportivnyh-rezultatov> (дата обращения: 20.02.2024).

Связь академической мотивации и личностных характеристик студентов неязыковых вузов при изучении ими иностранного языка

Чадова Елена Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Егоренко Татьяна Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой
Московский государственный психолого-педагогический университет

Многие авторы обращаются к проблеме формирования мотивации изучения иностранного языка студентами неязыковых специальностей, однако вопрос влияния различных факторов на уровень мотивации остается актуальным. Современные тенденции глобализации общества таковы, что социальный запрос достаточно высок на специалистов, владеющих иностранными языками помимо основной профессии.

Автором рассматривается наличие связи уровня мотивации и личностных характеристик студентов при изучении иностранного языка в неязыковом вузе.

Ключевые слова: мотивация, личностные характеристики, иностранный язык, обучение, студенты, неязыковые специальности, глобализация.

The connection between academic motivation and personal characteristics of students at non-linguistic universities when they study a foreign language

Many authors address the problem of developing motivation for learning a foreign language by students of non-linguistic specialties, but the issue of the influence of various factors on the level of motivation remains relevant. Modern trends in the globalization of society are such that the social demand is quite high for specialists who speak foreign languages, in addition to their main profession.

The author examines the existence of a connection between the level of motivation and personal characteristics of students when studying a foreign language at a non-linguistic university.

Keywords: *motivation, personal characteristics, foreign language, training, students, non-linguistic specialties, globalization.*

Проблема подготовки компетентных, конкурентоспособных специалистов на фоне активного развития инновационных технологий в социальной, технической, профессиональной сферах жизни общества, экономической глобализации в мире актуальна и по сей день.

Мотивация — двигатель обучения. Она пробуждает интерес, повышает продуктивность и ведёт к успеху в освоении знаний.

Владение иностранным языком качественно повышает уровень профессиональной деятельности современного специалиста любого профиля, а следовательно, его конкурентоспособность в профессиональной среде, обеспечивает спрос на рынке труда и стабильность.

Несмотря на явную важность, проблема связи личностных характеристик, особенностей студентов и их мотивации к обучению в вузе на разных этапах обучения остаётся малоизученной в отечественной психологии. Это упущение существенно, поскольку эффективное взаимодействие педагога и студента невозможно без понимания индивидуальных мотивов последнего. Внешне схожие действия студентов могут быть обусловлены совершенно разными причинами и внутренними стимулами.

В последние годы преподаватели вузов активно ищут способы вдохновить студентов на учёбу, помочь им преодолеть страх неудач, скорректировать негативное поведение, развить личностные качества и научиться справляться с трудностями. Конечной целью является помощь студентам в становлении высококвалифицированными специалистами, способными достигать успеха, полностью реализовывать свой интеллектуальный потенциал и, что важнее всего, испытывать радость от жизни.

Рассмотренные исследования ученых психологов и педагогов, проведенные в зарубежной и отечественной психологии, приводят к выводу о том, что мотивационная и личностная сферы человека представляют собой сложные и многогранные системы.

Учебная мотивация — особый вид мотивации, свойственный учебной деятельности, постоянный спутник развития, сопровождает человека на протяжении всей его жизни [5]. Это особый сложносоставной вид мотивации, так как содержит структуру внутренней и внешней мотивации. Управление ею в учебном процессе требует регулирования с учётом её структуры, динамики и возраста обучающихся.

Академическая мотивация ориентирована скорее на внутренние стимулы, такие как интерес к знаниям, стремление к саморазвитию и достижению. Мотивы познания, достижения и саморазвития являются основополагающими для внутренней академической мотивации. Это внутренние стимулы, которые берут энергию от удовлетворения базовых психологических потребностей учащимися в учебном процессе. Они объясняют тягу студентов к знаниям и поддерживают их активность на протяжении всего учебного процесса.

В студенческом возрасте развитие академической мотивации связано с познавательными потребностями, характером учебно-профессиональной деятельности, стремлениями получить качественное высшее образование и профессию, сформировать общекультурные и профессиональные компетенции, конкурентоспособные на мировом уровне.

Совокупность внутренних и внешних мотивов академической мотивации оказывает влияние на успеваемость студента при наличии определенных личностных характеристик, способствующих успешному обучению иностранному языку.

В свою очередь *личностные характеристики* человека формируются под воздействием его индивидуальных черт и свойств, которые, сплетаясь воедино, создают неповторимый облик личности со своим индивидуальным восприятием мира, отношением к окружающим и самоощущением человека. Они меняются и развиваются с течением жизни под влиянием различных событий, взаимодействий и опыта. Темперамент влияет на эмоциональную и физическую реакцию на мир, характер определяет душевные и нравственные качества, а интеллект отражает способность к мышлению и анализу.

При проведении эмпирического исследования связи академической мотивации и личностных характеристик студентов и их интерпретация использовались: методика «Мотивация обучения в вузе» Т.И. Ильина; «Методика диагностики направленности учебной мотивации» Т.Д. Дубовицкая; «Шкала академической мотивации» (ШАМ) Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин; «Пятифакторный личностный опросник» (5PFQ) Р. МакКрае, П. Коста (адаптирован А.Б. Хромовым).

В ходе эмпирического исследования среди студентов был произведен замер мотивации обучения в вузе, замер направленности учебной мотивации при изучении иностранного языка студентами неязыкового вуза, уровня академической мотивации по выраженности и типу мотивации к учебной деятельности по «ШАМ», изучались личностные характеристики студентов в неязыковом вузе и наличие связи между признаками личностных характеристик и мотивации.

На эмпирическом уровне определили наличие связей между уровнями академической мотивации и личностными характеристиками студентов. По результатам исследования показатели высокого уровня мотивации достижения коррелируют с высокими значениями фактора экстраверсии, связь прямая. Высокий уровень саморазвития, познания, достижения, самоуважения коррелирует на уровне статистической значимости с высокими значениями фактора самоконтроля с прямой направленностью. По результатам проведенных замеров ко всем соотношениям факторов личностных характеристик (5PFQ) и академической мотивации (ШАМ), зафиксировали коррелирующие на уровне статистической значимости, где выявили обширный спектр связей, что позволяет судить о большом потенциале развития необходимых факторов и связей для успешного обучения иностранному языку. Личностные черты, особенности и характере-

ристики могут иметь прямое и косвенное влияние на обучение, и их роль в качестве фактора предрасположенности к успеху в обучении иностранному языку учащихся не следует сбрасывать со счетов. Их влияние нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от мотивации и когнитивных факторов.

Выдвинутая гипотеза подтвердилась: нам удалось выявить наличие связи между характерологическими признаками — сознательности, доброжелательности, самоконтроля, самонацеленности, открытости опыту и факторами академической мотивации достижения, познания, саморазвития, самоуважения, что подтвердило нашу гипотезу о наличии связи мотивации

и личностных характеристик студентов неязыковых вузов при изучении ими иностранного языка.

Исследуя эту тему пришли к выводу, что при обучении важен и стиль обучения, и множественный интеллект учащихся; и, возможно, следует приложить большее количество усилий для того, чтобы вузы уделяли внимание не только образовательному процессу, но и типу личности студента, применению эффективных стратегий в обучении для наилучшей адаптации к психологическим потребностям студента, что неразрывно связано с результатами в обучении и качеством молодого специалиста.

Литература:

1. Гордеева Т. О. Сычев О. А., Осин Е. Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 96–107.
2. Джидарьян И. А. О месте потребностей, эмоций и чувств в мотивации личности // Теоретические проблемы психологии личности — М., 1974. (20)
3. Дубовицкая Т. Д. Методика диагностики направленности учебной мотивации // Психологическая наука и образование 2002, № 2 — С. 42–45, © Московский городской психолого-педагогический университет © PsyJournals.ru, 2007
4. Захарова Л. Н. Личностные особенности, стили поведения и типы, профессиональной самоидентификации студентов педагогического вуза // Вопросы психологии, 1998. — № 2.
5. Ильин Е. П. «Мотивация и мотивы». СПб.: Питер, 2011.
6. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. — М., 1989. — С. 225.
7. Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие, Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000.

Готовность выпускников учреждений для детей-сирот к самостоятельной жизни

Чепуштанова Наталья Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Меркуль Ирина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент

Московский государственный психолого-педагогический университет

В рамках написания ВКР по теме «социально-психологическая готовность к самостоятельной жизни выпускников учреждений для детей — сирот» проведено исследование особенностей готовности выпускников детских домов к самостоятельной жизни.

В исследовании приняли участие выпускники учреждений для детей — сирот (далее — выпускники) и юноши и девушки, воспитывающиеся в биологических семьях (далее — студенты), возраст респондентов от 16 до 20 лет.

В результате проведенного исследования мы можем с уверенностью говорить, о том, что по некоторым параметрам выпускники учреждений для детей сирот имеют различия от юношей и девушек, воспитывающихся в биологических семьях.

Исследование проводилось с применением психолого-диагностического комплекса, включающего следующие методики:

1. анкетирование
2. Краткая версия теста жизнестойкости (Осин, Е.Н., Рассказова, Е.И.)
3. Методика «Доверие к себе» для подростков и юношей (Астанина Н. Б.).

4. Методика «Индекс устойчивости идентичности» (Соловьева Я. А., Одинцова М. А.)

5. Оценка уровня эмоционального интеллекта и его составляющих (Методика ЭМИИ Д. В. Люпина)

6. Шкала социальные навыки (ШСН)

7. Оценка уровня развития основных социальных и жизненных навыков

По данным анкетирования, практически все исследуемые, что выпускники, что студенты, являются обучающимися, среди выпускников два человека не учатся т.к. они закончили обучение в техникуме и не планируют дальше продолжать обучение (Рис. 1.)

Занятость

Различия мы видим в трудоустройстве из выпускников 8 человек (27%) трудоустроено, из них 6 человек (20%) учатся и работают, в то время как из родительских детей трудоустроено только 2 человека (7%), это говорит о том, что выпускники пробуют самостоятельно обеспечивать себя, в то время как студенты рассчитывают на помощь родителей.

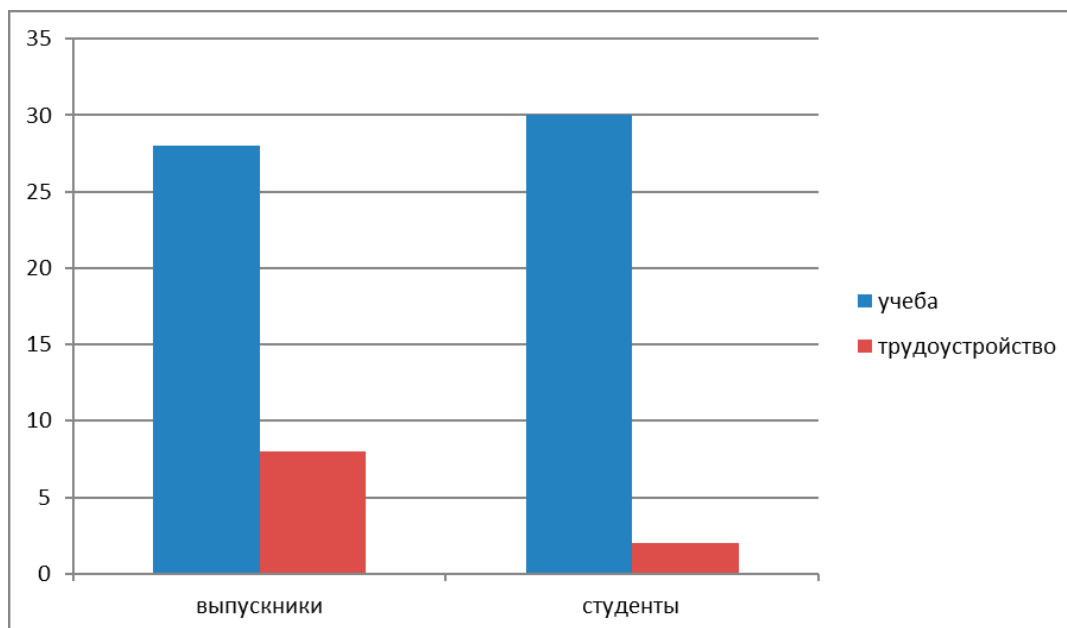

Рис. 1. Занятость

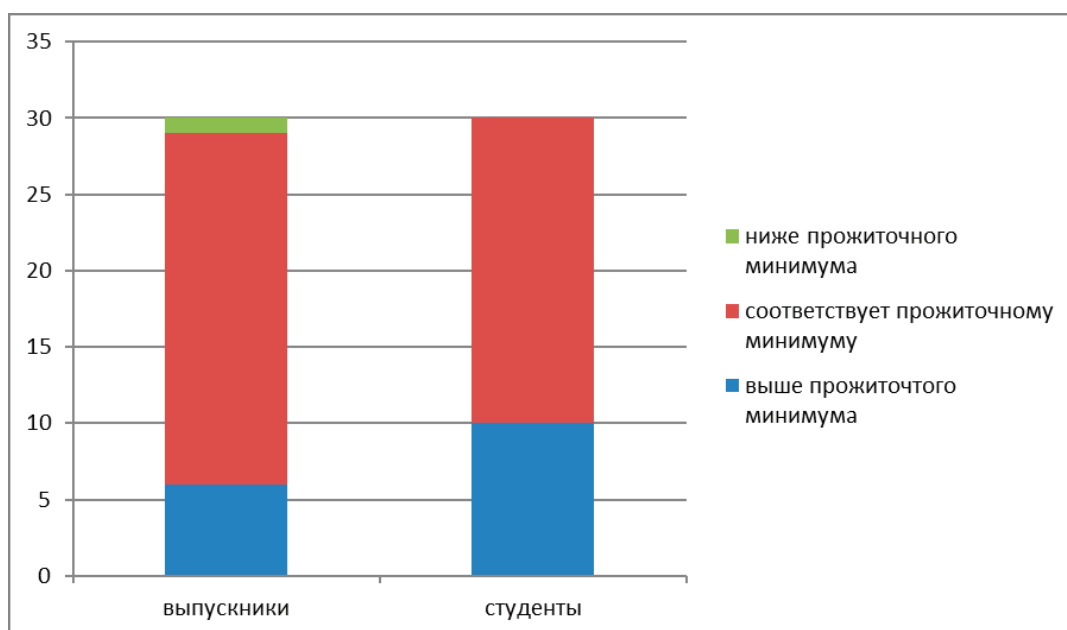

Рис. 2. Уровень дохода

По продолжению образования существенных различий в ответах выпускников и родительских детей нет 21 выпускник и 23 студента планируют продолжить образование.

Если анализировать источники дохода выпускников и студентов, то доход студентов в подавляющем большинстве 27 человек это стипендия и помощь родителей. Если рассмотреть доходы выпускников, то у них в большинстве 18 человек это стипендия и стипендия и заработная плата 6 человек.

Уровень дохода

По результатам оценки своего уровня дохода, можно сказать, что при соответствии уровня дохода прожиточному ми-

нимуму 7 из 20 студентов (35%) считают, что средств недостаточно. При уровне дохода выше прожиточного минимума 3 из 10 студентов (30%) считают, что средств недостаточно.

У выпускников при соответствии уровня дохода прожиточному минимуму 1 из 23 (4%) считает, что средств недостаточно. При уровне дохода выше прожиточного минимума 1 из 6 (16%) считает, что средств недостаточно. Один выпускник считает, что уровень его дохода ниже прожиточного минимума.

По результату можно сказать, что субъективно студенты (33%) при наличии дохода, превышающего прожиточный минимум, либо соответствующих прожиточному минимуму считают, что средств недостаточно.

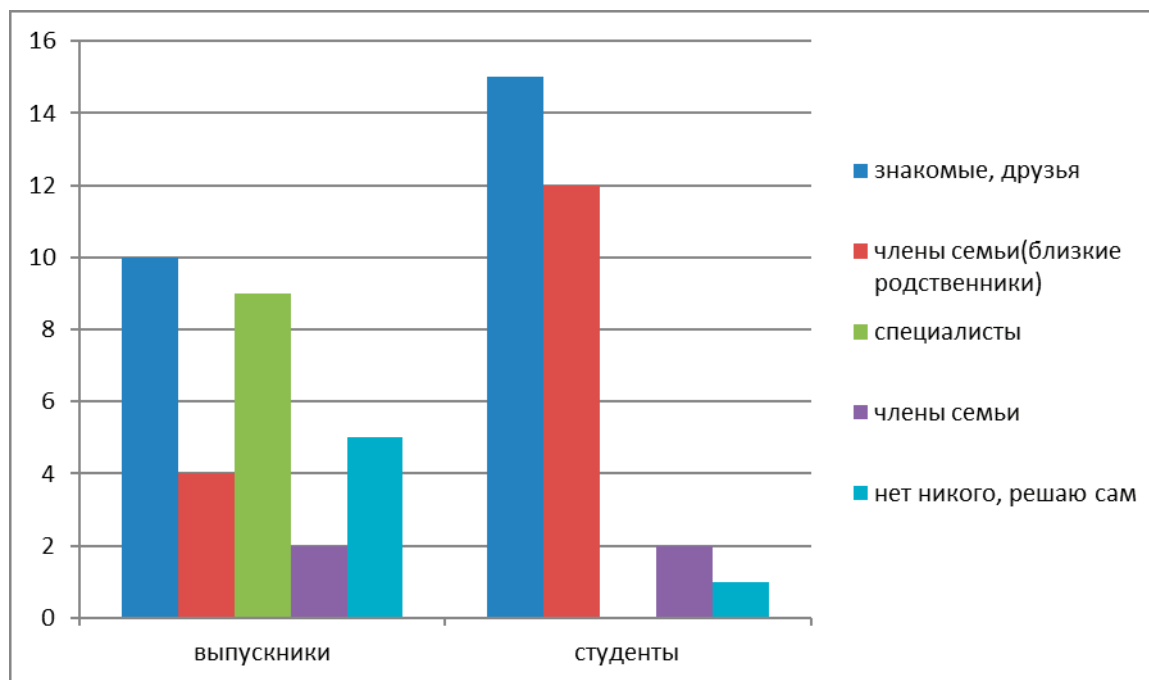

Рис. 3. К кому обратиться за помощью

По результатам ответа на вопрос о семейном положении из выпускников 2 человека состоят в браке и у одной выпускницы есть ребенок, среди студентов, состоящих в браке и имеющих детей нет. Состоят в отношениях 9 (30%) выпускников и 14 (47%) студентов.

К кому обратиться за помощью

В ответах на вопрос: к кому обратиться за помощью? Мы видим кардинально противоположные ответы у выпускников и студентов, если студенты обратятся к знакомым, друзьям либо членам семьи. То выпускники обратятся к знакомым, друзьям либо специалистам. 5 человек (16%) ответили, что у них нет людей, к которым они могут обратиться, они все решают сами.

По занятию волонтерской деятельностью у выпускников и студентов примерно одинаковые ответы, в основном 23 человека (77%) не занимаются волонтерской деятельностью, 4 человека из студентов планируют заняться волонтерской деятельностью.

Готовность к самостоятельной жизни у студентов незначительно выше, чем у выпускников 87% и 77% соответственно. Обращает внимание, у выпускников 2 человека (7%) ответили, что не готовы к самостоятельной жизни у студентов таких ответов нет.

Готовность к самостоятельной жизни

Удовлетворенность жизнью у студентов (90%) значительно выше, чем у выпускников (70%). Это говорит, о том, что студенты увереннее чувствуют себя и быстрее адаптируются к происходящим событиям

По тесту жизнестойкости по всем параметрам: вовлеченность, контроль, принятие риска, жизнестойкость у студентов

среднее значение выше, чем у выпускников. По показателям: контроль, принятие риска, жизнестойкость обнаружены различия на уровне статистической значимости ($p < 0,05$)

Вовлеченность показатели составляют 72,8 выпускники и 79,2 студенты, вовлеченность определяется как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности». Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности. В противоположность этому, отсутствие подобной убежденности порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни.

Контроль показатели составляют 69,6 у выпускников и 80,3 у студентов представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Противоположность этому — ощущение собственной беспомощности. Человек с сильно развитым компонентом контроля ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь.

Принятие риска показатели составляют 65,6 у выпускников и 76,7 у студентов убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, — неважно, позитивного или негативного. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование. «Низкие значения »принятия риска» характерны для людей, боящихся перемен без наличия гарантии на успех, не желающих экспериментировать при малейшей вероятности ухудшить свое исходное положение.

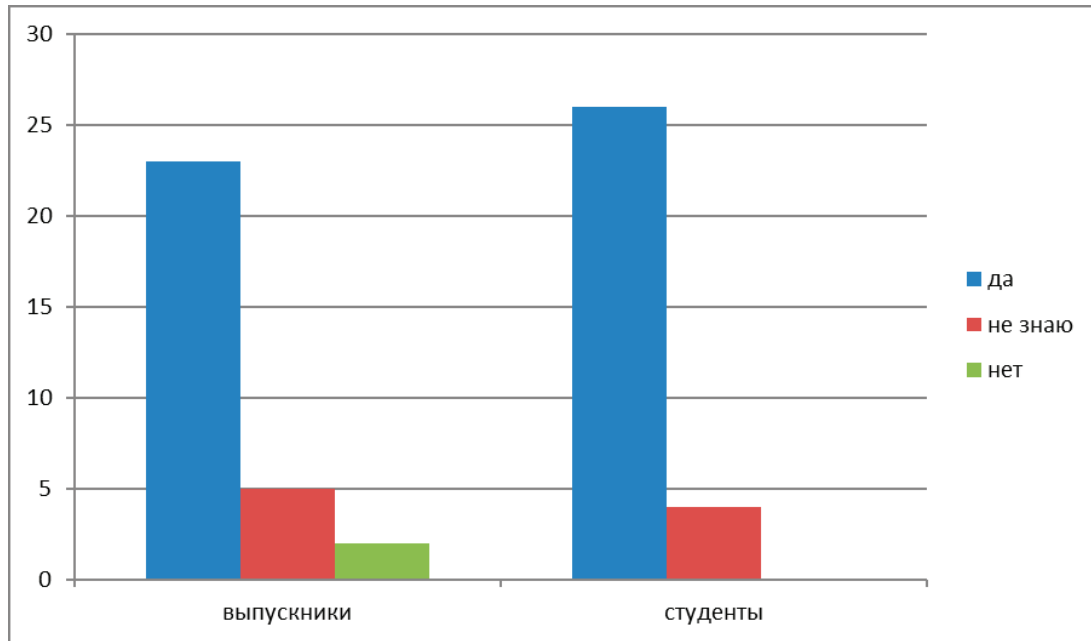

Рис. 4. Готовность к самостоятельной жизни

У студентов показатель «жизнестойкость» составляет 80 у выпускников 70; представляет собой систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром. Выраженность контроля, принятие риска и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых.

Таким образом, жизнестойкость представляет собой личностную характеристику, формирующуюся в детском и подростковом возрасте, хотя теоретически её развитие возможно и в более позднем возрасте.

При исследовании по Методике ЭМИн (Люсин Д. В.) статистически значимых различий не обнаружено, соответственно можно сделать вывод, что совокупность эмоциональных и когнитивных способностей, которые способствуют эффективным межличностным отношениям одинаково сформированы у студентов и выпускников. Они одинаково обладают способностями к пониманию своих эмоций и эмоций других людей, адаптированы в обществе, эффективны, коммуникативны в общении с окружающими.

Шкала социальные навыки. По всем шкалам обнаружены различия на уровне статистической значимости ($p < 0,05$), кроме шкалы «начальные навыки» и шкалы «самовыражение в разговоре» ($p > 0,05$)

При исследовании по шкале социальные навыки обнаружены различия на уровне статистической значимости по шкалам:

- реакция на мнение другого человека в разговоре или на то, что он переживает выпускники — 56,8, студенты — 70,7
- навыки планирования предстоящих действий выпускники — 63,3, студенты — 77,9
- поведение в конфликтной ситуации выпускники — 62,2, студенты — 74,4
- уровень развития социальных навыков в среднем выпускники — 61,5, студенты — 71,4

Методика «доверие к себе». Статистически значимых различий не обнаружено ($p > 0,05$) Соответственно можно говорить о том, что и выпускники, и студенты одинаково относятся к себе, к своим внутренним желаниям, потребностям, взглядам, переживаниям — как к ценности. Такая позиция дает тебе гарантию стать самим собой, самому распоряжаться своей судьбой, никого не винить за свои ошибки.

Уважай свое мнение так же, как уважаешь мнение других людей. Познавай себя. Самопознание укрепляет доверие к себе и повышает уверенность.

Индекс устойчивости идентичности. По критерию Самооценка и Целостность обнаружены различия на уровне статистической значимости ($p < 0,05$). По критерию Уникальность наблюдается тенденция, А по критерию самооффективность статистически значимых различий не обнаружено

По критерию Самооценка выпускники — 16,4, студенты 17,8.

По результату исследования можно говорить о том, что самооценка у студентов выше, чем у выпускников. Обычно именно наш опыт формирует основу для нашей самооценки. Соответственно опыт проживания в семье имеет ключевое значение для формирования данного критерия. Например, те, кого больше хвалят с большей вероятностью будут иметь здоровую, адекватную самооценку.

По критерию Целостность выпускники — 10,0, студенты 12,2. У студентов показатель по данному критерию значительно выше, чем у выпускников. Целостность человека (с точки зрения психологии) — это качество личности, которое определяется его способностью быть верным своим истинным целям и ценностям, находясь в гармонии с самим собой.

Как показало эмпирическое исследование, статистически значимые различия между выпускниками организации для детей-сирот и юношами и девушками воспитываемыми в биологических семьях были выявлены:

- по тесту жизнестойкости по показателям: контроль, принятие риска, жизнестойкость;
- по шкале социальные навыки обнаружены различия по шкалам: — реакция на мнение другого человека в разговоре или на то, что он переживает; — навыки планирования предстоящих действий; — поведение в конфликтной ситуации; — уровень развития социальных навыков в среднем;
- по методике Индекс устойчивости идентичности. По критерию Самооценка и Целостность

Результаты исследования выпускной квалификационной работы позволяют расширить представление о социально — психологической готовности к самостоятельной жизни выпускников организаций для детей-сирот.

С точки зрения практического применения результаты исследования представляют особый интерес и могут быть использованы:

- при разработке программ подготовки предвыпускников к самостоятельной жизни и программ сопровождения выпускников;
- для подготовки педагогов и психологов к работе с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей.
- при определении политики государства в отношении детей и работу всех субъектов профилактики на сохранение кровной семьи для ребенка

В целом подводя итог исследования можно сказать, что никакие государственные учреждения, с новым оборудованием, обученным персоналом, не заменят детям семьи, и как бы мы не старались. По результатам исследования мы видим, что по некоторым параметрам социально — психологической готовности к самостоятельной жизни выпускники учреждений для детей сирот уступают юношам и девушкам воспитывающимся в биологических семьях.

Литература:

1. Адаптация к условиям самостоятельного проживания выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник]. // под ред. Ю.Ю. Ивашкиной, О.В. Костейчука. — СПб.: СПбГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья», 2015. — вып. 4–288 стр.
2. Андреева Н. В., Сухорукова Е.В. Профессиональный взгляд на организацию помощи семьям выпускников детских домов // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. — 2015. — № 4. — С. 111–116.
3. Бобылева И. А. Анализ программ воспитания в организациях для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2. С. 54–68. DOI: 10.17759/ssc.2022030204
4. Борисова Ю.В. Особенности представления о будущем подростков-сирот с задержкой психического развития и умственной отсталостью: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2005. 32 с.
5. Владимирова Н. В., Спаньярд Х. Шаг за шагом: индивидуальное консультирование выпускников детских домов и школ-интернатов. М., 2007.
6. Данакин Н. С., Батанова Е.П. Проблемы профессионально-трудового самоопределения детей-сирот // Содействие профессиональному становлению личности трудоустройству молодых специалистов в современных условиях. — 2017. — С. 137–143. 176 с.
7. Дружинина А. А. Основные направления социально-педагогической работы по формированию самостоятельности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Гуманитарные науки. Проблемы социализации молодежи в современном мире. Вестник ТГУ. 2015. Вып. 8(148). С. 240–249.
8. Диагностический портфель для оценки степени готовности выпускников из замещающих семей к самостоятельной жизни / Под общ. ред. Иониной О.В. Тула: ГУ ТО «Региональный центр «Развитие», 2019. 93 с
9. Ефремова М. Ю. Проблемы социализации выпускников детских домов // Инновационные направления деятельности образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.
10. Кузнецова Т. Ю. Проблемы социальной адаптации выпускников детских домов // Защита прав человека в Российской Федерации. — 2001.
11. Кулагина Г.С. Социальная адаптация выпускников детских домов средствами волонтерской деятельности // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. — 2015. — № 4. — С. 141–146.]
12. Меркуль И. А., Волчанская В.О. Актуальные проблемы социализации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 189–199. DOI: 10.17759/pse.2021260615
13. Меркуль И. А., Волчанская В.О. Оценка готовности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и выпускников замещающих семей к самостоятельной жизни: обзор и анализ региональных практик [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 2. С. 37–46. DOI: 10.17759/ssc.2021020203
14. Портал психологических изданий PsyJournals.ru
15. Науменко Т.Ю. Постинтернатная социальная адаптация выпускников детских домов в условиях дома юношества // Вестник Костанайского государственного педагогического института. — 2013. — № 4 (32). — С. 45–50.
16. Ослон В. Н., Одинцова М. А., Семья Г. В., Колесникова У. В. Психологические ресурсы и личностные дефициты у выпускников организаций для детей-сирот [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2. С. 69–89. DOI: 10.17759/ssc.2022030205

17. Плешивцев В. В. Воспитание самостоятельности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2010. 19 с..
18. Русакова М. М., Одинокова В. А., Захарова Ю. П. Благополучие и соблюдение прав детей-сирот: руководство по проведению опроса детей и отчет о пилотном исследовании. СПб.: РОО СПСБН «Стеллит», 2015. 124 с.
19. Семья Г. В. Основы социально-психологической защищенности выпускников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. М.: БФРГТЗ «СЛОВО», 2001. 142 с.
20. Федосова И. В., Кибальник А. В. Готовность к семейной жизни студентов: оставшихся без попечения родителей: опыт эмпирического исследования // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review — 2020 — № 2 (30) — С. 233–243.
21. Чикалов Н. А. Социально-психологическая диагностика готовности к самостоятельной жизни воспитанников интернатных учреждений: опыт разработки пакета методик // Сопровождение сирот: современные вызовы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (5–6 декабря 2013 г., г. Калуга) / Сост. И. А. Бобылева. М., 2014. С. 173–179.
22. Шинина Т. В., Митина О. В. Разработка и апробация опросника «Готовность подростков к самостоятельной жизни»: оценка и развитие жизненных навыков // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 1. С. 50–68.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Лингвокультурные особенности аудиовизуального перевода с китайского на русский язык на примере фильма «Самый длинный день в Чанъане»

Аймухамбетова Карина Нуржановна, студент магистратуры
Научный руководитель: Глушкова Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Данная статья исследует лингвокультурные аспекты аудиовизуального перевода с китайского на русский язык на примере фильма «Самый длинный день в Чанъане». Проведенный анализ дал нам возможность рассмотреть лингвокультурные особенности аудиовизуального перевода с учетом культурного контекста и специфики языков, выявляя особенности передачи смысла, стиля и культурных элементов. На основе теории функциональной эквивалентности мы пришли к выводу о необходимости учитывать лексическую, синтаксическую и стилистическую эквивалентность при переводе субтитров. Исследование не только предлагает практические рекомендации для переводчиков, но и способствует пониманию и популяризации китайской культуры через аудиовизуальное произведение.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, китайский язык, лингвокультурные особенности, фильм.

Linguocultural features of audiovisual translation from Chinese into Russian using the example of the film «The Longest Day in Chang'an»

This article explores the linguistic and cultural aspects of audiovisual translation from Chinese into Russian using the example of the film «The Longest Day in Chang'an». The analysis gave us the opportunity to consider the linguistic and cultural features of audiovisual translation, taking into account the cultural context and the specifics of languages, identifying the features of the transmission of meaning, style and cultural elements. Based on the theory of functional equivalence, we came to the conclusion that it is necessary to take into account lexical, syntactic and stylistic equivalence when translating subtitles. The study not only offers practical guidelines for translators, but also contributes to the understanding and popularization of Chinese culture through audiovisual work.

Keywords: audiovisual translation, Chinese language, linguistic and cultural features, film.

Введение

Аудиовизуальный перевод представляет собой сложный процесс передачи информации и культурных особенностей из оригинального текста на одном языке в зрительно-слуховую форму другого языка. Аудиовизуальный текст — это один из видов коммуникативного акта. Он включает в себя изображение и аудиосообщение, то есть, аудиовизуальный текст предназначен для одновременного зрительного и слухового восприятия реципиента [4; 5].

В контексте современного мирового обмена информацией и культурой, лингвокультурные особенности аудиовизуального перевода с китайского языка на русский становятся предметом все более широкого интереса и исследований. В данной статье рассматривается важность учета языковых и культурных особенностей при аудиовизуальном переводе с китай-

ского языка на русский, а также основные вызовы и стратегии, с которыми сталкиваются переводчики в этом процессе. Работа с иноязычным кино является не просто аудированием, так как живая речь, по утверждению Ю. М. Лотмана, не представляет собой словесного текста в чистом виде, в нее включаются иконические знаки — мимика, жесты, элементы актерской игры, демонстрируемые в аудиовизуальном тексте посредством видеоряда. [2] Понимание и анализ данных аспектов сочетают в себе не только языковую компетенцию, но и глубокое понимание культурных нюансов обеих стран, что играет ключевую роль в успешном выполнении аудиовизуального перевода. Фильмы и телесериалы из Китая представляют собой не только развлекательный продукт, но и важный источник изучения языковых и культурных особенностей региона. Одной из известных работ китайского кинематографа, которая привлекла внимание аудитории во всем мире, является «Самый длинный день

в Чанъане». В данной статье мы рассмотрим лингвокультурные особенности этой картины, их влияние на восприятие зрителя и способы их адаптации при переводе на другие языки. Анализируя языковые нюансы, обычаи, традиции и ценности данной картины, мы сможем глубже понять китайскую культуру и ее отражение в медийном контенте, а также выявить ключевые аспекты, которые необходимо учитывать при переводе и адаптации подобных произведений для аудитории других стран.

Аудиовизуальный перевод представляет собой процесс передачи информации из одного языка на другой с использованием как звуковых (аудио), так и визуальных (видео) средств. Этот вид перевода отличается от письменного перевода тем, что он включает в себя не только текстовую информацию, но и звуковые и визуальные элементы, такие как речь, звуки, музыку, изображения, видеоряд и т.д. Целью аудиовизуального перевода является передача не только содержания и смысла оригинала, но и передача эмоций, интонаций, атмосферы и стиля оригинала. [1]

Этот тип перевода требует не только знания языков, но и понимания культурных особенностей и нюансов, а также умения работать с звуковыми и визуальными материалами. Важными аспектами аудиовизуального перевода являются точность передачи информации, согласованность с оригиналом, адаптация к целевой аудитории, сохранение стиля и контекста оригинала.

Лингвокультурные особенности — это явления, которые связаны с языком и культурой определенного народа или общества. Они отражают специфические особенности языка, которые обусловлены культурными, историческими и социальными факторами. Лингвокультурные особенности могут проявляться в различных аспектах языка, таких как лексика, грамматика, фонетика, семантика, структура речи и т.д.

Эти особенности могут включать в себя уникальные выражения, пословицы, метафоры, обычаи, традиции, обряды, социокультурные нормы и ценности, которые отражают специфику определенной культуры или сообщества. Лингвокультурные особенности могут также влиять на способы общения, восприятие мира, менталитет и образ мышления носителей языка.

Понимание лингвокультурных особенностей является важным аспектом при переводе и интерпретации текстов, поскольку они могут влиять на выбор подходящих терминов, структуру предложений, контекст и стиль выражения. Успешный перевод или интерпретация текста требует не только знания языка, но и глубокого понимания культурных особенностей, чтобы передать не только буквальное значение, но и культурную коннотацию и оттенки, содержащиеся в оригинале.

Воплощение функциональной эквивалентности в переводе субтитров фильма «Самый длинный день в Чанъане»

Как относительно новая область, перевод субтитров сильно отличается от традиционного литературного перевода. Ему предстоит передать информацию, наиболее точно соответствующую оригиналу, целевой аудитории в определенном культурном контексте, с учетом замысла режиссера и драматурга,

при помощи изображений и стиля выражения, в рамках ограничений по времени и пространству. Самый длинный день в Чанъане изобилует историческими и культурными коннотациями. Когда субтитры переводятся, неизбежно приходится сталкиваться с переводом. Трудности из-за различий между китайским и русским языками. В данной статье представлен анализ лексических и стилистических особенностей перевода лингвокультурных особенностей картины «Самый длинный день в Чанъане».

Лексическая эквивалентность

Широкий лексический запас играет ключевую роль в передаче значений, поскольку при переводе экранизаций, включая художественную литературу, часто возникают некоторые сложности из-за разнообразия культурных аспектов, «Самый длинный день в Чанъане» не исключение, множество реплик имеют богатое культурное значение. Поэтому дословный перевод не может передать коннотативного значения. В этом случае переводчик должен разорвать оковы оригинального текста и передать суть. При переводе учитываются культурные нюансы — подбор эквивалентных выражений, для того, чтобы сократить разрыв между языком оригинала и переводом, с учетом стилистики и логики текста.

Здесь и далее переводы выполнены автором статьи.

Пример 1: 你可姓李?

Вы родственник Императора?

Если исходный текст буквально переводится как «Ли — ваша фамилия», то это всего лишь простой вопрос о фамилии Ли Би, в таком случае, коннотация упущена. Фамилия «Ли» была королевской фамилией в китайских династиях Суй и Тан. Чжан Сяоцин, главный герой, в данном предложении интересуется, объясняется ли огромная власть Ли Би его связью с королевской семьей, его интересует значение заслуг семьи, а не его собственных усилий. Никаких затруднений у китайской аудитории это не вызовет, однако подобные культурные различия смутят иностранную аудиторию, не знающую подробностей китайской истории. Для преодоления языковых препятствий переводчик выбирает замену «Ли» на «Императорский род», что может передать точную суть реплики для иностранной аудитории. Реакция внутренней аудитории соответствует принципу функциональной эквивалентности.

Пример 2: 我所犯之罪乃十恶之九.

Моё преступление было худшим из всех.

В этой строке «十恶之九» (букв. девять из десяти зол) подчеркивает не количество, а непростительное преступление Чжан Сяоцин, из-за которого почти невозможно покинуть камеру смертников. Перевод фразы как «худшая из всех» может прямо и ясно передать оригинал, чтобы аудитория могла быстро отреагировать, что также способствует развитию последующего сюжета. Если у переводчика возникает дилемма между сохранением смысла и культуры оригинала, он может отказаться от прямой формальной эквивалентности и модифицировать форму исходного текста с целью передачи смысла и культурных особенностей оригинала.

Пример 3: 他私放钱袋,超过了长安能容忍的数量.

Его деятельность как нелегального ростовщика превысила допустимые рамки наших законов.

В этом примере «私放钱贷» (букв. частный денежный заем) означает «незаконно одалживать деньги другим». Использование слова «ростовщик», эквивалентного слову в русском языке, может достичь семантической и культурной эквивалентности и дать возможность целевой аудитории быстро реагировать в течение ограниченного времени для прочтения субтитров и добиться правильного понимания исходного текста. Кроме того, чтобы обеспечить плавное письмо и строгую логику, слово «数量(количество)» также было заменено словом «действие» соответственно.

Синтаксическая эквивалентность

Китайский и русский относятся к разным языковым семьям и имеют разные языковые характеристики. Китайский язык — язык, часто полагающийся на скрытую связность и контекст, без строгих грамматик, в то время как в русском языке грамматическая структура предложения играет не последнюю роль. Нида отметил, что «при переводе динамической эквивалентности переводчик сосредотачивается на значении и духе оригинального текста, не придерживаясь языковой структуры исходного текста, то есть не придерживаясь формальностей письма» [3]. Это требует от переводчиков полного понимания лингвистических особенностей китайского и русского языков в процессе перевода.

Пример 4: 熙攘繁盛,光耀万年.

Все процветают, и над ними сияет слава.

Китайцы предпочитают четырех символичные модели и обращают внимание на фонологическую гармонию. При описании и рендеринге больших сцен всегда применяются повторы и преувеличения; в то время как русский язык подчеркивает краткость и правильную грамматику. В этом примере исходный текст представляет собой две параллельные четырех символичные схемы, лаконичные и стройные, достаточно выразительные. Однако чтобы соответствовать читательским привычкам российской аудитории, переводчик использует «процветание», чтобы избежать повторения «熙攘 (шумный)» и «繁盛 (славный)» и опустить преувеличение «万年 (десять тысяч лет)». Кроме того, используя союз «и» для соединения двух простых предложений, мы можем не только сохранить смысл высказывания, но и логичность повествования.

Пример 5: 我姓李,但我的李却不是唐李,乃前朝隋李.

Я ношу фамилию Ли, но это не то же самое, что королевская семья. Это было от дворянина предыдущего династия.

В этом примере был использован перефраз для перевода «唐李 (королевская фамилия династии Тан)» и «前朝隋李 (королевская фамилия Суй, предыдущей династии Тан)», чтобы максимально точно донести значение этого предложения.

Учитывая временные и пространственные ограничения перевода субтитров, не рекомендуется использовать аннотации, чтобы преодолеть культурные различия. Коннотации, увеличивающие время чтения аудитории испортят впечатления от просмотра, а перефразирование может способствовать плавному развитию сюжета для иностранной аудитории.

Пример 6: 长安城一百零八坊,每三百步设一望楼.望楼上武侯皆为朔方节度使所派弩兵.

В Чанъане насчитывается 108 улиц, где каждые 300 шагов можно обнаружить сторожевую вышку. С комендантской вышки сверху комиссары севера следят за порядком.

В этом примере переводчик полностью учитывает особенности перевода субтитров. Первое предложение означает «где каждые 300 шагов можно обнаружить сторожевую вышку». Учитывая ограничения по времени и пространству перевода субтитров, длинные и сложные предложения не подходят, поэтому эта строка была переведена на два отдельных предложения, чтобы передать смысловой смысл, избегая при этом препятствий на пути к пониманию сути русской аудитории.

В данной статье рассматриваются методы перевода субтитров для древней костюмированной драмы с богатым культурным наследием. Автор, руководствуясь теорией функциональной эквивалентности и учитывая особенности перевода субтитров, пришел к выводу, что важно обращать внимание на лексическую, синтаксическую и стилистическую эквивалентность при переводе субтитров с глубоким культурным контекстом. Также необходимо стремиться к передаче синтаксического значения и культурных элементов, учитывая особенности персонажей и стиль драмы. «Самый длинный день в Чанъане» является произведением высокого качества. Для съемок этого проекта был создан целый город, а музыка, декорации, а также начало и конец каждой серии, продуманы до мелочей. Учитывая эти факторы, произведение является отличным примером культурного кода Китая, но для его прочтения необходим качественный аудиовизуальный перевод с учетом лингвокультурных особенностей. В процессе перевода можно использовать культурные эквиваленты, а переводчики должны полностью улавливать и отражать индивидуальности и стиль персонажей. Методы перевода, такие как эквивалентный перевод, пропуск и перефразирование, выигрывают дословный перевод.

Данное исследование не только предлагает рекомендации по переводу субтитров для китайских костюмированных драм, но также способствует популяризации китайской культуры за рубежом. Однако из-за ограниченности материалов примеров недостаточно для охвата всех переводческих проблем, связанных с костюмированной драмой. Поэтому будущие исследования могут расширить анализ на разнообразные проблемы, возникающие при переводе субтитров для данного жанра.

Литература:

1. Горшкова В. Е.: Особенности перевода фильмов с субтитрами. [фильмы с субтитрами] // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. Решетнева. стр. 141–144. (2006)
2. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973
3. Zaixi T (1989). Nida and His Translation Theory. Journal of Foreign Language

4. Benjamins J. The nature of the audiovisual text and its parameters Patrick Zabalbeascoa / John Benjamins // The Didactics of Audiovisual Translation. — Barcelona, 2008. — P. 21–37.
5. Cintas J.D. Introduction: the didactics of audiovisual translation / J.D. Cintas // The Didactics of Audiovisual Translation. — John Benjamins Publishing Company, 2008. — P. 1–18.

Семантическое поле «тревога — страх» во фразеологии английского языка

Бирюков Максим Вячеславович, студент

Научный руководитель: Гизатова Гузель Казбековна, доктор филологических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Статья посвящена изучению понятия семантических полей в рамках фразеологии. Авторами рассматриваются фразеологические единицы, относящиеся к семантическому полю «тревога-страх». Значение, данное тем или иным отобранным единицам в словаре, в дальнейшем анализируется посредством методов корпусной лингвистики и, соответственно, может быть продемонстрировано в употреблении в реальной языковой ситуации, либо же дополнено с учётом постоянного изменения языка.

Ключевые слова: семантическое поле, фразеологические единицы, корпусная лингвистика, тезаурус.

Язык представляет собой сложнейшую, разветвлённую систему, которая, с одной стороны, подвержена тем или иным изменениям с течением времени, с другой же — сравнительно устойчива. Всевозможные элементы языка, несмотря на кажущуюся хаотичность их образования, доступны для структурирования: человек использует язык в самых различных ситуациях, при этом, разумеется, используемый пласт лексики (слова, словосочетания, фразеологизмы) зависит от контекста — помимо общих, «универсальных» слов, существует определённая группа слов или выражений, построенных вокруг одного лексического элемента или понятия. Подобной группой языковых единиц является семантическое поле.

Элементами одного семантического поля могут выступать вышеупомянутые фразеологизмы, представляющие собой устойчивые сочетания лексических единиц, связанных преимущественно метафорическим значением, смысл которых не воспроизводится путём сложения значений отдельных компонентов.

Фразеологизмы наделены определённым значением и, таким образом, используются в контексте, соответствующем данному значению. На указанной основе фразеологизмы можно классифицировать согласно их значениям. В нашей работе мы проводим анализ фразеологизмов английского языка, относящихся к семантическому полю «тревога-страх».

Прежде всего, возникает необходимость поиска наилучшего определения для фразеологической единицы. Дело в том, что на протяжении всего времени изучения данного явления, то есть в процессе развития фразеологии, возникали различные точки зрения: исследователи по-разному трактовали данное понятие, по-разному видели его свойства, а также относили к числу фразеологических единиц различные словосочетания.

Основоположником такой дисциплины, как фразеология, является В. В. Виноградов, который в XX веке определил исследование фразеологических единиц, как самостоятельную науку. Следует также упомянуть Е. Д. Поливанова, который, в отличие от зарубежных исследователей, также определял фразеологию,

как значимое и многостороннее направление, изучающее не предложения, а определённую их часть с уделением внимания каждому её компоненту.

Синонимом к названию данной науки автор называл идиоматику. Б. А. Ларин утверждал, что фразеологии ещё предстоит раскрыться в качестве самостоятельной науки в будущем.

Значительны разногласия лингвистов по вопросу о том, какие конкретные языковые единицы могут быть названы фразеологическими. Выражения, предложенные В. В. Виноградовым, Н. М. Шанский идентифицирует как слова, а не фразеологические единицы, а предложенные В. Л. Архангельским — как предложения. Подобное разномыслие Н. М. Шанский объясняет недостатком точного, исчерпывающего определения фразеологизмов. В пример же исследователь приводит позицию Ш. Балли, который считал лишь прочность вхождения выражений в состав языка определяющим фактором их соотношения с фразеологическими единицами. [13]

Согласно А. В. Кунину, фразеологические единицы представляют собой устойчивые сочетания слов с усложнённым смысловым значением, образованным по иным принципам, нежели переменные словосочетания. [5] Фразеологические единицы выступают в качестве части лексики языка, при коммуникативном взаимодействии они используются в речи наряду с обычными словами и выражениями, и могут заменять семантически равнозначные слова.

Действительно, подобные устойчивые выражения несут определённую концепцию, которая может быть передана одним словом. Тем не менее, фразеологические единицы охарактеризованы большей стилистической окрашенностью и экспрессивностью.

Остановимся на концепции упомянутого основоположника фразеологии, В. В. Виноградова. Мамедова Ф. А. характеризует взгляд данного исследователя на фразеологические единицы, как «фразеосемантический», что подразумевает изучение данных сверхсловных средств языка основанное на исследовании отношений между словами того или иного фразеоло-

гизма. [7] Кроме того, общая лингвистическая теория В. В. Виноградова, то есть, семасиологическая, подобным же образом связана с его теорией о фразеологических единицах. Перефразируя, исследователь анализирует фразеологические единицы на уровне семем, то есть соответствующих нормам лингвистики единиц значения. [3]

В процессе коммуникации инструментом передачи информации носителя служат единицы языка, семантические свойства и, соответственно, функции каждого из которых различны. В зависимости от цели и предмета разговора носитель выбирает в объёмном перечне этих единиц наиболее удовлетворяющую коммуникативной ситуации. Единицы языка, таким образом, так или иначе подразделяются на определённые группы, образуемые по семантическому принципу.

Характеризуя семантическое поле, Л. А. Новиков анализирует значение такого понятия, как поле. Им утверждается, что в лингвистику данный термин перешёл из других наук, в частности из физики (магнитное поле). Поэтому универсальным определением поля в науке является совокупность внутренне связанных единиц [9]. Исследователь утверждает, что, если при изучении лексики языка исходить от конкретного значения к возможным единицам языка, передающим его, вполне целесообразно моделировать лексику в виде семантических полей. Несмотря на то, что Л. А. Новиков в своей интерпретации семантических полей допускал вхождение в них, помимо лексем, всевозможных выражений, фразеологических единиц, как в случае нашей работы, в их классифицировании он рассматривал именно случаи, когда поля состоят из слов. Классификация, данная исследователем, сводится к следующему: при большей частотности вхождения глаголов, поле будет называться процессуальным, в случае, когда большинство элементов представлены существительными, поле считается предметным, при преобладании же прилагательным семантическое поле называется признаковым.

Кроме того, слова, объединённые в одно семантическое поле, подразделяются на такие категории, как центральные компоненты, которые также принято обозначать, как ядерные, и периферийные.

Очевидно, что оттенок семантики всего поля наиболее ярко выражен в ядерных компонентах, к которым им и относится единица, послужившая названием всему семантическому полю. Данные единицы используются носителями с большей регулярностью. Постепенно, переходя от ядра семантического поля, значение единиц приобретает другие смысловые оттенки, теряет лексическую связь с основой, и становится периферией. Разница между центром и периферией, тем не менее, бывает достаточно расплывчатой.

Постепенно периферийные компоненты могут переходить в другое семантическое поле, их в данном случае рационально сравнить с кругами Эйлера, где область пересечения кругов включает в себя общие компоненты, характерные обоим семантическим полям, оставшиеся же их области инкорпорируют элементы, характерные только для значения конкретного семантического поля. Кроме того, центральные элементы одного поля могут находиться в периферии другого. Структура ядерных и периферийных компонентов характерна также для микрополей в системе семантического поля.

Теория семантических полей в лингвистике применяется при написании идеографических словарей, или тезаурусов, в которых классификация элементов осуществляется в соответствии с их значением. Систематизированные единицы демонстрируют содержание в них какого-либо концепта, на основе которого они выделены в одну группу, в одно семантическое поле. Как уже было заявлено выше, составление словарей занимает важную позицию во фразеологии в частности и современной лингвистике в целом.

Необходимость создания идеографических словарей обосновывалась в работах Л. В. Щербы на основе сложности изучения иностранного языка. По выражению исследователя, в родном языке нет необходимости искать единицы, связанные с определённой тематикой, в то время как при овладении иностранным языком изучающему может понадобиться словарь подобного рода. [14] Е. Н. Телия является автором подобного словаря русских фразеологизмов — единицы фиксировались в нём с учётом их большого количества фактором, как то: цель говорящего, категория лица и много другое.

Исходя из сложности установления семантических полей и, следовательно, написании идеографических словарей, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский выделили несколько принципов классификации языковых единиц. [2] Во-первых, признак по которому выделено определённое количество таксонов должен быть прозрачен и идентифицирован уже при рассмотрении самого семантического поля. Во-вторых, отбор компонентов должен быть сбалансирован, перефразируя, таксоны семантического поля не должны находиться на пределе конкретного параметра. В-третьих, исследователями выделяется принцип системности, согласно которому учитываться должен весь спектр семантики таксона.

Разумеется, при исследовании таксонов для их дальнейшего отбора в тезаурус необходимо рассматривать их употребление в контексте, которое может быть совершенно различным в зависимости от коммуникативной ситуации. Данный метод позволяет детальнее изучить глубинное значение и проанализировать всю гамму значения фразеологической единицы.

Семантические параметры фразеологизма намного яснее раскрываются при их употреблении в речи, среди остальных членов предложения.

Функциональные особенности фразеологических единиц, согласно взгляду Ш. Балли, также полноценно проявляют себя, находясь в тексте.

Когда фразеологизм употребляется носителями в речи, сталкиваясь с настоящей коммуникативной ситуацией, совокупность его компонентов наглядно передаёт то или иное значение, характерное для данного фразеологизма. [1]

Мелерович А. М. и Мокиенко В. М. утверждают, что фразеологизмы, употреблённые носителями в контексте, отражают также установленные в конкретной культуре смысловые компоненты, включающие себя символы, ведущие к образам и ассоциациям. В данном случае фразеологизм позволяет глубже проникнуть в культуру того или иного народа, в его ценности и культурные элементы. [8]

Безусловно, в силу всевозможных факторов, включая социальные, культурные и исторические, фразеологические еди-

ницы могут обретать как дополнительные оттенки значения, так и совершенно новую семантику. Исследования фразеологизмов в контексте современных источников позволяет корректировать лингвистические концепции, совершенствовать словари и т.д.

Благодаря совершенствованию методов исследования, в современной лингвистике появилась возможность использования корпусов — специальных программ, позволяющих анализировать множество источников за короткое время. Так, корпус представляет исследователю совокупность фрагментов из различных материалов, включающих художественную литературу, публицистику и научные исследования, в содержании которых присутствует необходимый для анализа фразеологизм. Посредством корпусов исследователем выявляется вариативность значений фразеологической единицы, частота их появления в различных контекстах, а также стилистические особенности их использования. Перечисляя возможности, которыми обеспечивает исследователя корпус, В. П. Захаров и С. Ю. Богданова также отмечают, что один и тот же корпус может быть применён различными исследователями, ставящих перед собой разные цели. Отмечается также, что корпус может быть использован неоднократно.

По мнению российского исследователя В. Н. Плунгяна, использование корпусов стало необходимым с учётом проведения систематизации имеющихся материалов в лингвистике, а также для наиболее эффективного обучения языками. [10] Стоит отметить, что в отечественной лингвистике также большое внимание уделяется созданию корпусов и в целом изучению корпусной лингвистики, хотя подходы в исследованиях, несомненно, отличаются от зарубежных.

Примечательно, что существующие идеографические словари единиц английского языка включают лишь лексемы. Несмотря на то, что фразеологические единицы также служат элементами семантических полей, исследователями не было составлено тезаурусов, в которые входят фразеологические единицы, разделённые по тематическим группам. Наше исследование может послужить материалом для создания подобного словаря в будущем.

Литература:

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. — Москва: Изд-во Иностран. лит., 1961. — 394 с.
2. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва: Знак, 2008. — 646 с.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. — 312 с.
4. Захаров В. П. Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика. Учебник для студентов направления «Лингвистика». 2-е изд., перераб. и дополн., — СПб, СПбГУ, РИО. Филологический факультет, 2013–148 с
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. — 2-е изд., перераб. — М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. — 381 с
6. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии / Б. А. Ларин. // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике: Учен. зап. / ЛГУ. — 1956. — № 198. — 200–224 с.
7. Мамедова Фарах Алихан Фразеологическая концепция В. В. Виноградова: специальность «Языкознание и литературоведение»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Мамедова Фарах Алихан гызы; VII международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований». — Москва, 2014. — 63 с.
8. Мелерович, А. М. Современная русская фразеология (семантика — структура — текст): монография / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. — 456 с.

Из различных источников, включая англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина, нами было отобрано 204 фразеологических единиц, связанных с такими понятиями, как «тревога» и «страх» и, соответственно, относящихся к данному семантическому полю. Разумеется, каждая отобранная единица несёт свой специфический смысл, на основе которого элементы были нами разделены на 5 групп, то есть на 5 микрополей, как то: фразеологические единицы, обозначающие процесс резкого приступа страха или тревоги, как например «Frighten the daylight out of smb.»; фразеологизмы, значение которых сводится к длительному ощущению страха или тревоги, например «sit on thorns»; фразеологизмы, используемые для обозначения действий вопреки страху или тревоге, например «whistle in the dark»; а также фразеологические единицы для номинации лиц, которым свойственно часто испытывать чувство страха или тревоги, например «can't say boo to a goose», либо же, напротив, тех, кому несвойственны данные ощущения, как в случае с фразеологической единицей «nerves of steel».

В ходе дальнейшего исследования нами применялся такой корпус, как «Sketch Engine», благодаря которому появилась возможность рассматривать данные фразеологизмы в контексте употребления и находить особенности их практического использования в дискурсе и возможные добавочные значения. Например, фразеологическая единица «Scream blue murder», обозначающая резкий крик, вызванный страхом, может быть использован и в качестве выражения ярости.

Таким образом, фразеологические единицы представляют собой значимую область языкознания и нередко употребляются носителями в различных ситуациях, требующих зачастую большую эмоциональность и стилистическую окрашенность. Фразеологизмы, как и любые другие языковые единицы, могут быть структурированы в семантические поля для дальнейшего составления идеографического словаря, элементы в которых распределены по их семантике, а не по алфавиту. Семантическая область нашего исследования включает в себя единицы, передающие тревогу и страх. Для наиболее качественного исследования нами применялись методы корпусной лингвистики, позволяющие оптимизировать поиск единиц в рамках их практического применения.

9. Новиков Л. А. Семантика русского языка: Учеб. пособие.— М.: Высш. школа
10. Плуноян, В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плуноян. // Русский язык в научном освещении.— 2008.— № 2.— С. 7–20.
11. Поливанов, Е. Д. «Статьи по общему языкознанию. Избранные работы» / Е. Д. Поливанов.— Москва: Наука, 1968.— 376 с.
12. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов.— 2-е изд.— Москва: «Просвещение», 1975.— 267 с.
13. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. 4-е изд., испр. и доп.— СПб.: Специальная литература, 1996.— 192 с.
14. Щерба Л. В. Восточно-лужицкое наречие: Оттиск из записок историко-филологического фак-та Петроградского ун-та / Л. В. Щерба.— Петроград, 1915.— 384 с

Особенности перевода топонимов Астраханского края с русского языка на китайский

Вилявина Юлия Ивановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Глушкова Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматриваются способы и специфика перевода топонимов с русского языка на китайский. отмечается наиболее популярные способы перевода с примерами топонимов Астраханской области, а также трудности, с которыми переводчик сталкивается при выборе перевода.

Ключевые слова: топоним, калькирование, транскрипция, перестановка, добавление, опущение, культурные особенности, машинный перевод.

Сектор туризма считается одним из важнейших секторов мировой экономики. Люди путешествовали всегда, а с глобализацией оказаться в другом государстве в качестве туриста стало намного проще, чем когда-либо. Туризм позволяет людям открывать для себя некоторые культурные и природные богатства мира, позволяет окунуться в культуру и быт страны с головой. А если информация о неизвестном государстве будет и на родном для туриста языке, ее восприятие в разы улучшается.

Проблема перевода топонимов с русского языка на китайский язык считается крайне актуальной в рамках перевода туристических текстов рекламного дискурса. Согласно определению китайских ученых Ван Шуана и Хасыети Хацзы «туристический текст является особой моделью литературы, сопровождающей экскурсию, это тексты, с помощью которых люди знакомятся с туристическими местами и их культурными коннотациями» [Ван Шуан, Хасыети Хацзы; 2013: 29]. Говоря о культурных коннотациях, мы подразумеваем топонимы, которые изобилуют в туристических текстах; языковые единицы используются при упоминании и описании местности, привлекая внимание туристов, а также в адресах, благодаря которым проще ориентироваться в незнакомой местности и найти определенный объект.

Но такого рода «упрощение» создает трудности при переводе с русского языка на китайский, поскольку, к сожалению, только небольшое количество туристических мест, и других объектов имеет устоявшийся перевод на китайский язык.

Топонимы — это название географических объектов природного или человеческого происхождения. Согласно А. В. Суперанской топонимы можно разделить на 11 видов в зависимости от происхождения объектов:

1) гидронимы — собственные имена водных объектов;

2) оронимы — собственные имена наземных объектов рельефа;

3) спелеонимы — собственные имена подземный образований;

4) хоронимы — собственные имена территорий, областей;

5) агроонимы — собственные имена сельскохозяйственных земельных угодий;

6) инсулонимы — собственные имена островных объектов, в т.ч архипелагов;

7) ойконимы — собственные имена населенных пунктов;

8) урбанонимы — собственные имена внутригородских объектов;

9) дрономимы — собственные имена путей сообщения;

10) гефиронимы — собственные имена мостов;

11) дримонимы — собственные имена лесов. [Суперанская, 1973]

В туристических текстах могут встречаться все вышеперечисленные топонимы, и часть из них может вызывать трудности при переводе.

В рамках нашего исследования особенности перевода топонимов на китайский язык были рассмотрены на примере туристической брошюры, предоставленной Астраханским объединенным историко-архитектурным музеем-заповедником, где присутствовало 44 топонима: 2 гидронима, 1 хороним, 7 ойконимов, 34 урбанонима.

В ходе перевода мы использовали машинный перевод на китайский, поиск уже существующих вариантов перевода. После сбора материалов мы проконсультировались с носителями языка для проверки корректности перевода.

Для определенных видов топонимов при переводе на китайский язык была замечена следующая закономерность: при ис-

пользовании гидронимов (в нашем случае рек) в конце слова иероглиф 河 — река; в урбанонимах иероглифы 街 — улица, 塔 — башня, 园 — парк, сквер, 纪念碑 — памятник, монумент; в ойконимах 村 — село, поселок и другие. Данные иероглифы указывают на принадлежность к одному из перечисленных видов топонимов.

По итогам нашего исследования было обнаружено, что распространенными методами перевода топонимов являются:

1) Калькирование (第三国际公园 — Парк имени Третьего Интернационала, 酷刑塔 — Пыточная башня, 里海舰队 — Каспийская флотилия, 当地历史博物馆 — Краеведческий музей; Астраля罕军事荣耀博物馆 — Астраханский музей Боевой Славы, 红崖村 — Красный Яр);

2) Транскрипция (乌里扬诺夫花园广场 — Сквер Ульяновых, 特雷迪亚科夫斯基街 — Улица Третьяковского, 阿赫图巴河 — река Ахтуба, 萨拉伊·巴图 — Сарай-Бату, 利曼村 — поселок Лиман).

Хочется отметить, что если стоит выбор между калькированием имени собственного или его транслитерации, то, в случае отсутствия подходящего аналога или устаревшему названию объекта, предпочтение отдается второму способу перевода. Например, при переводе улицы Эспланадной был предложен выбор между транслитерацией — 埃斯普拉纳德纳亚街 и калькированием — 滨海艺术中心街. Исходя из истории города, улица была названа так, поскольку была частью исторического района «Белый город» и вела к Кремлю. Эспланада представляла широкое пространство перед крепостью, но в современной Астрахани улицу сократили, вдоль нее были построены сооружения, и название утратило смысл. В таком случае мы можем предложить транслитерацию, поскольку объект не напоминает образ названия. Такой метод помогает избежать неоднозначной трактовки.

Транслитерация упрощает работу переводчику, так как не нужно вносить смысл в значение каждого иероглифа, находить аналог перевода, который передаст суть объекта, но одновременно затрудняет понимание носителем языка, а также заставляет гида более подробно описывать значение того или иного топонима.

Также, ввиду различного порядка слов русского и китайского языков очень редко встречается перевод топонима с помощью только одного метода перевода. В рамках нашей работы было замечено, что чаще всего употребляются следующие комбинации методов:

1) калькирование + перестановка (1919和1921逝世水手纪念碑 — памятник морякам, погибшим в 1919 и 1921 году, 纪念卫国战争中阵亡者的方尖碑和长明火 — Обелиск и Вечный огонь в память о погибших в Великой Отечественной войне);

2) транскрипция + калькирование (Астраля罕克里姆林宫 — Астраханский Кремль, 马克萨科夫斯基礼堂 — Максаковский зал);

3) транскрипция + перестановка (库特姆河 — река Кутум, 奥兰热列伊村 — поселок Оранжеи);

4) калькирование + транскрипция + перестановка («西里尔和梅多迪乌斯兄弟的圣十字架»纪念碑 — памятник «Святой (поклонный) Крест братьев Кирилла и Мефодия», Астраля罕军事荣耀博物馆 — Астраханский музей Боевой Славы).

Помимо перечисленных выше методов перевода встречаются опущение и добавление. Опущение используется, чтобы не нагромождать перевод излишними оборотами, ввиду различий в структуре исходного и переводящего языка. Китайский намного лаконичнее, чем русский, поэтому в таких топонимах, как «Парк имени 10-летия Октября» — 十月十周年纪念馆, редакторы предложили опустить «имени» и осуществить калькирование с перестановкой. Такого рода работа была осуществлена и с другими аналогичными топонимами.

Добавление используется в случаях, где есть фамилия или имя человека, без дополнительного описания которого, сложно воспринимать информацию. Например, выдающегося казахского композитора Курмангазы Сагырбайулы в интернет-пространстве не переводят, а оставляют латиницей. Носители китайского языка отметили, что можно транскрибировать имя композитора и добавить его род деятельности для лучшего понимания: изначальный вариант Kurmangazy博物馆 (Музей Курмангазы) был заменен на 人民作曲家库尔曼加齐博物馆, а в Kurmangazy的陵墓 (Мавзолей Курмангазы) в тексте можно перевести как 库尔曼加齐的陵墓, но при условии, что композитор уже упоминался ранее.

Кроме того, при переводе топонимов с русского языка на китайский мы столкнулись с трудностью, вызванной культурными различиями. Данная трудность возникла также при переводе памятников, парков, которые желательно переводить так, чтобы в переводящем языке название передавало такой же смысл и частично говорило об истории места. Сложность возникла при переводе урбанонима «Братский сад». Машинный перевод предлагает 兄弟花园 (дословный перевод), также была найдена альтернатива в виде транслитерации 布拉斯基花园 (Bùlāsījī huāyuán). Редакторы указали на то, что оба варианта приемлемы, однако, исходя из истории места, мы также рассматривали вариант перевода с частичной передачи значения места. Братский сад был возведен на месте главной городской площади в конце 19 века, где позже, в 1918 году, были захоронены рабочие, погибшие в ходе Гражданской войны, и в 1943 году солдаты 28 армии, оборонявшие Астрахань в 1942 году. Рассмотрев историю сада, редакторами был предложен вариант 先烈园, который дословно переводится как «Сад павших героев». Данный перевод по меньшей мере передает значение места, побуждает узнать более подробную историю возведения сада. В данном случае мы допускаем небольшое искажение, но оно дает понять истинный смысл, заложенный в месте.

Противоречивая ситуация была отмечена при сравнении машинного перевода и его редакции носителями языка при названии урбанонима, в котором присутствует армянское слово. Армянский памятный знак «Хачкар» представляет собой каменную стелу с резным изображением креста. Машинный переводчик предлагает вариант «亚美尼亚纪念标志»Khachkar» (дословный перевод), который затруднил понимание носителей языка, поскольку присутствует нагромождение иноязычных слов.

«Хачкар» в переводе с армянского означает «каменный крест», то есть название передает описание монумента, одновременно указывая принадлежность определенному этносу в регионе. Было предложено два варианта перевода: тран-

скрипция с калькированием — 亚美尼亚纪念标志卡奇卡尔«十字架碑» и калькирование с заменой армянского слова на «каменный» — «亚美尼亚石十字架» 纪念标志. Первый вариант не передает значение армянского слова, а лишь транскрибирует его, в то время как второй описывает монумент, после которого можно перейти к описанию первоначального названия.

Кроме того, на картах китайских сайтов улицы городов (в том числе Астрахани) не переведены в полной мере: в основном перевод осуществлен с помощью транслитерации на латиницу. К сожалению, российские платформы для карт не поддерживают иероглифическое написание, поэтому для ми-

нимизирования возникновения трудностей иностранцев в другом городе возможно написание улиц двумя способами: на английском — Chernyshevsky Street, 3 и на китайском — 车尔尼雪夫斯基街 3 号. Второй вариант привычнее и понятнее китайцам, а первый поможет не запутаться в чужом городе.

Таким образом, при переводе топонимов с русского на китайский язык необходимо учитывать происхождение названия объекта и культурные коннотации, заложенные в нем. При переводе топонимов для туристов основным критерием является прежде всего понятность перевода носителю языка, минимизация возникновения непониманий по отношению к объектам.

Литература:

1. Ван Шуан. Методы перевода туристических текстов: [Текст] / Ван Шуан, Хасыети Хацзы
2. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного: монография [Текст] / А. В. Суперанская. — М.: Наука.
3. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода: учебное пособие [Текст] / В. Ф. Щичко. — 2-е изд. — М.: АСТ: Восток-Запад
4. Якунина, В. Г. Лингвоиндустрия, локализация и перевод [Текст] / В. Г. Якунина, Е. В. Шевченко // Наука без границ. — Калининград, 2017. — No 6 (11).
5. Q 穷游 [Электронный ресурс]. — URL <https://m.qyer.com/place/astrakhan/>

Lingua-cognitive peculiarities of sports terminology under translation aspects

Dochshanova Aiyim Kairatovna, student master's degree;

Assanova Gulnar Sairambekovna, phd, professor

Kazakh University of International Relations and World Languages named after Abylai Khan (Almaty, Kazakhstan)

The translation of sports terminology presents a unique challenge due to its lingua-cognitive peculiarities. This study deals with the complex interrelation of language and cognition in the translation of sports terminology. By examining various linguistic and cognitive factors, such as cultural connotations, figurative language, categorization, lexical lacunae, phraseological units, conceptual metaphors inherent in sports terminology, this research aims to point out on the difficulties faced by translators in rendering sports-related texts accurately and effectively across languages. Drawing upon theoretical frameworks from linguistics, cognitive science, and translation studies, this paper explores how translators navigate the nuances of sports terminology, considering both the linguistic structures and cognitive processes involved. Additionally, this study investigates the impact of translation strategies on the transmission of sports-related concepts, with a focus on maintaining both the semantic integrity and cultural relevance of the translated text. Through an analysis of thematic studies and empirical data, this research contributes to a deeper understanding of the lingua-cognitive dimensions of sports terminology in translation, offering insights that can inform translation practice and theory in the domain of sports discourse.

Keywords: translation, terminology, sports terminology, linguistic units, cognitive research.

Лингвокогнитивные особенности спортивной терминологии в аспекте перевода

Дошанова Айым Кайратовна, студент магистратуры;

Асанова Гулнар Сайрамбековна, PhD, профессор

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (г. Алматы, Казахстан)

Перевод спортивной терминологии представляет собой уникальную проблему из-за ее лингво-когнитивных особенностей. Данное исследование посвящено сложному взаимодействию между языком и когнитивными процессами при переводе спортивной терминологии. Путем изучения различных лингвистических и когнитивных факторов, таких как культурные коннотации, образный язык, категоризация, лексические пробелы, фразеологические единицы, концептуальные метафоры и т.д. что касается спортивной терминологии, то это исследование рассмотрит сложности, с которыми сталкиваются переводчики при точном и эффективном переводе текстов, связанных со спортом, на разные языки. Опираясь на теоретические основы лингвистики, когнитивистики и переводоведения, в этой статье исследуется, как переводчики ориентируются в нюансах спортивной терминологии.

логии, принимая во внимание как лингвистические структуры, так и задействованные когнитивные процессы. Кроме того, в этом исследовании исследуется влияние стратегий перевода на передачу концепций, связанных со спортом, с акцентом на сохранение семантической целостности и культурной значимости переведенного текста. Благодаря анализу тематических исследований и эмпирических данных это исследование способствует более глубокому пониманию лингвокогнитивных аспектов спортивной терминологии в переводе, предлагая информацию, которая может стать основой для практики и теории перевода в области спортивного дискурса.

Ключевые слова: перевод, терминология, спортивная терминология, языковые единицы, когнитивные исследования.

A couple of decades ago, translation was viewed simply as an information exchange among individuals speaking different languages. However, with the evolution of anthropocentric, communicative, and cognitive approaches in linguistics, translation is now seen as a cognitive endeavor. It involves the translator's task of modeling and aligning semantic understandings for speakers from diverse linguistic and cultural backgrounds.

Previous debates concerning the feasibility of translation and the quest to grasp its multifaceted nature have sparked fresh inquiries into translation modeling. This exploration enriches our comprehension of pivotal translation theory concepts like «equivalence» and «adequacy», which are crucial for evaluating translation quality. Simultaneously, translators, through studying, conceptualizing, and modeling the translation process, begin to recognize its cognitive essence. This understanding not only enhances their professional proficiency but also holds methodological significance, aiding in the development of effective training systems for translation specialists.

A. G. Minchenkov presents a cognitive heuristic model that highlights the nonlinear nature of translation. He underscores the intricate mental processes involved for translators in perceiving and comprehending the source text. It's worth mentioning that the activities of perceiving, understanding, comprehending, and crafting the translated text can unfold either sequentially or simultaneously. The researcher astutely observes that the primary challenge in translation lies in harmonizing the meanings derived from engaging with the source text with the semantic nuances of words and phrases in the target language [1].

Conceptualization and categorization are the major cognitive processes. Conceptualization involves understanding information received, mentally constructing ideas and phenomena, thereby forming conceptual representations of the world, which are encapsulated as concepts in human consciousness. For instance, concepts like *house*, *time*, *space*, *eternity*, and *movement* are formed. These concepts are primarily anchored in language through the meanings of specific words, facilitating the retention and transmission of knowledge across individuals and generations.

Categorization, on the other hand, entails organizing the world into distinct categories, discerning groups, classes, or types of similar objects or events. As a cognitive process, categorization involves mentally associating an object or event with a specific category, often identified by the category's name.

Both conceptualization and categorization can be viewed from two primary perspectives: static, as structured systems, and dynamic, as ongoing cognitive processes [2].

The cognitive model theory proposed by G. Fauconnier and G. Lakoff encompasses mental spaces and the cognitive frameworks that organize these spaces, including:

1) Figurative-schematic models, such as receptacle, part-whole, up-down, source-way-aim, and others.

2) Propositional models, which consist of propositions, scripts, bundles of features, taxonomies, and radial categories.

3) Metaphorical, metonymic, and symbolic models [3].

I. N. Remkhe investigates the cognitive translation model as a theoretical structure that allows for illustrating the cognitive operations of translators by identifying connections within dynamic frameworks like classification and situational contexts. He portrays the cognitive translation model as consisting of systems and arrangements that reflect the translator's ideas and understanding [4].

Cognitive Models of Categorization

Metonymical models

The place instead of people

1. Countries have hosted the World Cup: instead of People of one Country hosted the World Cup.

2. Mbappé scores against England (against football players from England).

3. Morocco (Football players from Morocco) attempt to deal with Mbappé.

4. Their defensive record is far superior to France (Football players from France)

5. His winner against England (Football players from England)

6. Managed to keep Spain (Spain players from England) scoreless

The container instead of the contents

Each group plays: instead of teams play (teams including in these groups).

Teams compete: instead of football players compete.

Lexical lacunae

Fixtures — a sporting event arranged to take place on a particular data (белгілі бір күнге жоспарланған спорттық іс-шара)

To be at a standstill — a situation or condition in which there is no movement or activity at all (тоқтау)

Phraseological units

Eyes of the world — conveying a message of hope, viewing human consciousness as having value for the planet as a whole (үміт туралы хабарды жеткізу, адам санасын ең үлкен құндылық ретінде қарастыру)

Stay tuned — to remain as a listener or viewer of the particular radio station or television channel to which one is currently paying attention (бізбен бірге болыңыз, ауыспаңыз, жаңалықтарды күтіңіз).

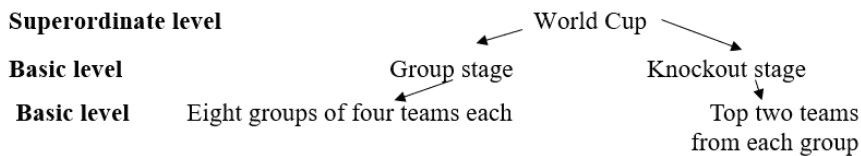
Take place — to happen, to occur (іс-шараның өтуі).

National-specific vocabulary

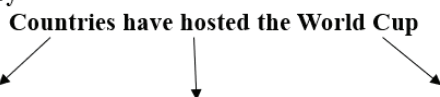
National prototypes of the concept «Lockdown»

– In English language — «**Lockdown**» primarily means blocking. For example, block of social networks or the Internet.

• **The Levels of categorization**

• **Basic Category**

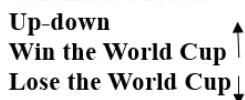
Hosted Twice	Hosted Once	Will be Hosted in 2026
Brazil	Uruguay	Canada
France	South Korea	
	Japan	
Italy	Sweden	The United States
	Chile	
Germany	England	
	South Africa	Mexico
Mexico	Russia	
	Argentina	
	Spain	
	The United States	

• **Radial Category**

Cognitive Models of Categorization

• **Schematic Models**

- In Kazakh language — «*Lockdown*» associated with Pandemic, since the word Lockdown was not widely used before the pandemic situation. Only during the Covid-19 period the word Lockdown begin to be actively used in the meaning of quarantine, isolation. As a result, in Kazakh the primary meaning of this word is quarantine, isolation.

Sensual-receptive component of a mental continuum

Colour designations

Green light — it is associated with the green color of the traffic light, which give permission to go ahead with (a project)

National-specific vocabulary

National mentality

Language facts

Behind closed doors — taking place secretly or without public knowledge.

Semantic field of subjective estimations

Emotional statement of a high degree of feature manifestation, «bare emotionality» — *fascinating*.

Emotional statement of a high degree of feature manifestation, «bare emotionality»

– *huge matches.*

Connotative words

Words with connotations which motivations demand knowledge of national cultural context

Eyes of the world — (Eyes, as a source of attention and hope),
Apple of Someone's Eye — (Eyes, Like a heart or a soul),
Catch Someone's Eye — (Eyes, as a source of interest, attention and curiosity)

Connotative words

Words with obvious motivated connotations

Coverage — 1) *Қамту*, 2) *Ауқымы*, *қолданылу аясы*, 3)

Трансляция, репортаж

In conclusion, the intricate relationship between language and cognition becomes particularly apparent when examining the trans-

lation of sports terminology. Through this exploration, we have delved into the fascinating nuances of how language shapes our understanding of athletic activities and how translation can both convey and sometimes alter these nuances. From the subtle shifts in meaning caused by cultural and linguistic differences to the challenges of preserving the essence and impact of sporting terms across languages, it is evident that the translation of sports terminology requires a deep understanding not only of language itself but also of the cognitive processes that underpin our comprehension of sports. As we continue to engage with sports on a global scale, acknowledging and addressing these lingua-cognitive peculiarities will be essential for effective communication and appreciation of the diverse athletic endeavors that enrich our world.

References:

1. Minchenkov A. G. Cognitive-heuristic model of translation: towards the formulation of the question // Bulletin of St. Petersburg University, Ser.9. 2007. Issue 2 Part II. pp. 208–217.
2. Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive linguistics. Moscow: Vostok-Zapad, 2007a. 314 p.
3. Fauconnier, G. & Turner, M. (1994). Conceptual projection and middle spaces. UCSD: Department of Cognitive Science Technical Report 9401
4. Remkhe I. N. Cognitive features of the translation of scientific and technical text (based on the texts of the metallurgical industry): author's abstract. dis... candidate of Philological Sciences. Chelyabinsk, 2007. Access mode: <http://tmnlib.ru/jirbis/files/upload/abstract/10.02.20/681.pdf> (date of application: 7.04.2019)

Трудности перевода западной поэзии на китайский язык

Мухаметова Софья Ильдаровна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье автор рассматривает развитие китайского стихосложения с древности до настоящего времени, изучает историю и трудности перевода зарубежной поэзии на китайский язык.

Ключевые слова: Китай, китайский язык, восточная ритмика, западная поэзия, китайская культура.

На протяжении нескольких тысяч лет поэзия является одним из самых популярных жанров литературы большинства народов мира. Конфуций говорил: «Стихи могут возбуждать дух, могут раскрывать человека, могут способствовать общению, могут вызвать негодование». В Древнем Китае поэзию создавали в первую очередь для того, чтобы передать опыт молодым от старшего поколения и отразить взгляды интеллигенции. Если вести отсчет от первого сборника стихов «Ши Цзин» («Книга песен», XI–VI вв. до н.э.), то истории китайского стихосложения порядка 3 тысяч лет. Южная поэтическая традиция в Древнем Китае представлена в сборнике «Чу цы» («Чуские строфы»). Вплоть до периода династии Тан (618–907 гг.) — «золотого века китайской поэзии» — поэтические формы постепенно менялись с двухсловной до семисловной. Начиная с династий Тан и Сун, и до начала XX в. почти вся поэзия создавалась стихами новой формы: уставными стихами люйши, четверостишиями цзюэцзюй, и стихами жанра романса цы [1].

Вплоть до начала XX в. традиционная поэзия в Китае создавалась на классическом языке вэньянь. Вэньянь — это

письменный стандарт, который был распространен не только в Китае, но и в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, а его знание было символом образованности. Вэньянь противопоставлялся народному разговорному языку байхуа. Строго регламентированный классический язык, в отличие от народного языка, не был способен эволюционировать с течением времени. «Роль вэньяня в Средние века приблизилась к роли латыни в Западной Европе, то есть во времена Ду Фу (в VIII веке) многие формы и слова вэньяня уже воспринимались как устаревшие» [2].

Конец XIX в. был для Китая трудным временем. В условиях постепенного краха феодального строя и вторжения европейских государств, «поэзия постепенно превращалась в орудие антиколониальной и антифеодальной борьбы» [3]. Поводом к патриотическому движению 4 мая 1919 г., которое ознаменовало разворот китайской культуры на запад, послужили несправедливые решения Парижской конференции относительно территориальной целостности Китая. «Движение 4 мая» было не только важным политическим событием. В народной памяти

о нем осталось представление как о «переломном этапе в истории революции, важной исторической вехе в развитии идеологии, литературы и искусства» [4].

«Движение» предопределило разворот китайской культуры на запад, появление «новой литературы», что включало в себя отказ от вэньяня в пользу байхуа, критику конфуцианства, политические реформы и др. Китайской поэзии «движение новой культуры» подарило новый поэтический язык, который вобрал в себя элементы вэньяня, неологизмы, диалектизмы, заимствования из японского и европейских языков и т.д. Современная поэзия действует совместно как с европейской традицией, так и с классической китайской, не соблюдая установленные правила и образцы. Сейчас поэты не отвергают традицию так же решительно, как их предшественники, многие стремятся создать точки соприкосновения с классикой.

Традиция перевода западной литературы в Китае насчитывает более 100 лет. В истории китайского перевода иностранной поэзии можно выделить два этапа: перевод в старой форме на вэньянь до 4 мая 1919 г. и в новой форме на байхуа. Так, в старой форме были переведены «Марсельеза» (Ван Тао), «Сумерки, сумерки вешние» русского поэта А. А. Блока (Чжан Цаожэнь). Переводчики стихами новой формы делятся на две категории. Первая — это сторонники свободного перевода, которым важно передать количество слогов и строк оригинала и его форму, для этого при переводе они используют свободный ритм с рифмовкой.

Вторая категория — это сторонники ритмического перевода, которые в свою очередь делятся на приверженцев западной и восточной ритмики. Первые считают, что переводить поэзию необходимо максимально в соответствии с ритмическим рисунком оригинального стихотворения. Чтобы передать ритм европейского стиха, некоторые переводчики используют принцип «и дунь дай бу» — «замена стопы паузой». Согласно ему, «пауза после синтагмы в китайском стихотворении должна соответствовать стопе, созданной определенным количеством слогов европейского оригинала» [1]. Например, в переводе одной сонеты Шекспира переводчик Ту Ань пятью паузами в строке заменяет пятистопный размер оригинала. Восточная ритмика в свою очередь предполагает сохранение рифмы из китайской поэтической традиции.

Процесс перевода состоит из трех этапов. Первый — это предпереводческий анализ текста, который позволяет «выявить его типологические признаки, понять, какие трудности он содержит, что в нем релевантно, значимо для последующего

перевода, а чем можно пожертвовать, какую стратегию перевода избрать» [5]. Затем следуют этапы непосредственно перевода и редактирования текста.

Переводчик поэзии во время работы сталкивается со многими трудностями. Например, перевод должен не только сохранить дух времени произведения и его национальное своеобразие, но и быть понятным современному читателю. Другая проблема — это выбор между точностью и красотой перевода. Существует два способа перевода: независимый и подчинённый. Первый призван передать содержание подлинника, а второй — сохранить форму. «Но ведь форма и содержание не существуют изолированно, они составляют поэтику произведения в своей совокупности. Следовательно, ни свободный, ни подчинённый перевод не смогут воссоздать подлинник» [6].

Среди наиболее частых проблем, с которыми сталкивается переводчик стихов с иностранного языка на китайский — диалектная, просторечная и безэквивалентная лексика, выразительные средства, пословицы и поговорки, имена собственные, топонимы, предметы быта и др. Проблемы вызывают семантически одинаковые слова, которые в разных культурах имеют различное значение. Например, отличаются друг от друга русская и китайская «коса». Русская коса — это «ручное сельскохозяйственное орудие для скашивания травы и злаков в виде длинного изогнутого ножа, отточенного с одной стороны и прикреплённого к длинной рукоятке» [7]. Коса в Китае — «с небольшим лезвием и коротким черенком, ею работают, согнувшись» [8]. Чтобы избежать грубых ошибок при переводе западной поэзии на китайский язык, переводчик не должен пренебрегать этапом предпереводческого анализа текста.

Таким образом, история китайского стихосложения насчитывает несколько тысячелетий. Поскольку «движение 4 мая» заставило поэтов отказаться от многовековой традиции использования классического языка вэньяня, в настоящее время не существует единого стиля перевода западной поэзии на китайский язык. Также сложности при переводе вызывает невозможность одновременно передать форму и ритм европейского силлабо-тонического стихотворения в китайском тоновом языке, не исказив при этом его смысл. Другая проблема китайских переводчиков — это диалектная и просторечная лексика, безэквивалентные слова, не имеющие аналогов в китайском языке пословицы и поговорки, культурные образы, а также отражающие национальную специфику выразительные средства.

Литература:

1. Чжэн Т. Как мы в Китае переводим стихи: стихотворный аспект / Чжэн Т. // Вестник СПбГУ. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 4. С. 142–161.
2. Азарова Н. М. Система классического китайского стиха: стихосложение, правила построения текста, жанры, язык / Азарова Н. М., Дрейзис Ю. А. // Ду Фу. Проект Наталии Азаровой; пер. с кит. М.: ОГИ. 2019. С. 269–294.
3. Ван К. История китайской поэзии / Ван К.; пер. с кит. Поверинова Н. О. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. 183 с.
4. Сухачева Г. А. «Движение 4 мая» 1919 г. История и оценки / Сухачева Г. А // Россия и АТР. 1999. № 3. С. 29–34.
5. Гараева М. Р., Гиниятуллина А. Ю. Учебное пособие «Переводческий анализ текста. Translation analysis» / Под ред. доктора филол. наук, профессора Хисамовой В. Н. Казань, 2016. 96 с.

6. Науменко О. В. Особенности и трудности перевода поэзии [Электронный ресурс]: [доклад на I Международной научно-практической Интернет-конференции «Диалог культур — диалог о мире и во имя мира», 24 сент. 25 сент. 2012 г.] / Науменко О. В. Режим доступа: http://www.confcontact.com/2012_10_24/5_naumenko.htm, свободный.
7. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
8. Хайруллина Р. Х. Лингвокультурное пространство русской поэзии и особенности ее перевода на китайский язык / Хайруллина Р. Х., Воробьев В. В., Со Ц. // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 386–389.
9. Дрейзис Ю. А. Современная китайская поэзия [Электронный ресурс] / Ю. А. Дрейзис // Постнаука. — 2017. — 8 дек. — URL: <https://postnauka.org/video/82654>.

Литературное наследие эвенков Китая: роль писателя Ужэртэ в сохранении и развитии культуры

Раздобреева Ксения Геннадьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Воронченко Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье рассмотрена роль китайского писателя эвенкийского происхождения Ужэртэ, чье творчество имеет большое значение в сохранении и развитии традиционных культурных ценностей эвенков.

Ключевые слова: эвенкийская литература, Ужэртэ, этнический автор, литературное наследие эвенков Китая, самоидентификация в литературе, литература национальных меньшинств, воссоздание этнической культуры.

Произведения китайского писателя эвенкийского происхождения Ужэртэ имеют огромное значение для сохранения эвенкийской культуры, передают атмосферу эпохи и являются отражением духа эвенкийского народа. Писатель привносит в литературу Северного Китая новые художественные образы, что становится своеобразным духовным ресурсом для непрерывного развития отдельных жанров и направлений. Кроме того, проявление сострадания, человечности, торжество гуманизма составляют основу художественного мира произведений Ужэртэ [1, с. 46].

Согласно истории эвенков, первоначально они заселяли обширную территорию озера Байкал. Позднее после военных смут и потребности в охоте племя эвенков постепенно двинулось на юг. До правления династии Цин большинство эвенков проживало на территории Хулун-Буирской равнины, они отказались от охоты и стали заниматься скотоводством и сельскохозяйственным производством. Сейчас эвенков именуют солонями и тунгусами. После того, как эвенки переселились с берегов реки Лены на лесную местность южного берега реки Аргунь в северной части Большого Хингана, они не стали передвигаться дальше на юг. Эвенки все так же продолжали охотиться и разводить оленей. Для этого когда-то лесного народа, занятие оленеводством стало конечным звеном, связывающим историю и культуру прошлого. История эвенков передавалась из уст в уста, не фиксировалась письменно. Ужэртэ стал представителем культуры эвенков, чтобы записать эту историю, тем самым не позволяя разорваться цепочке эвенкийской истории и культуры. Писатель также известен работой эвенкийских легенд о происхождении древних миграциях народа. Из соображений сохранения национальной культуры и ответственности за то, что он является писателем первого поколения древнего

этноса, Ужэртэ отказался от самовыражения как индивидуума и постепенно обратился к выражению чувств целого народа. Как сам писатель отмечает, цель его творчества в том, «чтобы отразить судьбу своего народа, его эмоциональные и духовные потребности».

Как было отмечено, у эвенков не было письменности, а, следовательно, эвенкийская национальная культура передавалась из уст в уста, породив богатую устную литературу. Однако с развитием и изменением общества, письменность постепенно вошла в обиход эвенков, а традиционная устная форма передачи постепенно регрессировала. Молодые люди потеряли интерес к древним мифам и легендам, передававшаяся поколениями устная культура исчезала. Проблемы исчезновения традиций и целой культуры беспокоили Ужэртэ, что и отразилось в его произведениях, тем самым возродив устную литературу эвенков. Примерами устной литературы эвенков могут служить «Песнь оленихи» из рассказа «Снег», различный детский фольклор, мифы о божестве огня; песни шамана о переселении эвенков и современная интерпретация мифа о медведе в произведении «Сумрак лесной чащи»; в «Гордом сыне леса» подробно излагается история о девушке-Солнце. Использование Ужэртэ фольклора, с одной стороны зафиксировало этот устный фольклор в письменном виде и продлило жизнь устной литературе, с другой стороны, способствовало распространению эвенкийского народного творчества, что предоставило возможность иметь большое представление о данном этносе.

Успешный опыт Ужэртэ в написании произведений на китайском языке оказывает мотивирующее влияние на писателей эвенкийского происхождения и «приграничных» писателей из других этнических групп. Даурский писатель Ли То в переписке

с Ужэртэ когда-то написал следующее: «Вы принадлежите народу, у которого совершенно отсутствует литературная традиция. Вам пришлось писать на китайском языке, проводить обширное изучение и перенимать опыт ханьской и мировой литературы. Однако я считаю, что написанное количество произведений — это не просто произведения, это есть подлинная эвенкийская литература... Ваше творчество глубоко укоренено в национальной жизни эвенкийского народа. Производство и образ жизни, обычаи и привычки, нравственные представления, религиозное сознание, этнопсихология этого немногочисленного народа — все это получило довольно детальное и точное изображение в Ваших рассказах. Ваше творчество, несомненно, позволило эвенкийской литературе сделать очень важный шаг вперед» [2, с. 127].

Бесспорно, для эвенкийской литературы успех Ужэртэ является новаторским. Писатель не только способствовал «возрождению» этого не имеющего литературной традиции народа, но и на собственном опыте доказал, что национальные меньшинства все еще могут сохранять свою национальную идентичность в литературном творчестве на китайском языке. В последующем это вдохновило многих эвенкийских писателей. Отличающиеся богатыми жанрами произведения вошедших после Ужэртэ в литературный мир таких писателей как Ту Чжиюн, Мэй Дулаэр, Циншэн Тукэдун, Анна Тугэдунь, Ао Жун, Дэ Чуньянь и других, представлены не только короткими рассказами, но и эссе, стихами и даже романами. Темы произведений также разнообразны, некоторые из них содержат переосмысление «революционного романа», некоторые — раскрывают значение культурных корней.

Если проанализировать технику письма, можно заметить, что почерк многих сочинений Ужэртэ местами аккуратен, а местами примитивен. Однако вопрос как раз заключается в том, что литература никогда не сводилась только к «искусству слова», являясь искусством «непрямого говорения» [4, с.219]. Литература есть путь просвещения и понимания, метод самовыражения и разглашения духовности [3, с. 4]. Писатель собственным творением выражает повседневное состояние и эмоциональные потребности малых народов, фиксирует национальную историю.

Как представитель культуры, Ужэртэ с точки зрения самого этноса объяснил его культуру и социальные изменения, став голосом эвенкийского народа. Как типичный писатель, представляющий малочисленный народ, Ужэртэ всегда подчеркивал проблему борьбы национальных меньшинств за право самоидентификации. После завершения писательской карьеры Ужэртэ опубликовал две статьи «Подмена голоса» и «Неотъемлемое право на самоидентификацию», где были ярко освещены его взгляды по данной теме. В статье «Подмена голоса» автор указывает на то, что в период колониальной экспансии колонисты использовали свой языковое и техническое превосход-

ство для того, чтобы присвоить историю, мифы, сказочные сюжеты колониальных жителей в состав собственной культуры. В многонациональном государстве происходит взаимодействие и взаимный обмен опытом между этносами. Этнокультурное заимствование неизбежно, что как раз отражает «подмену голосов», обозначенную Ужэртэ.

В другой статье «Неотъемлемое право на самоидентификацию» Ужэртэ продолжил данную тему. Автор в качестве ключа понимания взял знаменитое в антропологии противостояние Мида-Фримена, указав, что работы Мида, не получившие право и признание самоанцами, на самом деле, «подавляли право самоанцев на самоидентификацию, подменяя их голос и искажая образ, который они должны были показать миру» [5, с. 33]. Фриман, разоблачитель Мида, выступил здесь в роли «защитника». Его действия были высоко оценены и неофициально одобрены самоанцами. Будь то Мид или Фримен, они всегда смотрят на самоанцев с точки зрения «чужого», а сами самоанцы продолжают находиться в состоянии афазии этого культурного конфликта. В связи с этим Ужэртэ был выдвинут следующий вопрос: «Имеет ли зависимый, находящийся в неблагоприятном положении народ право на защиту собственного образа?». На этот вопрос писатель не ответил, но своим многолетним писательским опытом дал утвердительный ответ.

С точки зрения географического положения или политической обстановки эвенки с населением всего 30 тыс. человек являются приграничным народом, который на протяжении длительного времени своей долгой истории находились в состоянии афазии и забвения. Формирование этноса происходило со становлением Нового Китая, переживая такие важные события как Освобождение Китая, Культурная революция (1966–1976) и др. Как представитель эвенкийского народа, Ужэртэ через творчество отстаивал право эвенков на самоидентификацию, сделав их собственным голосом. Под его пером эвенки — это больше не условное название, а совокупность миллионов людей из плоти и крови. С их позиции Ужэртэ подал голос эвенкийского народа, позволив китайскому читателю «понять душу эвенкийского народа, услышать вздохи страданий, радостный смех» [7, с. 1].

Как отмечается во многих исследованиях, посвященных творчеству Ужэртэ, трудно оценить успех или же провал трансформации Ужэртэ как автора. Когда-то он был известен в литературных кругах благодаря своим произведениям, но постепенно оставил писательскую деятельность, погрузившись во всестороннее изучение этнологии, антропологии и философии. Поэтому в данном случае следует говорить о трансформации как переходе от писательства к изучению истории. В национальной истории достижения и творческий опыт Ужэртэ имеют огромное значение для эвенков и служат назидательным примером для других малочисленных народов.

Литература:

1. Воронченко, Т.В. Этнические авторы трансграничья Россия-Китай в контексте мировой культуры: публицистика Ужэртэ / Т.В. Воронченко, К.Г. Раздобреева. — Текст: непосредственный // Русский язык в современном Китае: Материалы X Международной научно-практической конференции, Чита, 21 апреля 2023 года. — 2023. — С. 45–48.

2. Ли, То Ужээрту. Творческая переписка / То Ли.— Текст: непосредственный // Народная литература.— 1984.— № 3.— С. 121–127. (на китайском языке: 李陀:《乌热尔图.创作通信》,1984年,第3期,第121–127页.).
3. Избранные произведения литературы национальных меньшинств в новый период. Эвенки (под редакцией союза китайских писателей) /.— Текст: непосредственный //.— Пекин: Издательство писателей, 2015.— С. 442. (на китайском языке: 中国作家协会编.新时期中国少数民族文学作品选集 鄂温克族卷 [M].北京:作家出版社,2015年,442页.).
4. Тюпа, В.И. Мастерство читателя / В.И. Тюпа.— Текст: непосредственный // СибСкрипт.— 2017.— № 4 (72).— С. 219–224.
5. Ужээрту Неогъемлемое право на самоидентификацию / Ужээрту.— Текст: непосредственный // Душу.— 1997.— № 2.— С. 29–34. (на китайском языке: 乌热尔图.不可剥夺的自我阐释权 [J].读书,1997(2).).
6. Ужээрту Мой писательский путь / Ужээрту.— Текст: непосредственный // Беседы о литературной свободе.— 1987.— № 2.— С. 4–7. (на китайском языке; 乌热尔图:《我的写作道路》,《文学自由谈》,1987年第2期,第4–7页.).
7. Ужээрту Избранные романы Ужээрту / Ужээрту.— Текст: непосредственный // — Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1986.— С. 599. (на китайском языке: 乌热尔图:乌热尔图小说选 [M].呼和浩特:内蒙古人民出版社,1986年,599页.).

Особенности освещения русской культуры в СМИ Болгарии в 1920–2020 гг.

Семерунная Екатерина Андреевна, студент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

СМИ играют важную роль в процессе межкультурной коммуникации и зачастую являются акторами в этом процессе. В межкультурном диалоге России и Болгарии, в продвижении русской культуры средствами массовой информации также принадлежит немалая заслуга. За 100 лет в болгарском медийном дискурсе появлялись и исчезали, оставляя свой след, и русскоязычные издания, и публикации о русской культуре на болгарском языке, и в специализированных изданиях, и в обычных газетах.

Ключевые слова: СМИ, медиа, Болгария, Россия, межкультурная коммуникация.

Современный мир с его открытостью информации, доступностью путешествий и высокой скоростью прямой и обратной коммуникации позволяет без проблем прикоснуться к любой культуре и дать свой отзыв по итогам этого взаимодействия. Но скорость информационного обмена не всегда была такой. И в центре этого преобразования стоит растущая от десятилетия к десятилетию роль и интенсивность участия средств массовой информации в формировании, ориентировании и воздействии на общественное мнение не только на национальном, но и на международном уровне.

Через СМИ общество вообще и в человек в частности в принципе узнаёт о том, что происходит в стране и на планете, получает оценку этим явлениям и процессам, понимает свое место и роль в глобальном мире, благодаря этому строит свои планы на жизнь. СМИ позволяют узнать глубже о природе побратимства, о причинах сложностей в отношениях стран, прояснить точки зрения на ситуацию, узнать мнение лидеров общественного мнения по данным вопросам. Без СМИ все это было бы практически невозможно. Исследователи сходны во мнениях о том, что роль СМИ является не только информационной, но и смыслообразующей. «В настоящее время ни для кого не секрет, что средства массовой информации формируют общественные установки касательно того или иного события» [7, с. 48].

«В современном мире СМИ являются не просто средством получения информации о текущих событиях, происходящих в мире, они также являются важнейшим инструментом форми-

рования общественного мнения, т.к. именно от способа подачи информации зависит восприятие получателя» [6, с. 128].

Позиции СМИ в межкультурной коммуникации по степени их интенсивности могут быть различными: от информационного просвещения до формирования общественного мнения и воздействия на политические процессы.

Нагляднее всего роль СМИ в межкультурной коммуникации можно продемонстрировать через реализацию основных функций журналистики.

1. Идеологическая функция. Здесь роль СМИ в аспекте межкультурной коммуникации заключается в формировании у аудитории «видения происходящих событий представляется массовой аудитории через призму определенных культурных ценностей и ориентиров.

2. Когнитивная функция СМИ означает создание публицистической картины мира у читателя, зрителя, слушателя. Средства массовой информации, рассказывая о культуре другой страны, намеренно или нет способствует формированию множества таких «картинок», из которых складывается затем общий пазл, представления «свой — чужой», «дружественный — враждебный» и т.д. В коммуникативно-когнитивных теориях выделяют и такой аспект СМИ, как управление массовым сознанием, что также актуально и для процессов межкультурной коммуникации, когда в отношении той или иной культуры может формироваться стойкое предубеждение или, наоборот, доверие или «братский» образ.

3. Развлекательная функция СМИ ярче всего реализуется в межкультурной коммуникации. Множество материалов различных жанров повествуют о концертах, выставках, презентациях книг, деятелях культуры и искусства и их творениях.

4. Образовательная функция СМИ в межкультурной коммуникации формирует более глубокое знание о культуре (как правило, дружественной), даёт возможность изучить язык этой культуры, узнать лучше о людях и их вкладе в развитие изучаемой культуры, прикоснуться к историческому наследию культуры и т.д.

5. Рекламная функция СМИ с позиции межкультурной коммуникации близка к развлекательной и представляет собой целый пласт рекламных сообщений о предстоящих событиях. Форматы и разнообразие выразительных средств уже зависят от времени создания рекламы, носителя, технологий и других факторов.

СМИ играют ключевую роль в распространении информации **о событиях и их интерпретации** в различных странах и регионах мира. Они являются основным источником новостей о международной политике, конфликтах, экономике, культуре и других сферах жизни. Информационное воздействие СМИ может оказывать существенное влияние на восприятие различных стран, культур и событий в мировом сообществе.

Кроме того, СМИ имеют способность формировать **образы и стереотипы** о различных странах и народах. Через выбор материалов для публикации, употребление определенных терминов и визуализацию событий они могут создавать определенное представление о других государствах, народах, культурах, их планах. Например, формирование общественного мнения через СМИ может влиять на решение политических и дипломатических вопросов, оказать давление на репертуар театра или кино, потребовать закрыть выставку, вызывающую культурные противоречия и т.д.

Средства массовой информации часто выступают в качестве **платформы для обмена мнениями и диалога** между различными странами и регионами мира. Они могут способствовать улучшению международных отношений путем освещения ключевых проблем и поиска компромиссных решений.

Влияние в целом на **образ государства** — также свойственно СМИ. «Образ страны — это комплекс объективных взаимосвязанных характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, культурных, демографических и т.д.), которые сложились в процессе эволюционного развития российской государственности как сложной многофакторной подсистемы структура мира, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических, общественно-политических, национально-конфессиональных и других процессов в стране. Это основа, определяющая, какую репутацию приобретает страна в сознании мирового сообщества в результате определенных действий ее субъектов, взаимодействующих с внешним миром» [4, с. 46]

Информационное пространство буквально в течение XX века стало ключевым полем формирования образа страны за рубежом, продвижения её ценностей, ориентиров, основных поведенческих нарративов.

Таким образом, мы можем говорить о двойной роли СМИ в межкультурной коммуникации. «Отражение различных проявлений межкультурной коммуникации в СМИ оказывается значимым для понимания ее философской и прагматической сущности. С другой стороны, сами СМИ являются одной из составляющих этой коммуникации и тем инструментом, благодаря которому культура адаптируется в повседневном социальном и жизни людей [1, с. 121].

Средства массовой информации, **выступая так называемыми медиумами**, то есть площадками для межкультурного диалога, отражают содержание и направления межкультурного диалога, вносят существенный вклад в информирование, распространение, интерпретацию культурных явлений, событий, мероприятий.

При этом, являясь **актерами межкультурной коммуникации**, СМИ могут занимать активную позицию, проводить ту или иную редакционную политику в отношении культур, инициировать культурный обмен, взаимопознание и т.д. Диалог культур в средствах массовой информации выступает как важный механизм для углубления взаимопонимания, укрепления культурных связей и преодоления культурных различий.

Становление и развитие информационных технологий в XX веке, вкупе с широким распространением русской культуры за рубежом, привели к тому, что медиа-пространство стало одним из ключевых каналов формирования представлений о культуре и обществе. СМИ отражают те значимые изменения, которые происходят в культурном поле той или иной страны, а также сигнализируют о фактах «проникновения» другой культуры, становятся зрителями и участниками диалога культур. В этом контексте особенно интересным предметом анализа является освещение русской культуры в зарубежных средствах массовой информации. При этом, рассматривая этот вопрос в историческом ракурсе, мы можем выявить как эволюцию образа России и русской культуры в зарубежных СМИ, так и изменения в самой русской культуре, которые стали объектом внимания зарубежных изданий.

Как мы уже отметили, благодаря средствам массовой информации у читателей, зрителей и слушателей из одной страны постепенно формируется образ другой культуры или государства. Это явление было актуально и в начале исследуемого периода — 20-х годах XX века, когда, кроме книг и газет, практически не было «информационных окон» в другую культуру. Не менее важной была деятельность СМИ между двумя мировыми войнами, когда к информированию плотно подключились радиостанции. После Второй мировой войны и до конца XX века эра «традиционных СМИ» достигла расцвета вместе с телевидением и его возможностями для осуществления межкультурной коммуникации. Эпоха Интернет-СМИ и технологий онлайн-вещания сделали межкультурный диалог практически мгновенным.

В газетах, телевидению и в Интернете представляются стереотипы и мифы о государстве, о его понятной или непонятной культуре, менталитете жителей и формируются прогнозы о его намерениях в будущем (друг, нейтральный или потенциальный агрессор). «СМИ навязывают людям определённый имидж страны, не всегда соответствующий истине, как например, образ России в иностранных медиа» [9, с. 182].

В болгарском обществе, однако, существуют как бы два параллельных дискурса: народный и официальный, формируемый с помощью СМИ. В 2017 году так об этом писала С. И. Георгиева из Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского: «Образ России стал моделироваться по-другому. Правящая верхушка и народ по-разному стали относиться к России. СМИ отражают современную российскую действительность далеко не адекватно. Болгарам внушают, что в России нет свободы слова, что русские живут плохо, тяжело, потому что иностранцы к России не тянутся; что во многих трагедиях в мире виновата именно Россия» [3, с. 33]. Однако народ Болгарии относится к России иначе, подчёркивает исследователь. Причиной такому «раздвоению» дискурса может быть следующее явление.

«Анализируя роль медийного дискурса в создании национальной и альтернативной к ней идентичностей, целесообразно рассмотреть два ключевых аспекта формирования идентичностей: с одной стороны, это отношения между национальной идентичностью и постсоветской/восточнославянской наднациональной, а с другой стороны, соотношение советского и несоветского элементов внутри национальной идентичности. В обоих случаях происходит объединение публичных и частных дискурсов, однако медийный играет одну из ведущих ролей» [5, с. 113].

Болгария и Россия — две страны, которые на протяжении тысячелетней истории связаны друг с другом культурно-историческими событиями, в основе которых лежит просветительская деятельность святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, создателей славянского алфавита [11, с. 242].

Выделенные в настоящем исследовании исторические периоды работы СМИ опираются, с одной стороны, на крупные «разломы времени», относящиеся ко всемирным сдвигам и крупным событиям в истории нашей страны и Болгарии, и проходят условно по границам: до 1920 г. (до Революции, Гражданской войны в России, до начала большой волны «белой» эмиграции), 1920–1940 (большая волна «белой эмиграции», до начала Второй мировой и Великой Отечественной войн), 1944–1990 (коммунистический период в жизни Болгарии и послевоенный — для Советского Союза), современный этап после 1990 года, связанный для обеих стран с серьёзными демократическими изменениями. Эти же периоды мы постараемся проследить во всех аспектах исследования: культурном и медийном.

Один из ключевых аспектов межкультурного общения — это средства массовой информации, принадлежащие к этническим и культурным группам, которые функционируют за пределами своей страны происхождения. В контексте русскоязычной диаспоры, эти медиа получили название этнокультурных СМИ. Среди них наиболее заметную часть составляют русскоязычные СМИ, работающие за рубежом.

Болгарский медийный дискурс в этом отношении особенно богат. В течение исследуемых 100 лет появлялось и исчезало множество периодических печатных изданий на русском языке, некоторые возрождались спустя годы и десятилетия. Некоторые выходят до сих пор. «Начиная с первой волны вынужденной эмиграции из России в своем стремлении к сохранению своего

родного языка и культуры, наши соотечественники — нередко признанные и широко известные представители российской культуры — издавали многочисленные газеты и журналы за рубежом. На рубеже 20–30-х годов прошлого столетия за рубежом регулярно выходило более 300 русскоязычных изданий» [10, с. 283]. Не стала исключением и Болгария.

Первым изданием периодической печати для русской эмиграции стала «Русская газета», которая начала выходить в Варне с 3 марта 1920 года. Этот день можно считать днем рождения русской эмигрантской периодики.

О ранних номерах газеты журналист Варя Давыдова пишет: «Целевой аудиторией издания »Русская Газета« можно считать всех русских эмигрантов и иностранцев, знающих русский язык. Некоторые рекламные объявления печатались на болгарском языке. Материалы газеты могли быть полезны и интересны мужчинам и женщинам всех возрастов. Единственное, чего не было в газете, так это кулинарных рецептов и статей для детей» [2].

«Русская Газета» продавалась в русских кафе и ресторанах, распространялась бесплатно в госпиталях, церквях и дипломатических представительствах. В № 151 от 4 сентября есть объявление, что «отдельные номера газеты можно получить в Кооперативе Союза Взаимопомощи Офицеров». Подписные номера доставлялись на квартиры специальными посыльными. № 144 от 26 августа извещает о том, что газету можно получить у «русского чистильщика сапог на площади Муссала рядом с водочным заводом «Заракостра».

«Русская газета» стремилась отразить реальное положение эмигрантов и выпустила 192 номера. Затем последовали столичные издания: «Русская софийская газета», которая начала печататься с 28 марта 1920 года; «Русская правда», первый номер которой появился 12 июля того же года, и «Россия», которая выходила с июля 1920 года по март 1921 года. Эти ранние издания являются примером кратковременности. На их участь повлияло нестабильное положение русских эмигрантов, а также сложности, связанные с общей ситуацией в стране в отношении издания и распространения печатной продукции.

Появление русских периодических изданий было неравномерным. Важное значение имело развитие событий в тогдашней России. Многие издания существовали менее года или выпускали всего один номер. Другие же просуществовали несколько лет и, в лучших случаях, имели значительный тираж и обширное количество номеров. Однако, несмотря на свою неоднородность, СМИ русского зарубежья в течение всего периода своего существования во многом способствуют процессу аккультурации, при котором, с одной стороны, происходит сохранение собственной культурной идентичности, а с другой, — включение в новую культурную среду с ее нормами, ценностями и традициями [10, с. 328].

Интерес представляют издания, которые выделяются не только продолжительностью, но и тиражом. Например, «Вестник общества галлиполийцев» выпустил 100 номеров с тиражом в две тысячи экземпляров каждый. А газета «Русь» за время своего существования выпустила огромное количество — 1704 номера, каждый из которых был распространен тиражом в 900 экземпляров.

София была главным центром русской эмигрантской периодики, где выходило больше всего газет и журналов, включая наиболее значимые издания. В других регионах, таких как Варна, Тырново, Бургас и других, количество изданий было минимальным.

С 1931 по 1937 годы в Софии выходила газета «Молодое слово», орган кружка молодых поэтов и писателей в Болгарии, известных как общественно-политическое издание молодых русских эмигрантов-монархистов. В состав редакционной коллегии входили Мохопов, Ф. Мельников, С. Ратков-Рожков, А. Стоянов.

В 30-е-40-е годы в русской периодической печати произошли изменения. Со временем появляются специализированные издания для молодежи, и это происходит не только из-за того, что среди эмигрантов присутствуют молодые люди, но и из-за естественной смены поколений в русской эмиграции в Болгарии.

Ещё одним важным типом периодики являются литературно-культурные издания, что вполне логично, учитывая значительное число интеллектуалов с огромным потенциалом, прибывающих из России в Болгарию.

Различные патриотические и спортивные организации также создавали свои публикации. Например, газета «Русский сокол в Болгарии» издавалась Сокольским Союзом с 1938 по 1941 годы, а также журнал «Потешный», издававшийся скаутами с 1942 по 1948 годы.

Если в 20-е-30-е годы XX века издания учреждали отдельные русские общества и даже люди (например, литератор Иван Солоневич в 1936–1938 году по своей инициативе выпускал газету «Голос России» для изложения своих взглядов), то с наступлением коммунистической эпохи в Болгарии вся пресса была взята под государственный контроль.

В конце 1944 года кабинет министров Болгарии принял решение приостановить работу всех газет, кроме правительственных, «из-за нехватки бумаги». Курс на «идеологическую перестройку» поставил под жесткий контроль и цензуру интеллигенцию.

Система печати в период тоталитарного режима очень строго организована по двум показателям: теории распространения и тематического направления. На первом месте стоят центральные общеполитические газеты «Рабочее дело», «Отечественный фронт», «Земледельческое знамя», «Труд», «Народная молодежь».

Союз обществ болгаро-советской дружбы с 1946 года проводил печатную пропаганду «дружбы народов», вёл распространение советских газет, журналов, книг, организация подписки на них, фотовыставки, создание кружков по изучению передового советского опыта) носили ярко выраженный политический характер.

С 1945 по 1993 год выходила газета «Литературен фронт» — болгарский еженедельник литературы, литературной критики и искусства, издание Союза болгарских писателей. В 1990-е был переименован в «Литературный форум». С «Литературным фронтом» постоянно поддерживала связи советская «Литературная газета», как и многие другие советские издания. Журналисты и авторы постоянно общались между собой, в одном году походили Дни газеты «Литературен фронт» в СССР, в следующем — Дни «Литературной газеты» в Болгарии.

С 1981 года популярным был журнал «Факел», основанный Союзом болгарских писателей и переводчиков в Болгарии (главный редактор — поэт Георги Борисов). Журнал выходил каждые три месяца и знакомил болгарских читателей с произведениями современной русской литературы. Журнал был основан Союзом болгарских писателей и Союзом переводчиков в Болгарии, и его первый номер вышел из печати 1981 года.

Сегодня, когда газеты, радио и особенно телевидение практически вытеснили собственно чтение художественной литературы, пресса составляет основную сферу, в которой «живет» современный русский язык, и потому язык СМИ имеет для общества глобальную культурную, духовную значимость [8, с. 150].

Внутри этой категории можно выделить три основных типа: СМИ, ориентированные на русскоязычных мигрантов и их потребности; информационные платформы, где осуществляется передача новостей на русском языке для аудитории в различных странах; и национальные российские медиа, которые имеют точки распространения за пределами России и работают на русском языке. Эти подгруппы отражают разнообразие потребностей и интересов русскоязычной диаспоры в мире и играют важную роль в поддержании связей с родиной и культурным наследием.

Если же говорить непосредственно о русской культуре, то независимо от общественно-политического строя, болгарские СМИ уделяют значительное внимание **публикациям двух типов:**

— ретроспективы о деятелях русской культуры, эмигрировавших в Болгарию и обогативших её культурный ландшафт (таких публикаций много и сейчас),

— сообщения о постановках русской классики в болгарских учреждениях культуры (классика воспринимается как классика без привязки к официальному образу страны),

— третий тип, повествующий о культурных обменах, взаимных культурных мероприятиях, сегодня практически отсутствует в СМИ на болгарском языке, но очень ограниченно продолжается в русскоязычных СМИ, хотя в определённые исторические периоды именно такие публикации были самыми массовыми.

Таким образом, зарубежные СМИ формируют образ другого государства и являются проводниками его культуры для культуры-реципиента, но их позиция зачастую отражает государственную политику в отношении той или иной страны. В средствах массовой информации Болгарии чётко прослеживаются исторические эпохи: в период «белой» эмиграции огромно количество русскоязычных газет и публикаций о мероприятиях эмигрантов и их осмыслении своего жизненного пути; советская эпоха с отношением к советской культуре как к «большому брату», новое время с охлаждением к современной русской культуре, но уважением перед вкладом эмигрантов в культуру Болгарии и великих русских деятелей в мировую культуру.

В Болгарии в течение исследуемых 100 лет мощным было русское публицистическое слово, и, несмотря на отсутствие сегодня локальных изданий на русском языке, продолжают выходить многотиражки для соотечественников. Много информации о русской культуре публикуется в русскоязычных интернет-СМИ.

Сообщения в болгарских СМИ на болгарском языке воспринимались органично, начиная с периода после Освобождения: это были переводы публикаций, собственные материалы. Развитие собственной болгарской культуры, которому уделяется в стране большое внимание, не входило в противоречие с обогащением русской культурой.

Во второй половине XX века культурный обмен в СМИ был настолько значительным, что издания о русской культуре в Болгарии выходили на обоих языках, будучи учрежденными как в СССР, так и в Болгарии, и всё это не способствовало лучшему восприятию советской культуры, плоды которого в болгарском обществе живы до сих пор.

Литература:

1. Благов, Ю. В. СМИ и межкультурная коммуникация / Ю. И. Благов // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2021. — № 1 (34). — С. 119–125.
2. Варя Давыдова. Блог о Болгарии / «Русская газета в Болгарии». Комната № 35 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://varyadavydova.com/russkaya-gazeta-v-bolgarii-1920-god-komnata-35/>
3. Георгиева, С. И. Образ России в зеркале болгарской действительности: Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса. Материалы международной научной конференции / С. И. Георгиева. Магнитогорск. — 2017. — С. 28–36.
4. Гусева, Ю. А. Формирование образа России в зарубежных СМИ: современная наука: эксперимент и научная дискуссия. Сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции / Ю. А. Гусева. — Анапа. — 2022. — С. 45–49.
5. Дегтярева, О. В. Репрезентация образа России в зарубежном национальном медийном дискурсе // Управленческое консультирование. — 2020. — № 12 (144). — С. 112–119.
6. Конькова А. А. Политический образ России в зарубежных СМИ в условиях информационной войны: культура и природа политической власти: теория и практика. Сборник научных трудов / А. А. Конькова, Е. Е. Степанидина. — Екатеринбург. — 2022. — С. 127–133.
7. Пыриков, А. В. Особенности конструирования образа России в немецкоязычных СМИ / А. В. Пыриков, А. А. Шмаков // Межкультурная коммуникация и СМИ. — 2022. — № 23. — С. 48–51.
8. Савинова, О. Н. Русская культура как важный фактор укрепления международного сотрудничества: обучение русскому языку и на русском языке: проблемы и перспективы. Сборник статей международной научно-методической конференции, проводимой в рамках педагогического форума «Преподавание русского и преподавание на русском: новые измерения в открытом образовании» / Нижний Новгород. — 2020. — С. 147–155.
9. Усольцева, А. В. Образ России в зарубежных СМИ: современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум. Материалы XIX Всероссийской студенческой научно-практической конференции. / А. В. Усольцева. — Челябинск. — 2021. — Том Часть 1. — С. 182–183.
10. Ханова, А. Г. Русскоязычные зарубежные СМИ в пространстве межкультурной коммуникации: сборник материалов I Международной научно-практической конференции «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте» / А. Г. Ханова. Москва — 2018. — С. 283–284.
11. Шунков, А. В. Россия — Болгария: диалог культур и литератур // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 20. — С. 242.

Способы перевода концептуальных метафор в эпоху цифровизации (на примере произведения «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда)

Сивакова Олеся Борисовна, студент магистратуры
Московская международная академия (г. Москва)

В статье рассматриваются способы перевода метафор П. Ньюмарка, приводится специфика перевода метафорических предложений человеком и нейронной сетью. Определяются типы концептуальных метафор (согласно когнитивной (концептуальной) теории авторов Дж. Лакоффа и М. Джонсона) в предложениях из романа «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда.

Ключевые слова: цифровизация, нейронная сеть, метафора, концептуальные метафоры, язык перевода, онтологические метафоры, ориентационные метафоры, структурные метафоры.

В эпоху цифровизации мы все чаще обращаемся к нейронным сетям. Несомненно, что внедрение искусственного интеллекта в нашу жизнь облегчает многие процессы особенно в работе переводчика. Вот только здесь не стоит забывать, что вопрос пере-

вода метафоры в художественной литературе является одним из наиболее сложных и важных, так как метафора — это воплощение ярких и оригинальных образов, выполняющих в тексте важнейшую задачу.

В данной статье на примере метафор, созданных Френсисом Скоттом Фицджеральдом в романе «Великий Гэтсби», автор статьи показал специфику перевода метафорических предложений, когда переводил человек (автор статьи и профессиональный переводчик) и специфику перевода, когда переводила нейронная сеть (в данном случае Chat GPT, Hix.ai).

При переводе предложений с метафорами из «Великого Гэтсби», автор статьи придерживался теории перевода метафор, предложенную Питером Ньюмарком. П. Ньюмарк выделяет семь способов перевода метафор:

1) Сохранение исходного образа в тексте перевода с учетом принципа сохранения частотности в соответствующем языковом регистре. Данный принцип частотных соответствий заключается в том, что при переводе выбирается не первое словарное или контекстуальное значение, а то значение, которое будет с такой же частотностью соответствовать данной ЛЕ в данном типе текста на языке перевода (equivalent frequency of usage) [3, с. 69].

2) Замена исходного образа на общеупотребительный образ в языке перевода, если метафора употребляется в культуре языка-цели или не конфликтует с его культурой. Можно сказать, что это перевод метафор посредством замены метафоры другой эквивалентной метафорой в языке перевода.

3) Перевод метафоры с помощью сравнения с сохранением исходного образа. Однако это модифицирует метафору, поскольку сравнение более сдержанно и эксплицитно.

4) Перевод метафоры как сравнения вместе с ее смыслом. Если существует риск, что для широкого круга читателей метафора окажется незнакомой, имеет смысл сочетать коммуникативную и семантическую стратегии перевода. При таком подходе передаваемый стилистический прием будет с большей вероятностью понят читателем.

5) Метафора может быть преобразована в смысл. Данный способ перевода П. Ньюмарк считает одним из самых оптимальных (в зависимости от типа текста) и отдает ему предпочтение по сравнению с приемами замены исходного образа на аналогичный образ в языке перевода.

6) Довольно радикальным подходом является удаление метафоры вместе со смысловой составляющей, если она избыточна. Переводчик должен принять решение после осознания того, что является более важным и менее важным в тексте.

7) Иногда переводчик хочет убедиться, что смысл будет понят правильно, поэтому он добавляет пояснение. Данный способ перевода используется чаще всего в литературных произведениях для достижения экспрессивности [3, с. 91].

Все метафоры в данной статье разделены на три категории, согласно когнитивной (концептуальной) теории авторов Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Данные авторы выделяют три типа концептуальных метафор: структурные, ориентационные и онтологические [1, с. 25, 35, 49].

Рассматривать конкретные способы перевода метафор на примерах из произведения «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда, автор данной статьи начнет с **онтологического типа** концептуальных метафор.

	Предложение с метафорой из произведения «Великий Гэтсби»	Chat GPT	Hix.ai	Перевод автора статьи	Перевод Евгении Калашниковой (издательство «Художественная литература» 1965 г.)
1.	«A tray of cocktails floated at us through the twilight» [2, с. 38]	«Лоток с коктейлями плыл к нам сквозь сумерки»	«Лоток с коктейлями плыл к нам сквозь сумерки»	«Сквозь сумерки к нам плыл поднос с коктейлями»	«Из сумрака выплыл на встречу поднос с коктейлями»

	Предложение с метафорой из произведения «Великий Гэтсби»	Chat GPT	Hix.ai	Перевод автора статьи	Перевод Евгении Калашниковой (издательство «Художественная литература» 1965 г.)
Здесь автор статьи использовал способ сохранения исходного образа в тексте перевода с учетом принципа сохранения частотности в соответствующем языковом регистре					
2.	«She smiled slowly and, walking through her husband as if he were a ghost, shook hands with Tom, looking him flush in the eye» [2, с. 25]	«Она медленно улыбнулась и, проходя сквозь своего мужа, словно он был призраком, пожала руку Тому, прямо глядя ему в глаза»	«Она медленно улыбнулась и, пройдя сквозь своего мужа, словно он был призраком, пожала руку Тому, глядя ему прямо в глаза»	«Она медленно улыбнулась и, пройдя мимо мужа, словно он был призраком, поздоровалась с Томом за руку, заглядывая ему в глаза»	«Она неспешно улыбнулась и, пройдя мимо мужа, точно это был не человек, а тень, подошла к Тому и поздоровалась с ним за руку, глядя ему в глаза»
Автор романа Ф. С. Фицджеральд использует сравнение Джорджа (мужа) с призраком «as if he were a ghost», чтобы показать его неприметное положение в обществе. Даже собственная жена его не замечает, а вот Тому она страстно заглядывает прямо в глаза. Здесь автор статьи использовал способ замены исходного образа на общеупотребительный образ в языке перевода					
3.	«She was incurably dishonest» [2, с. 49]	«Она была неизлечимо недобросовестной»	«Она была неизлечимо лживой»	«Она была крайне (досл. неизлечимо) лживой»	«Она была неисправимо бесчестна»
Данным примером метафоры описывается героиня Джордан. Автор романа использует слово «incurably», которое близко к медицине, чтобы обратить внимание на нечестность Джордан. Эту ложь нельзя излечить, так как она глубоко внутри самого человека. Здесь автор статьи использовал способ сохранения исходного образа в тексте перевода с учетом принципа сохранения частотности в соответствующем языковом регистре					
4.	«They are not perfect ovals — like the egg in the Columbus story, they are both crushed flat at the contact end — but their physical resemblance must be a source of perpetual wonder to the gulls that fly overhead» [2, с. 10]	«Они не идеально овальные — как яйцо в истории о Колумбе, они оба сдавлены плоскими на конце контакта — но их физическое сходство должно быть источником вечного удивления для чаек, которые летают над ними»	«Они не идеальные овалы — как яйцо в истории о Колумбе, оба они сжаты и сплюснуты на конце соприкосновения — но их физическое сходство должно быть источником вечного удивления для чаек, летающих над ними»	«Они не представляют собой форму идеального овала — подобно яйцу в истории про Колумба, они оба сплюснуты у основания, но при этом они настолько похожи друг на друга по очертаниям, что, чайки, пролетающие над ними, пребывают в постоянном удивлении от этого сходства»	«Каждый из них представляет собой почти правильный овал — только, подобно Колумбову яйцу, сплюснутый у основания; при этом они настолько повторяют друг друга очертаниями и размерами, что, вероятно, чайки, летая над ними, не перестают удивляться этому необыкновенному сходству»
В примере автор романа Ф. С. Фицджеральд сравнивает два мыса (Уэст-Эгг и Ист-Эгг). Выражение «egg of Columbus» — «Колумбово яйцо» в данном случае используется для описания их формы. У данное выражение есть значение: «неожиданно простой, но в то же время необычный выход из затруднительного положения». В основе этого выражения лежит история, что однажды Христофору Колумбу сказали, что открытие Америки — небольшое достижение. На это он предложил поставить яйцо на стол в вертикальном положении. Никому не удалось это сделать, и тогда Христофор ударил яйцо о стол так, что смял скорлупу с одного конца, и яйцо можно было поставить. Здесь автор статьи использовал способ преобразования метафоры в смысл					
5.	«I see it as a night scene by El Greco a hundred houses, at once conventional and grotesque, crouching under a sullen, overhanging sky and a lusterless moon» [2, с. 137]	«Я вижу это как ночную сцену Эль Греко: сотни домов, одновременно конвенциональные и гротескные, прижатые под угрюмым, нависающим небом и матовой луной»	«Я вижу это как ночную сцену Эль Греко: сто домов, сразу же конвенциональных и гротескных, притаившихся под угрюмым нависшим небом и безжизненной луной»	«Я воспринимаю это как ночной пейзаж Эль Греко: сотни домов одновременно обычных и нелепых, сгорбленные под угрюмым, нависшим низко небом и тусклой луной».	«Это скорее не сон, а фантастическое видение, напоминающее ночные пейзажи Эль Греко: сотни домов банальной и в то же время причудливой архитектуры, сгорбившихся под хмурым, низко нависшим небом, в котором плывет тусклая луна»
Небо образно не просто «нависает», как в оригинале текста, а «нависает низко». Здесь автор статьи использовал способ перевода метафоры как сравнения вместе с ее смыслом					

Следующий тип концептуальных метафор, который был рассмотрен на примерах из произведения «Великий Гэтсби», это **ориентационные метафоры**.

	Предложение с метафорой из произведения «Великий Гэтсби»	Chat GPT	Nix.ai	Перевод автора статьи	Перевод Евгении Калашниковой (издательство «Художественная литература» 1965 г.)
1.	«Slowly the white wings of the boat moved against the blue cool limit of the sky» [2, с. 93]	«Медленно белые крылья лодки двигались по голубой прохладной границе неба»	«Медленно белые крылья лодки двигались по голубой прохладной границе неба»	«Белое крыло парусника медленно двигалось к небесной границе светло-синего оттенка»	«Белое крыло парусника медленно двигалось к небу, отчеркнутому синей прохладной чертой»
Здесь автор статьи использовал способ добавления пояснения (изменив множественное число на единственное) при переводе метафоры					
2.	«... and wandered around rather ill at ease among swirls and eddies of people I didn't know» [2, с. 37]	«...и бродил вокруг, чувствуя себя довольно неуютно среди вихрей и водоворотов людей, которых я не знал»	«...и бродил среди вихрей и водоворотов людей, которых я не знал, чувствуя себя довольно неловко»	«...и бродил, испытывая неловкость, среди вихрей и водоворотов незнакомых мне людей».	«...я вступил на территорию Гэтсби и сразу же почувствовал себя довольно неуютно среди множества незнакомых людей»
Устойчивое выражение «ill at ease» используется, чтобы показать отличие Ника от всех присутствующих гостей. Его жизнь отличается от всей этой суматохи и ярких празднеств, он совершенно другой человек по своей природе, и все происходящее в доме Гэтсби кажется ему чуждым. Здесь автор статьи использовал способ преобразования метафоры в смысл					
3.	«Gatsby, pale as death, with his hands plunged like weights in his coat pockets, was standing in a puddle of water glaring tragically into my eyes» [2, с. 69]	«Гэтсби, бледный как смерть, с руками, погруженными в карманы пальто, стоял в луже воды, трагично уставившись мне в глаза»	«Гэтсби, бледный, как смерть, с руками, погруженными как грузы, в карманах пальто, стоял в луже воды и трагически пялился в мои глаза»	«Гэтсби, бледный как смерть, с отяжелевшими руками в карманах, стоял в луже, и трагическим выражением глаз смотрел мне в глаза»	«Гэтсби, бледный как смерть, руки точно свинцовые гири в карманах пиджака, стоял в луже у порога и смотрел на меня трагическими глазами»
Этот пример дает описание образа Гэтсби, который испытывает страх, прежде чем зайти в комнату к Дэйзи. Сравнение его рук с гирями «hands plunged like weights» и наречие «tragically», показывает иронию автора Ф. С. Фицджеральда и тем самым пытается передать читателю напряженное эмоциональное состояние самого Гэтсби. Здесь автор статьи использовал способ сохранения исходного образа в тексте перевода с учетом принципа сохранения частотности в соответствующем языковом регистре					

Предложение с метафорой из произведения «Великий Гэтсби»	Chat GPT	Нix.ai	Перевод автора статьи	Перевод Евгении Калашниковой (издательство «Художественная литература» 1965 г.)
«The one on my right was a colossal affair by any standard—it was a factual imitation of some Hotel de Ville in Normandy, with a tower on one side...and a marble swimming pool...» [2, с. 11]	«Тот, что был справа от меня, был колоссальным сооружением по любым меркам — это было фактическое подражание какому-то отелю де Виль в Нормандии, с башней с одной стороны... и мраморным бассейном...»	«Тот, кто был справа от меня, был колоссальным сооружением по любым меркам — это была фактическая имитация какого-то отеля де Виль в Нормандии, с башней с одной стороны... мраморным бассейном...»	«Тот, что располагался от меня справа, был огромным по любым меркам — это было точное подобие какого-то отеля де Виль в Нормандии, с башней на одной стороне и мраморным бассейном...»	«Особенно великолепна была вилла справа — точная копия какого-нибудь Hotel de Ville в Нормандии, с угловой башней... с мраморным бассейном...»
В примере автор романа Ф. С. Фицджеральд описывает дом главного героя, но вслед за описанием можно увидеть и его отношение к герою. Сквозь все это описание очень явно прослеживается авторская ирония, он неодобрительно относится к роскоши Гэтсби, и как бы его высмеивает. Здесь автор статьи использовал способ перевода метафоры с помощью сравнения с сохранением исходного образа				
«Daisy watched him and laughed, her sweet, exciting laugh; a tiny gust of powder rose from her bosom into the air» [2, с. 91]	«Дэйзи смотрела на него и смеялась своим сладким, возбуждающим смехом; маленький порошок поднялся из ее декольте в воздух»	«Дейзи смотрела на него и смеялась, ее сладкий, волнующий смех; маленький порыв пудры поднялся из ее декольте в воздух»	«Дейзи посмотрела на него и засмеялась своим сладким, волнующим смехом; еле заметный порыв пудры поднялся с ее груди в воздух»	«Дэйзи посмотрела на него и засмеялась своим мелодичным, волнующим смехом; крохотное облачко пудры взлетело с ее груди»
Здесь автор статьи использовал способ сохранения исходного образа в тексте перевода с учетом принципа сохранения частотности в соответствующем языковом регистре				

И в заключение приводятся примеры, относящиеся к **структурному типу** концептуальных метафор.

Предложение с метафорой из произведения «Великий Гэтсби»	Chat GPT	Нix.ai	Перевод автора статьи	Перевод Евгении Калашниковой (издательство «Художественная литература» 1965 г.)
«He had come a long way to this blue lawn, and his dream must have seemed so close that he could hardly fail to grasp it» [2, с. 140]	«Он прошел долгий путь к этому голубому лужаю, и его мечта должна была показаться так близкой, что ему было трудно не схватить ее»	«Он прошел долгий путь к этому голубому газону, и его мечта должна была казаться настолько близкой, что он едва мог не постичь ее»	«Он проделал долгий путь к этому роскошному газону, и его мечта казалась, должно быть, такой близкой, что он мог упустить ее»	«Долог был путь, приведший его к этим бархатистым газонам, и ему, наверно, казалось, что теперь, когда его мечта так близко, стоит протянуть руку — и он поймает ее»

	Предложение с метафорой из произведения «Великий Гэтсби»	Chat GPT	Nix.ai	Перевод автора статьи	Перевод Евгении Калашниковой (издательство «Художественная литература» 1965 г.)
<p>Слово «blue» в данном контексте передает значение символа роскоши (как в примере «голубая кровь»). Однако голубой газон также служит метафорой для описания порочного характера американского общества, и показывает одержимость персонажей романа богатством и социальным статусом, которая, по итогу, привела к упадку моральных ценностей в обществе.</p> <p>Здесь автор статьи использовал способ перевода метафоры как сравнения вместе с ее смыслом</p>					
	«When he realized what I was talking about, that there were twinkle-bells of sunshine in the room...» [2, с. 72]	«Когда он понял, о чем я говорю, что в комнате сверкали солнечные звездочки...»	«Когда он понял, о чем я говорил, что в комнате засверкали солнечные колокольчики...»	«Когда он понял, что я говорю о том, что в комнате прыгали солнечные зайчики...»	«Когда смысл моих слов дошел до него, когда он увидел, что по комнате прыгают солнечные зайчики...»
<p>Мерцание солнечных лучей, которое напоминает автору звон колокольчиков, заменяется в переводе на более привычный для русскоязычного читателя метафорический образ — «солнечные зайчики».</p> <p>Здесь автор статьи использовал способ замены исходного образа на общеупотребительный образ в языке перевода</p>					
	«For Daisy was young and her artificial world was redolent of orchids and pleasant, cheerful snobbery and orchestras which set the rhythm of the year...» [2, с. 118]	«Потому что Дейзи была молода, и ее искусственный мир был насыщен ароматом орхидей и приятным, веселым снобизмом и оркестрами, которые устанавливали ритм года...»	«Потому что Дейзи была молода, и ее искусственный мир был насыщен ароматом орхидей и приятной, радостной заносчивостью. А еще оркестры, устанавливающие ритм года...»	«Ведь Дейзи была молода, и ее искусственный мир был полон аромата орхидей и приятного, веселого снобизма, а оркестры задавали ритм года...»	«Ведь Дэйзи была молода, а в ее искусственном мире цвели орхидеи и господствовал легкий, приятный снобизм, и оркестры каждый год вводили в моду новые ритмы...»
<p>Дейзи жила в достатке и роскоши, поэтому ее мир был метафорически наполнен благоуханием орхидей.</p> <p>Здесь автор статьи использовал способ перевода метафоры как сравнения вместе с ее смыслом</p>					
	«The very phrases were worn so threadbare that they evoked no image except that of a turbaned »character“ [2, с. 54]	«Самые фразы были настолько изношены, что не вызывали никакого образа, кроме того, увенчанного тюрбаном »персонажа»»	«Фразы стали настолько обветшалыми, что не вызывали никакого образа, кроме изображения в тюрбане »персонажа»»	«Сами фразы были настолько изношены, что не вызывали никакого образа, кроме »персонажа в тюрбане»»	«Весь этот обветшалый лексикон вызывал у меня представление не о живом человеке, а о тряпичной кукле в тюрбане»
<p>Данное предложение метафорично само по себе. Ник сравнивает Гэтсби с «персонажем в тюрбане», словно с клоуном, который пытается доказать несуществующие выдуманные события.</p> <p>Здесь автор статьи использовал способ перевода метафоры с помощью сравнения с сохранением исходного образа</p>					
	«He had been full of the idea so long, dreamed it right through to the end, waited with his teeth set, so to speak, at an inconceivable pitch of intensity» [2, с. 74]	«Он долго был полон этой идеи, приснивал ее до конца, ждал, будто сжав зубы, на невообразимо высокой степени напряженности»	«Он долгое время был полон этой идеи, просыпался с ней и засыпал, ждал, словно сжав зубы, так сказать, на невообразимой степени интенсивности»	«Он так долго был полон этой мысли, мечтал до конца, ожидал, так сказать, стиснув зубы, с невероятной интенсивностью»	«Он так долго об этом мечтал, так подробно все пережил в мыслях, столько времени ждал, словно бы стиснув зубы в невероятном, предельном напряжении»
<p>Здесь автор статьи использовал способ замены исходного образа на общеупотребительный образ в языке перевода</p>					

На примере концептуальных метафор трех типов достаточно ясно прослеживается вывод, что нейронные сети не справляются с переводом там, где нужно понять, какой концепт взять за основу перевода, какой метод перевода будет более уместным в той или иной ситуации.

Несомненно, что нейронные сети привнесли в нашу жизнь большую помощь в переводческой деятельности, но в более сложных структурных единицах предложения, без знаний и умений человека обойтись нельзя.

Литература:

1. Лакофф Джордж, Джонсон Марк Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
2. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. 2014. — 141 с. [электронный ресурс]: <https://pdflake.com/wp-content/uploads/2021/12/The-Great-Gatsby-PDF.pdf>
3. Newmark P. The translation of metaphor // Approaches to translation. — N.Y., 1988. — 200 p.

Идиомы о погоде в современном английском и русском языках. Применение обучающимися идиом о погоде на уроках английского языка

Туманова Анастасия Денисовна, студент;
Кошелева Дарья Юрьевна, студент;
Гафарова Софья Димовна, студент;
Зорькина Вероника Олеговна, студент

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)

В данной статье авторы рассматривают исследование идиом о погоде в английском языке и русском языке как способ раскрытия культурных особенностей и традиций народа и применение приведенных идиом на уроках английского языка.

Ключевые слова: идиомы о погоде, английский язык, культурные особенности, традиции, обучение идиомам, методы обучения, происхождение идиом, примеры использования, упражнения, брошюра с идиомами, русский язык, навыки общения, выразительность, оригинальность

Идиомы о погоде в языке воплощают культурные особенности и традиции народа. Их изучение раскрывает уникальные выражения, применяемые в разных ситуациях. Например, идиомы о погоде часто используются в повседневных беседах на английском языке [1, 2].

Изучение идиом, связанных с погодой, на уроках английского языка открывает учащимся двери в культурные особенности и выразительные возможности языка. Освоение идиом о погоде становится актуальным и перспективным аспектом изучения английского языка, обогащая навыки общения, чтения и понимания культуры. И сейчас все больше учителей в школе акцентируют внимание на изучение идиом [2].

Идиомы — это своеобразные языковые выражения, значение которых не соответствует прямому смыслу составляющих их слов.

Понять выражения, которые используют идиомы, переводя буквально каждое слово, — это довольно сложное дело. Иногда идиомы имеют метафорическое значение, которое не всегда можно угадать, исходя из значения самих слов. Чтобы разобраться в них, нужно запоминать значение идиом в целом [1].

При изучении английского языка ученики сталкиваются с идиомами. Обучающиеся могут придерживаться следующего плана ознакомления с идиомой и понимания ее смысла [2].

— Объяснить значение и происхождение идиомы для дальнейшего понимания условий употребления идиомы.

— Показать примеры предложений с использованием конкретной идиомы. Обучающиеся смогут понять, как можно ис-

пользовать эту идиому в контексте разговора или письменного текста.

— Предложить обучающимся упражнения, в которых они могут применить новую идиому о погоде в различных ситуациях.

— Обсуждение: Побуждать школьников обсуждать, какие другие идиомы о погоде они знают и как они могут использовать их в своей речи [2].

Мы разработали брошюру с идиомами о погоде, которые встречаются в школьных учебниках. Данную брошюру можно рассмотреть на рис. № 1 и на рис. № 2:

Разбор и применение идиом о погоде на уроках английского языка помогут ученикам лучше понимать и использовать разнообразные выражения в своей речи и письменной коммуникации [1].

Владение хотя бы одним иностранным языком в современном мире становится неотъемлемой частью нашей жизни. Очень часто уровень знания английского языка отражается не только в словарном запасе, но и в умении использовать английские идиомы, которые не имеют прямых аналогов в родном языке [1, 2].

Использование идиом придает языку неповторимость и оригинальность, делая его более выразительным. Однако школьники часто сталкиваются с трудностями в использовании идиом в повседневной речи. Наша разработанная брошюра поможет учащимся понять суть идиом, запомнить их значения и успешно применять в своей речи.

Рис. 1. Брошюра с идиомами на английском языке

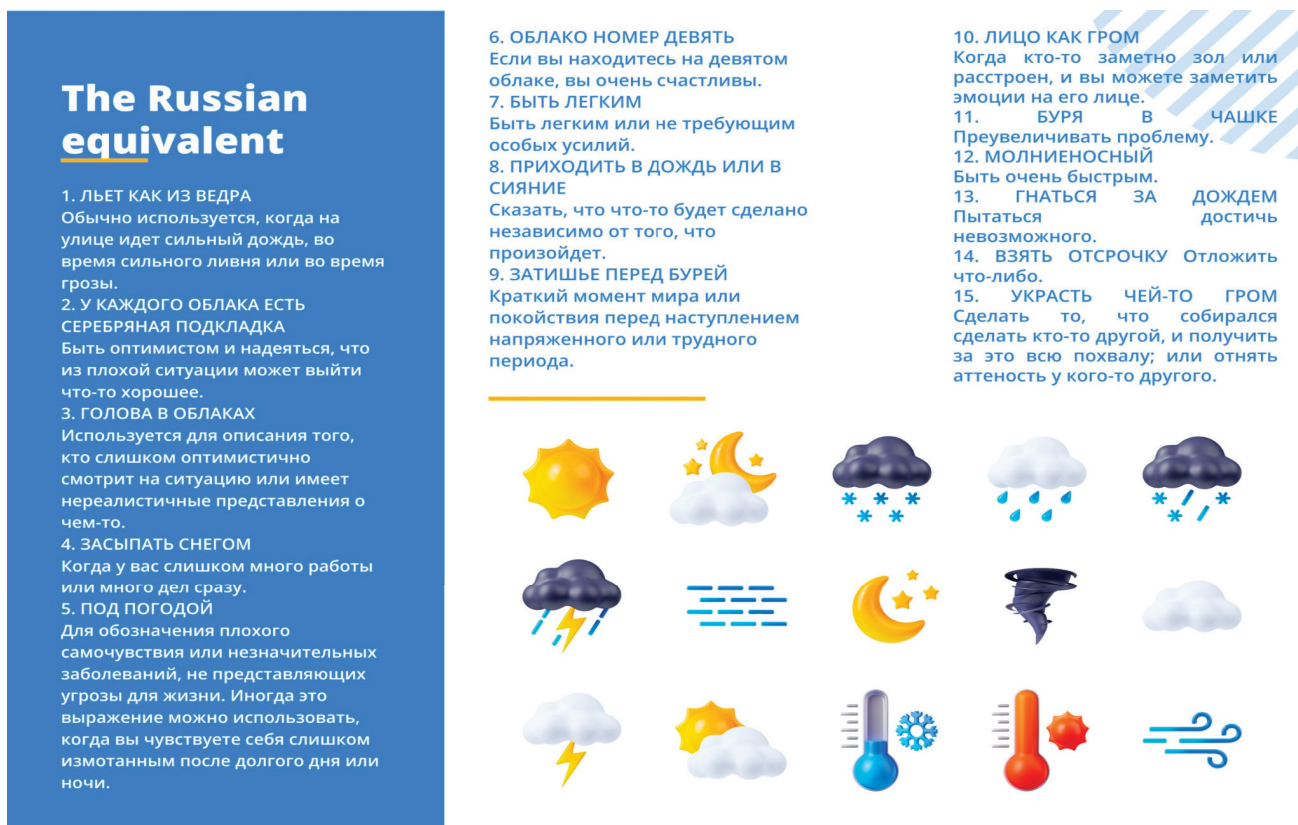

Рис. 2. Брошюра с идиомами на русском языке

Литература:

1. Шитова, Л. Ф. Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов = English Idioms and Phrasal Verbs: словарь фразеологических соответствий / Л. Ф. Шитова, Т. Л. Брускина. — Санкт-Петербург: Антология, 2003. — 255, [1] с. — Библиогр.: с. 254 (24 назв.). — ISBN 5949620127.
2. Логан, П. Смит. «Фразеология английского языка». // Учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР. — Москва, 1959. — 208 с.

Фонологическое сравнение между кантонскими диалектами и путонхуа

Чжоу Юйчжэнь, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье представлен сравнительный анализ речи кантонского диалекта и мандаринского языка с целью выявления различий и связей между ними. Установлено, что кантонский диалект значительно отличается от мандаринского в плане согласных, рифм, тонов и фонологических моделей. Эти различия отражают уникальность и региональные особенности кантонского диалекта. В то же время эти различия создают определенные трудности в общении и понимании между разными регионами. Поэтому, чтобы лучше способствовать общению и взаимопониманию между различными регионами, мы должны усилить исследования и изучение кантонских диалектов и улучшить наши знания и понимание их. В то же время мы должны уважать и защищать разнообразие кантонских диалектов, укреплять связь и интеграцию различных языков, а также способствовать общению и взаимопониманию между различными регионами.

Ключевые слова: кантонский диалект, путонхуа, фонологический контраст, различие, связь.

Кантонский язык и путонхуа являются двумя важными формами языка в Китае, и они имеют значительные различия в фонологии, грамматике и лексике. Цель данной статьи — провести сравнительный анализ фонологии кантонского диалекта и путонхуа, чтобы выявить различия и связи между ними. Благодаря сравнительному анализу мы сможем лучше понять особенности кантонского диалекта, а также способствовать развитию коммуникации и взаимопонимания между различными регионами.

1. Вокалическое сравнение

Между кантонскими диалектами и мандаринским языком существуют большие различия в плане согласных. Во-первых, согласные в кантонском диалекте более многочисленны и разнообразны, чем в мандаринском. Например, в кантонском диалекте 21 согласный, а в мандаринском — только 21. Во-вторых, некоторые согласные в кантонском диалекте не существуют в мандаринском. Например, согласный «ng» в кантонском диалекте заменяется на «n» или «ng» в путонхуа. Кроме того, некоторые согласные в кантонских диалектах произносятся иначе, чем в мандаринском. Например, при произнесении гласного «б» в кантонском диалекте кончик языка упирается в верхний альвеолярный гребень, а при произнесении гласного «б» в мандаринском — в нижний альвеолярный гребень.

2. Сравнение рифм

Между кантонским диалектом и мандаринским также существуют большие различия в плане рифмы. Прежде всего, рифмы в кантонском диалекте более разнообразны, чем в ман-

даринском. Например, в кантонском диалекте есть 6 единичных и 9 дифтонгов, в то время как в мандаринском — только 6 единичных и 8 дифтонгов. Во-вторых, некоторые рифмы в кантонском диалекте отсутствуют в мандаринском. Например, рифма «iu» в кантонском диалекте заменяется на «iou» в мандаринском. Кроме того, некоторые рифмы в кантонском диалекте произносятся иначе, чем в мандаринском. Например, гласный «а» в кантонском диалекте произносится с более низким положением языка, в то время как гласный «а» в мандаринском произносится с более высоким положением языка.

3. Сравнение тонов

Между кантонским диалектом и мандаринским языком также существуют большие различия в тональности. Прежде всего, тона в кантонском диалекте более разнообразны, чем в мандаринском. Например, в кантонском диалекте шесть тонов, а в мандаринском — только четыре. Во-вторых, некоторые тоны в кантонском диалекте отсутствуют в мандаринском. Например, тон «м» в кантонском диалекте заменяется тоном «н» в путонхуа. Кроме того, некоторые тоны в кантонских диалектах произносятся иначе, чем в мандаринском. Например, тон «55» в кантонском диалекте произносится с более длинным звуком, в то время как тон «55» в мандаринском произносится с более коротким звуком.

4. Сравнение фонологических моделей

Между кантонским диалектом и мандаринским языком также существуют большие различия с точки зрения фоноло-

гических моделей. Прежде всего, фонологические модели в кантонских диалектах сложнее, чем в мандаринском. Например, некоторые сочетания слогов в кантонском диалекте не существуют в мандаринском. Во-вторых, некоторые фонологические законы в кантонских диалектах не применимы в путонхуа. Например, некоторые сочетания слогов в кантонских диалектах должны быть скорректированы в путонхуа. Кроме того, некоторые фонологические законы в кантонском диалекте произносятся иначе, чем в мандаринском. Например, при произнесении некоторых сочетаний слогов в кантонских диалектах необходимо использовать особые приемы произношения.

Заключение

Сравнивая и анализируя фонологию кантонских диалектов и мандаринского языка, мы можем обнаружить, что между ними существуют большие различия и связи. Кантонские диалекты имеют значительные отличия от мандаринского языка в плане согласных, рифм, тонов и фонологических моделей. Эти различия отражают уникальность и региональные особенности кантонского диалекта. В то же время эти различия создают определенные трудности в общении и понимании между разными регионами. Поэтому, чтобы облегчить

общение и взаимопонимание между различными регионами, мы должны усилить исследования и изучение кантонских диалектов и улучшить наше знание и понимание их. Однако мы также должны признать, что между кантонскими диалектами и путонхуа существуют определенные связи и общие черты. Например, и кантонские диалекты, и путонхуа являются важными частями китайского языка, и они имеют определенные сходства в грамматике и словарном запасе. Кроме того, и кантонские диалекты, и путонхуа — это разновидности китайского языка, и они оба несут в себе богатый культурный подтекст и историческую информацию. Поэтому мы должны уважать и защищать разнообразие кантонских диалектов и в то же время укреплять связь и интеграцию между различными языками, а также способствовать общению и взаимопониманию между различными регионами. В заключение следует отметить, что фонетическое сравнительное исследование кантонских диалектов и путонхуа имеет большое значение для понимания особенностей кантонских диалектов и содействия общению и взаимопониманию между различными регионами. Благодаря сравнительному исследованию мы сможем лучше распознать и понять уникальность и региональные особенности кантонского диалекта и в то же время способствовать развитию коммуникации и взаимопонимания между различными регионами.

Литература:

1. Chen Z. A Phonetic Comparative Study of Cantonese and Mandarin [J]. Журнал Гуандунского университета иностранных исследований, 2017(3):45–50.
2. Zhang Xiaoyan. Фонологическое сравнительное исследование кантонского и мандаринского языков [J]. Журнал Гуандунского университета иностранных исследований, 2018(2): 35–40.
3. Li Xiaohua. Фонологическое сравнительное исследование кантонского и мандаринского языков [J]. Журнал Гуандунского университета иностранных исследований, 2019(1): 25–30.
4. Wang Lihua. Фонологическое сравнительное исследование кантонского и мандаринского языков [J]. Журнал Гуандунского университета иностранных исследований, 2020(4): 55–60.

Функционирование ономастических единиц в языке русских и китайских СМИ: сопоставительный аспект

Шао Ицюн, студент магистратуры;
Старыгина Галина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент
Амурский государственный университет (г. Благовещенск)

Статья посвящена изучению функций ономастических единиц в текстах русских и китайских новостных СМИ.

Ключевые слова: *онимы, функции онимов, новостные СМИ.*

В настоящее время новостные тексты СМИ являются не только активным средством информирования населения о событиях в мире и родной стране, способом формирования общественного мнения и т.п., но и могут рассматриваться в качестве лингвистического источника изучения ономастических единиц. Ономастическое пространство СМИ отличается тем,

что может включать абсолютно любые онимы, ведь тематика СМИ охватывает разные сферы жизни человека.

В исследовании мы обратились к новостным текстам по нескольким причинам. Во-первых, эти тексты всегда отражают самую актуальную информацию. Во-вторых, содержат онимы, часть которых является национально-маркированными едини-

цами. В-третьих, изучение единиц ономастического пространства новостных СМИ России и Китая позволит выделить характерные функции онимов, определить их специфику.

Цель статьи — проанализировать функционирование ономастических единиц в текстах русских и китайских новостных СМИ.

Материалом исследования стали тексты новостей из онлайн-газет «Жэньминь Жибао» и «Аргументы и Факты» за 2023 г. Выбор изданий обусловлен их высоким рейтингом в России и Китае.

В ходе анализа 30 китайских и 30 русских текстов были выделены следующие группы онимов.

Антропонимы. Имена собственные выполняют номинативную функцию, но в новостных СМИ антропонимы выступают как дифференцирующие, а также идентифицирующие элементы. Имена известных государственных и политических деятелей являются маркерами, указывающими на ту страну, о которой пойдет речь: Сиамони — Камбоджа, Владимир Зеленский — Украина, Джо Байден — США и т.д. В китайских новостях такими маркерами-указателями можно назвать имена Си Цзиньпина, Ли Цяна, Ван И, в русских — Владимира Путина, Дмитрия Медведева, Сергея Лаврова. Такие антропонимы определяют направление новости: политические они, экономические или другие.

Рассмотрим контекстные примеры с антропонимами. В китайском издании «Жэньминь Жибао» (10.11.2023) читаем: «В поздравительном послании королю Камбоджи *Нородому Сиамони Си Цзиньпин* отметил, что камбоджийский народ придерживается пути развития, соответствующего национальным условиям, и в последние годы постоянно добивается новых достижений в ходе национального строительства» [1].

В русской газете «Аргументы и Факты» читаем (11 ноября, АиФ — Москва): «Американский президент *Джо Байден* намеревается провести «жесткий разговор» с китайским коллегой *Си Цзиньпином*. Глава Белого дома хочет обсудить поддержку Китаем России в украинском конфликте и ситуацию на Ближнем Востоке» [2].

Для каждой страны значимыми антропонимами могут быть имена выдающихся деятелей культуры, спорта, исторических личностей и т.п. Например, в Китае известно и глубоко почитается имя Конфуция — родоначальника философского течения конфуцианства, высказывания которого стали афористичными, а имя Конфуция частотно используется в разных информационных контекстах, например, в номере «Жэньминь Жибао» от 10.11.2023 г. читаем: «Институт имени *Конфуция* при Монгольском государственном университете /МонГУ/ в понедельник отметил 15-летие своего создания» [3].

В русских СМИ многие имена также становятся маркерами определенной сферы, например, имя режиссёра Никиты Михалкова связано со сферой русского киноискусства, а имя Дани Милохина — со сферой молодёжного блогерства. В газете «Аргументы и Факты» (от 10 ноября, АиФ — Москва) встречаем такой текст: «Данный эпизод передачи связан с критикой в адрес *Милохина* со стороны *Никиты Михалкова*, возмущенного чрезмерной популярностью 21-летнего блогера и незнанием им элементарных вещей» [4].

В то же время в новостных текстах любого государства часто используются имена всемирно известных личностей, например, имя Илона Маска — миллиардера, основателя компаний «Tesla» и «SpaceX».

«Жэньминь Жибао» (31.05.2023): «*Илон Маск*, со своей стороны, отметил, что интересы США и Китая взаимосвязаны и неотделимы друг от друга» [5].

«Аргументы и Факты» (11.11.2023): «Очередное высказывание *Илона Маска* о позиции на Украине уже активно обсуждается во всем мире» [6].

Таким образом, антропонимы в русских и китайских новостных СМИ могут выполнять не только номинативную и идентифицирующую функции, но и выступать в качестве маркера, указывающего на определённые реалии, связанные в сознании людей с носителем данного имени.

Топонимы. В текстах новостных СМИ, кроме антропонимов, активно используются топонимы, чаще всего это названия стран, городов, регионов и других географических объектов. Данные топонимы также выполняют номинативно-идентифицирующую функцию, их использование в СМИ обязательно, так как именно топонимы определяют место того новостного события, о котором идет речь.

Например, топонимы в тексте «Жэньминь Жибао» (30.10.2023): «*Иран* и *Саудовская Аравия* достигли предварительного соглашения об отмене визовых требований для торговцев двух стран» [7].

Из газеты «Аргументы и Факты» (11 ноября, АиФ — Москва) можно привести следующий пример: «В пятницу, 10 ноября, на территорию сектора *Газа* через КПП «Рафах» на границе с *Египтом* въехали 30 грузовиков с гуманитарной помощью» [8].

Топонимы могут как называть конкретные географические объекты отдельной страны, так и быть общеизвестными, например, Донбасс, Украина, США, Израиль, Палестина, сектор Газа и др.

Антропонимы и топонимы — самые распространённые единицы в ономастическом пространстве новостных СМИ. В зависимости от направленности новости, её актуальности и содержания в текстах СМИ также могут использоваться и другие виды онимов: эргонимы, зоонимы, фитонимы, космонимы и другие.

Например, только в одном контексте китайской газеты «Жэньминь Жибао» (11.09.2023): отмечаем 7 разных онимов: «Большие панды по кличке *Мэйсян*, *Тяньтянь* и их детеныш *Сяоцици* /самец/ покинули *Смитсоновский* национальный зоопарк в *Вашингтоне*, завершив свое пребывание в *США*, чтобы отправиться домой в *Китай*» [9].

В контексте газеты «Аргументы и Факты» (11 ноября, АиФ — Москва) употреблено 4 онима: «Британские ученые нашли в лесах *Индонезии* ехидну *Аттенборо*, которую на протяжении более полувека считали вымершим видом, сообщает *Business Insider*» [10].

Таким образом, оним — необходимая составляющая единица русских и китайских новостных текстов, так как онимы определяют содержание новости. Именно онимы выполняют функцию номинации личности, места, которые «участвуют» в описываемом событии. В то же время онимы реализовывают и указательную, и идентифицирующую функции, являясь национально-маркированными единицами в речи.

Литература:

1. Си Цзиньпин поздравил Камбоджу с 70-летием независимости // Жэньминь Жибао: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/1110/c31521-20095488.html>
2. Politico: Байден намерен провести «жесткий разговор» с Си Цзиньпином // Аргументы и Факты: https://aif.ru/politics/world/politico_bayden_nameren_provesti_zhestkiy_razgovor_s_si_czinpinom
3. Институт Конфуция в Монголии отмечает 15-летний юбилей // Жэньминь Жибао: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/1010/c31520-20081395.html>
4. Блогер Милохин опозорился, отвечая на вопрос из школьной программы // Аргументы и Факты: https://aif.ru/culture/person/blogger_milohin_opozorilsya_otvechaya_na_vopros_iz_shkolnoy_programmy
5. Маск выступил против разрыва связей с Китаем // Жэньминь Жибао: <https://svpressa.ru/economy/news/374862/>
6. Перкова А. Заявка на политическую карьеру. Илон Маск дал совет президенту Украины // Аргументы и Факты: https://aif.ru/politics/world/zayavka_na_politicheskuyu_kareru_ilon_mask_dal_soviet_prezidentu_ukrainy
7. Иран и Саудовская Аравия достигли первоначального соглашения об отмене виз для торговцев — чиновник // Жэньминь Жибао: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/1030/c31520-20090503.html>
8. Израиль заявил о 30 грузовиках с гумпомощью, въехавших в сектор Газа // Аргументы и Факты: https://aif.ru/society/izrail_zayavil_o_30_gruzovikah_s_gumpomoshchyu_vehavshih_v_sektor_gaza
9. Большие панды Мэйсян, Тяньтянь, Сяоцици возвращаются в Китай из зоопарка Вашингтона // Жэньминь Жибао: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/1109/c31520-20094992.html>
10. Соул с. В Индонезии нашли ехидну Аттенборо, которая считалась вымершей // Аргументы и Факты: https://aif.ru/society/science/v_indonezii_nashli_ehidnu_attenboro_kotoraya_schitalas_vymershey

Коммуникативная роль комплимента как речевого акта на примере китайской драмы 你微笑时很美 («Влюбиться в твою улыбку»)

Шипилова Вероника Вадимовна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Данная научная статья представляет собой исследование роли комплиментов в межличностной коммуникации, акцентируя внимание на китайской драме «Влюбиться в твою улыбку». Анализ комплиментов между российской и китайской культурами подчеркивает культурные различия, которые отражают ценности общества и влияют на взаимоотношения во время коммуникации. Лингвистические особенности в драме «Влюбиться в твою улыбку» придают ключевую роль формированию образов персонажей и их способностей.

Ключевые слова: комплименты, межличностное общение, культурные различия, китайские драмы, киберспорт, лингвистические особенности.

The communicative role of a compliment as a speech act on the example of the Chinese drama «你微笑时很美» (Falling in love with your smile)

This scientific article is a study of the role of compliments in interpersonal communication, focusing on the Chinese drama «Falling in Love with Your Smile». An analysis of compliments between Russian and Chinese cultures highlights cultural differences that reflect society's values and influence relationships during communication. Linguistic features in the drama «Falling in Love with Your Smile» play a key role in shaping the characters' images and their abilities.

Keywords: compliments, interpersonal communication, cultural differences, Chinese dramas, e-sports, linguistic features.

Комплименты — это универсальное средство общения, способное раскрывать позитивные аспекты личности и взаимоотношений. Они являются неотъемлемой частью повседневной коммуникации между людьми, играя важную роль в укреплении социальных связей.

Интерес к комплиентам как явлению в русском языке не случаен, а начало этого интереса можно проследить до французского слова «compliment». С течением времени, это слово стало неотъемлемой частью русского языка, укоренившись в повседневной речи [1, с. 27].

По мнению психолога Евы Волдарек, роль комплиментов в жизни человека трудно переоценить. Они служат своего рода социальным клеем, способным объединять людей в коллективе и создавать положительный эмоциональный фон в общении. Исследования психологов также показывают, что люди, регулярно дарящие комплименты, не только создают более благоприятное восприятие вокруг себя, но и воспринимают собственную жизнь более позитивно [5].

В Китае уклад общения предполагает, что комплименты чаще выражаются в сторону старших, в то время как старшие редко прибегают к подобным выражениям в адрес младших. Традиционные социокультурные нормы также предполагают определенное распределение статусов между мужчиной и женщиной, где мужчина занимает более высокий статус, чем женщина. Это обуславливает необходимость сохранения определенной дистанции между полами.

В контексте таких обычаев, если мужчина сделал комплимент женщине, например, о ее красоте, это может создать неловкую ситуацию. Обычный человек может воспринять такой комплимент как несерьезность или излишнюю похотливость со стороны мужчины. А сама женщина, услышав подобный комплимент, может почувствовать, что ее не уважают.

В сфере бизнеса бывает так, что комплименты о хорошей работе, морали и честности не всегда воспринимаются положительно. Вместо этого более ценятся качества, такие как способность, гибкость и финансовый успех. Если подчеркнуть, что бизнесмен способен, гибок и умеет зарабатывать, это будет для него настоящим комплиментом. В случае с чиновниками положительные высказывания о том, что им повезло и они нажили состояние, воспринимаются также негативно. Наоборот, если подчеркнуть их любовь к людям, честность и трудолюбие, это будет воспринято как комплимент.

В России принято выражать комплименты относительно внешности женщин, рассматривая это как элементарную вежливость. Например, «ты сегодня очень красивая». Эти высказывания являются обидным и социокультурным явлением, и для женщины они означают высокую оценку ее внешности, а также придают положительный эмоциональный оттенок.

Сравнивая российские и китайские комплименты, стоит отметить различия в подходе к лицам с более высоким статусом. Россияне предпочитают выражать похвалу тем, кто имеет равный статус, кто не слепо следует авторитетам и не зависит от их помощи, а также не любит формальных указаний. В общем, они не особо расположены к высшему руководству и не стремятся выполнять административные приказы. Однако, в случае индивидуального поощрения, россияне готовы с радостью следовать указаниям, проявляя активность в процессе [2, с. 661].

В китайских дорамах, где взаимоотношения персонажей являются ключевым аспектом развития сюжета, комплименты выступают как значимый элемент коммуникации. Они служат созданию эмоционального контекста, несут в себе не только формальное выражение восхищения, но и формируют позитивные эмоции, придавая положительную окраску сценам в драме, а также углубляя связь между героями драм и их взаимоотношения. Учитывая то, что комплименты чаще всего используются в разговорной речи, то они могут иметь лингви-

стические и стилистические особенности с неформальным оттенком. Рассмотрим особенности некоторых комплиментов на примере китайской драмы «Влюбиться в твою улыбку».

1. 这招放得漂亮 — «Красотка» (перевод группы Unicorn). Обычно слово 漂亮 используется для оценки внешности, однако, в контексте представленного комплимента относится к профессиональной игре и может быть интерпретировано как «удачно» или «мастерски».

2. 你看这零误差预判 — «Смотри, как безошибочно предсказала исход игры» (перевод группы Unicorn). Сленговое выражение 零误差预判 подчеркивает безупречность какого-либо действия, так как слово 零, означающее «ноль», имеет игровое значение в данном контексте и переводится как «безошибочный». Данное выражение отражает высокий уровень мастерства главной героини в игре «League of Legends», а также комплимент подчеркивает ее точность и профессионализм.

3. 这谁打得过啊这秀啊太厉害了吧 — «Кто ее победит? Она слишком хороша» (перевод группы Unicorn). Фраза 这谁打得过啊 подчеркивает сомнение в том, что кто-то может противостоять героине в игре. Использование слов 秀 и 厉害 усиливает комплимент, подчеркивая ее выдающиеся навыки и впечатляющую игру. Выражение также усиливается использованием разговорного междометия 啊, которое в данном контексте указывает на восторг и удивление.

4. SK的王牌打野的人气是非常的高啊不愧是万千少女心目中的男神 — «Лучший джанглер команды SK, очень популярен, мужчина мечты для многих девушек» (перевод группы Unicorn). В данном комплименте используется выражение 万千少女心目中的男神, которое относится к гиперболизации речи. Оно подчеркивает популярность героя в женской аудитории и его статус «мужчины мечты». Более того, использование 的 между 王牌打野 и 人气 подчеркивает связь между джанглером и его популярностью.

5. 我跟你讲 童谣还是强还是强帅帅 — «Должен вам сказать, что Улыбашка и правда способная» (перевод группы Unicorn). «Улыбашка» — это ник в игре «League of Legends» главной героини, на который делается акцент в данном комплименте, что указывает на его неформальность.оборот 我跟你讲 подчеркивает необходимость передать важную информацию и относится к разговорной речи, а использование удвоения прилагательного 强帅帅 усиливает значение прилагательного, указывая на силу и стиль игры Улыбашки.

В каждом из представленных комплиментов присутствуют разнообразные лингвистические особенности и средства выразительности, которые передают восхищение и уважение к героям драмы, а также активно используются китайцами во время комплиментов. Данные примеры комплиментов относятся к разговорной речи, поэтому в них можно обнаружить сленговые выражения, удвоение прилагательных, гиперболизацию речи, а также использование междометий. В некоторых комплиментах одновременно выражается и идея, что главная героиня Тун Яо заслуживает выдающегося внимания и признания в игровом мире.

Таким образом, комплименты являются неотъемлемой частью культуры любого народа, влияя на восприятие личности в реальной жизни. Они отражают ценности и нормы обще-

ства, а также играют важную роль в межличностных отношениях и культурном взаимодействии. В России комплименты чаще всего связаны с внешностью, в то время как в Китае более акцентируются на профессиональных достижениях и способ-

ностях. Анализ комплиментов в китайской драме «Влюбиться в твою улыбку» выявил лингвистические особенности, которые акцентируют внимание на эмоциональном и профессиональном развитии героев драмы.

Литература:

1. Гизатуллина Л. Т. Речевой акт «комплимент» как неотъемлемый компонент современной коммуникации // *Филология и культура*. — 2008. — № 1(12). — С. 27–29.
2. Жань Ж. Сопоставление понятия «Комплимент» в русской и китайской лингвокультурах // *Мир науки, культуры, образования*. — 2019. — № 6(79). — С. 660–662.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 288 с.
4. Лю Х. Функции комплимента в русском и китайском речевом этикете // *Russian Linguistic Bulletin*. — 2023. — № 3(39). — С. 1–7.
5. Почему комплименты делают людей счастливыми — исследование психолога Евы Влодарек [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.ap22.ru/paper/Pochemu-komplimenty-delayut-lyudey-schastlivymi-issledovanie.html?ysclid=lpb3tzmwp0799601431> (дата обращения: 25.11.2023)
6. Brutian L. Compliment to a compliment: an analysis of the speech act of a compliment // *Wisdom*. — 2016. — № 2. — С. 28–34.
7. Цзань мэй де цзо юн [Роль комплиментов] (на китайском языке: 赞美的作用) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://zhidao.baidu.com/question/28872863.html> (дата обращения: 29.11.2023)
8. Вэй шэнь ме юе цзань мэй юе хао, цзань мэй бе жэнь де хао чу [Почему чем больше хвалят, тем лучше, польза от похвалы других] (на китайском языке: 为什么越赞美越好, 赞美别人的好处) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.yuexinli.com/yingyongxinlixue/meitianxue/1302.html> (дата обращения: 01.12.2023)

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 19 (518) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 22.05.2024. Дата выхода в свет: 29.05.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.